

ISSN 0135-1872

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 26

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 26

Под редакцией
академика АН Республики Узбекистан *А. А. Аскарлова*

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
1992

В сборнике освещаются новейшие результаты археологических исследований, проведенных на территории Узбекистана. Хронологически охватывается широкий диапазон — от памятников эпохи палеолита до средневековья, тематически — все аспекты истории материальной культуры древнего населения Узбекистана (планировка и топография поселений, история архитектуры, ремесло и ремесленная технология, нумизматика и искусство), а также вопросы развития идеологических воззрений и результаты антропологических исследований.

Для историков, археологов, студентов гуманитарных вузов и широкого круга читателей.

Рецензенты:

кандидаты исторических наук *М. Х. Исамиддинов, Г. Я. Дресвянская*

У. И. ИСЛАМОВ, К. А. КРАХМАЛЬ

К ИЗУЧЕНИЮ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ УЗБЕКИСТАНА

Территория Средней Азии на протяжении всей предистории и истории человечества была узловым пунктом становления и развития культур древнекаменного века.

Одним из наиболее интересных районов, где сохранились палеолитические памятники, является северо-восток Узбекистана, представленный обширным Чаткало-Кураминским горным сооружением (1, с. 13), который разделяет межгорные впадины с долинами рек Угам, Пскем, Чатқал и их многочисленными притоками (2, с. 12).

Агропромышленные работы, строительство дорог, населенных пунктов и другие виды хозяйственной деятельности человека, протекающей с возрастающей интенсивностью, как правило, разрушают и зачастую полностью уничтожают следы былых культур. Поэтому поиск и изучение, принятие своевременных мер по охране древнейших памятников материальной культуры в этом районе являются весьма актуальными и злободневными.

Изучение древнейших эпох каменного века бассейна р. Чирчик проводилось с конца 40-х — начала 50-х годов, однако известные угамские пещеры были обследованы И. А. Кастанье еще в 1913 г. Ходжикентские пещеры, расположенные на левом берегу р. Чирчик, в месте впадения р. Угам, на высоте 20—15 м от основной ходжикентской террасы, изучались под руководством А. П. Окладникова. Гроты Ходжикент 1 и Ходжикент 2 служили жилищем мустьерскому человеку. Здесь на скалистом дне гротов перед входом обнаружены остатки очага, скопление каменных изделий, изготовленных из кремнистого темно-серого известняка, который добывался не из коренных выходов, а из галечников речных отложений (3, с. 28—29).

В 1962 г. была открыта крупная пещерная стоянка Обирахмат (4, с. 9), которая изучалась Р. Х. Сулеймановым. Ниша грота — высотой 12 м, шириной 21 м и глубиной 9 м (5, с. 6) — также, как ходжикентские гроты, открыта на юг. Ряд местонахождений каменных изделий эпохи мустье (4, с. 15) исследован в верховьях р. Чирчик и нижней части р. Пскем, Чаткал и Угам.

На третьей террасе Семисая, левого притока Пскема, обнаружена крупная широкая пластина с хорошо выраженной ударной площадкой и мелкой ретушью по краям. В районе средневекового городища Шахджувар Ю. Ф. Буряковым найдены орудия из серого кремня. Эти данные свидетельствуют о том, что в древнекаменную эпоху обживались верховья не только р. Чирчик, но и его притоков.

Подтверждением этого явилось открытие в 1986 г. местонахождения мустьерских каменных изделий, расположенного на ташкентской террасе Q_2 Пскемская — левого притока р. Пскем в зоне строительства агропромышленных сооружений. Изучение этого памятника, давшего большое количество каменных изделий эпохи мустье и дополняющего знания по древней истории обживания верховьев Пскема, ведется с применением методик как общественных, так и естественно-технических наук. Результаты данных исследований можно использовать в практике народного хозяйства.

История возникновения древнепалеолитических культур связана с динамикой развития окружающей физико-географической среды. Исходя из этого изучение памятников палеолита на территории северо-востока Узбекистана проводится на междисциплинарной комплексной основе. На фактическом материале воссоздаются палеогеографическая среда, которая окружала первобытного человека, условия и формы хозяйственной жизни.

Современное орографическое строение Чаткало-Кураминской системы формировалось в основном в неоген-четвертичное время, совпадающее с периодами первоначального заселения и обживания данного региона первобытным человеком. Поэтому следы материальных культур, как правило, погребенные геологическими породами, подвергаются эндогенным и экзогенным процессам, которые обусловлены ритмами тектонических движений, а также различным типам разрушений (6, с. 3—15).

Ряд исследователей связывают активизацию разрывных нарушений с усилением действия природных факторов, влияющих на возникновение и развитие некоторых видов геологических процессов, в первую очередь склоновых (оползни, осыпи, обвалы, селевые потоки). При изучении условий залегания культурных слоев необходимы всесторонняя оценка влияния зон тектонических нарушений на склоновые процессы, динамического состояния разрывов, уточнение их морфологической и пространственной принадлежности, дислокации.

Угамский хребет — западный отрог Таласского Алатау, расположенный между долинами Пскема и Угама, простирается с северо-востока на юго-запад. Средняя высота гребня Угамского хребта колеблется в пределах 300—3500 м. Его восточные склоны в отличие от северо-западных более крутые, изрезаны узкими и глубокими долинами притоков р. Пскем. На северо-западе и юго-востоке распространены элювиальные, аллювиально-делюви-

альные, аллювиальные лессовые породы, мощность которых достигает 25—30 м и более. На их поверхности широко развиты оползни, оплывины.

Пскемский хребет простирается почти параллельно Угамскому с небольшим юго-западным уклоном. Средняя высота его 3000—3500 м, абсолютная — к северо-востоку 4299 м (гора Бештор). Пскемский хребет по сравнению с Угамским значительно приподнят, имеет острые водораздельные гребни, сильно расчленен глубокими долинами р. Пскем и его левых притоков. Долина Пскема простирается с северо-востока на юго-запад, отделяя Угамский хребет от Пскемского.

Долина р. Пскем представляет собой гребень, зажатый между палеозойскими массивами Пскемского и Угамского хребтов, с разнообразным характером строения. В районе с. Пскем она расширяется; по бортам долины наблюдаются террасовые поверхности (рис. 1), сочетающие разновозрастные элементы раз-

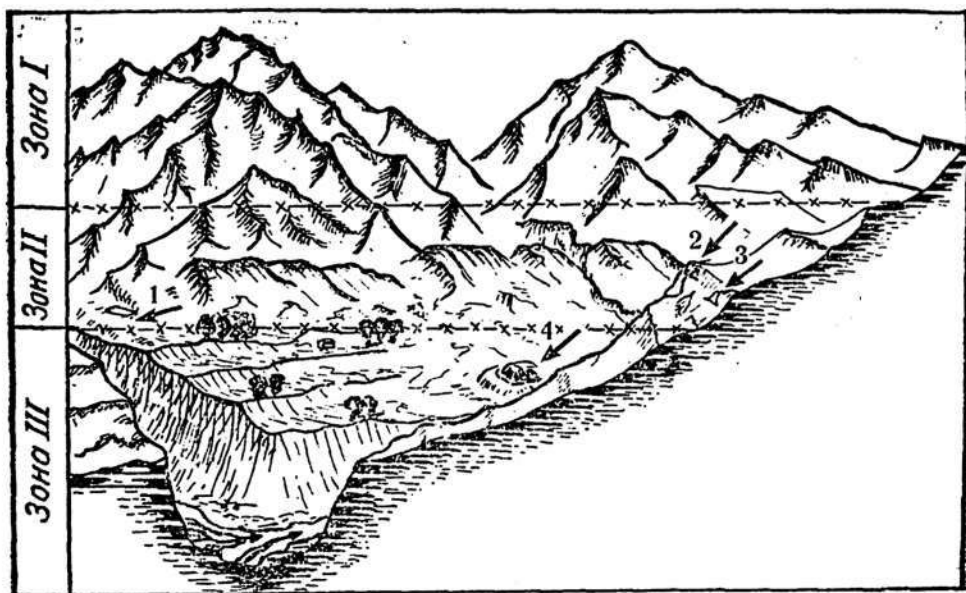

Рис. 1. Условные обозначения: 1 — местонахождения мустьерских изделий; 2 — пещера Говхона; 3 — пещера Йулбарсхона; 4 — средневековое городище.

вития рельефа. Изучение террасовых уступов аккумулятивно-эрозийных циклов, их сопоставление с разновозрастными отложениями позволяют определить возраст рельефа и последовательность развития орографических форм. Общая характеристика расчленения рельефа необходима при датировке археологических памятников, первичного залегания культурных слоев, прогнозировании поисков палеолитических стоянок.

В связи с этим геоморфологическая характеристика района дается на основании результатов исследований методом геоморфологического картирования и анализа по историко-генетическому принципу. Это дает наиболее наглядное представление о периодах осадконакопления, тектонических деформаций каждого из возрастных геоморфологических уровней, интенсивности их формирования в антропогене. Для более достоверного определения условий залегания культурных отложений, их генетической и хронологической корреляции с синхронными памятниками главное внимание уделяется геологическим факторам: строению, генезису и возрасту различных формационных пород, составу и свойствам, пространственным соотношениям поверхностных отложений с коренными породами.

При геоморфологической характеристике использовались результаты наших полевых исследований, а также опубликованные данные Ю. А. Скворцова, С. С. Шульца, А. П. Костенко, Г. Ф. Тетюхина, М. М. Маматкулова, И. И. Атаджанова и др. В районе р. Пскем проведено вертикальное расчленение рельефа в крест простираения р. Пскем и выделено три зоны. Для верхней зоны характерны скалистые вершины водоразделов с относительно глубокими ступенчатыми склонами, распространением преимущественно палеозойских осадочных, метаморфических пород, развитием осыпей; из четвертичных отложений здесь развиты аллювиально-пролювиальные генетические типы, занимающие значительную площадь. Общий контур этой зоны наметился в конце палеогена в результате интенсивных тектонических движений с последующим неоген-четвертичным регионально-глыбовым поднятием.

В данной зоне на протяжении всей истории развития до настоящего времени происходят процессы денудации, в результате которых разрушается и сносится материал для формирования различных по возрасту, составу и свойству пород, распространенных на более низких отметках. Эти факты необходимо учитывать при определении непотревоженности антропогенных отложений, особенно палеолитических стоянок открытого типа, расположенных на склонах горных и межгорных долин. В результате того, что длительная геологическая история проходила в геосинклинальный платформенный, постплатформенный—орогенный этапы развития, все породы здесь сильно дислоцированы и приподняты на значительную высоту. Амплитуда поднятия за неоген-четвертичное время составила 1000—1200 м (2, с. 26).

Вторая зона является промежуточной между верхней древней и нижней. Ее характерная особенность заключается в том, что рельеф развивается за счет сильной расчлененности первой зоны и вовлечения ее в общее расширяющееся поднятие. По географическому положению главный орогенный рельеф приурочен к склонам общего поднятия. Рельеф глубоко расчлененный, более пологий, задернованный. Наблюдается ослабление активнос-

ти глубинной эрозии и расширение долины. Склоны хребтов и борта долины покрыты мощными отложениями элювиально-делювиальных, аллювиально-пролювиальных образований. С подобных горных образований сносится 90% основной массы отложений, транспортируемых рекой в предгорья и предгорные равнины, уничтожая культурные слои палеолитических стоянок и перемещая каменные изделия на значительные расстояния. Изделия из камня, наименее подверженные разрушительным воздействиям, встречаются в русловых отложениях Бозсу (7, с. 26), Каракамыша, Салара (8, с. 26), Келеса (9, с. 61—63). В результате многолетних исследований памятников материальной культуры в районе Ташкентского оазиса было установлено, что большинство из них является переотложенным и рассеянным на значительном расстоянии речными потоками с горных и предгорных склонов.

Эти данные и анализ развития географической среды в историческом плане существенным образом дополняют наши представления о динамике заселения, локализации, степени сохранности памятников палеолита, прогнозирования их поисков.

Исходя из этих закономерностей, дальнейшие поиски стоянок каменного века в горном районе нами проводились во второй зоне, так как третья, расположенная в нижней части долины, характеризуется значительными сужениями и приурочена к поздней фазе главной стадии общего поднятия. Нижней зоной вертикального расчленения образуются три надпойменные террасы, которые обживались в голоцене, глубокие ущелистые врезы р. Пскем и ее притоков. Каменные изделия встречаются здесь, как правило, переотложенными.

Мустьерское местонахождение Пскем расположено на левом берегу притока р. Пскем и приурочено ко второй зоне вертикального расчленения. Коллекция каменных изделий, изготовленных из камня светло-серого цвета, по типологическим признакам относится к эпохе развитого мустье. Поскольку каменный инвентарь верховьев Пскема в целом отличается от индустрии обирахматской группы, целесообразно сделать краткое описание и ввести в научный оборот данную коллекцию. Здесь имеется двухсторонний дисковидный нуклеус (рис. 2), обработанный почти по всей окружности. Основные направления снятых сколов с обеих сторон идут от края к центру. Один из концов в результате снятия крупного скола образует вогнутую (размером 3,5 см), с острым краем поверхность, подправленную крупной и мелкой односторонней ретушью. Этот край изделия, имеющий следы вторичной обработки, мог выполнять функции выемчато-скребущего орудия.

Отметим также многоплощадные ядрища, несущие на поверхности следы от снятых заготовок, с площадками, подправленными ступенчатой ретушью, характерной для данного местонахождения. Это свидетельствует о том, что первобытные обитатели

верховьев Пскема могли изготавливать орудия на месте и обжи-
вали данный регион длительное время.

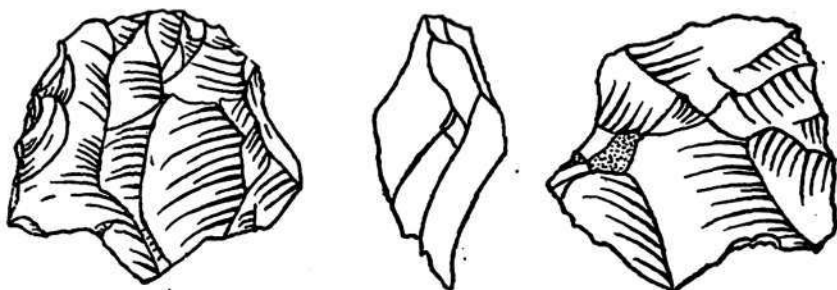

Рис. 2.

Массивный отщеп подчетырехугольной формы, выполненный
из кремнистой брекчии серого цвета ($9,5 \times 8 \times 3$ см) (рис. 4).
Ударная площадка имеет слегка вогнутую двусторонне фасети-

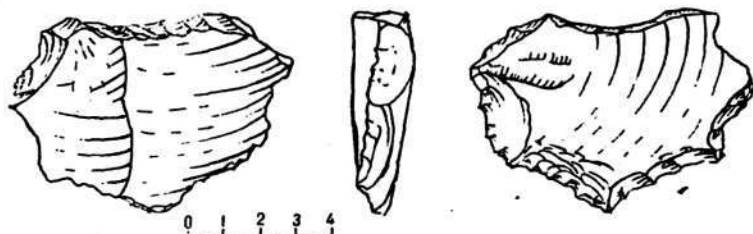

Рис. 3.

рованную поверхность. Площадка неоднократно подправлялась,
и, видимо, в дальнейшем, когда не удалось создать ровную по-

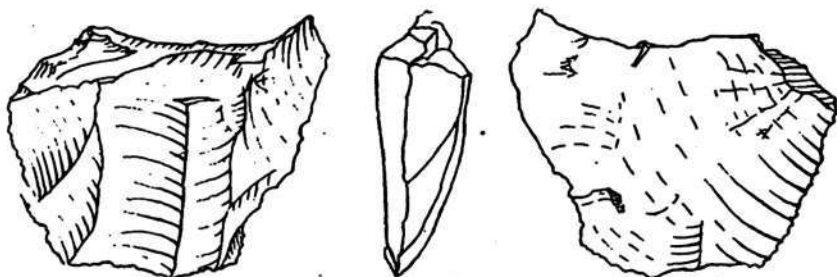

Рис. 4.

верхность, мастер сильным боковым ударом с верхнего левого
угла снял отщеп. Дорсальный фас имеет следы от снятия пря-

мых ($1,5 \times 6$ см) пластин, снятых перпендикулярно ударной площадке. По периметру отщеп имеет острые раковистые края, местами с мелкой чешуйчатой ретушью.

Нуклеидный двусторонний скол (рис. 5), с дистального конца остались негативы от снятия продольных сколов и ряда сколов с проксимала. Ударная площадка прямая, двухсторонне фасетированная, слегка скошена к ветральному фасу. Правый

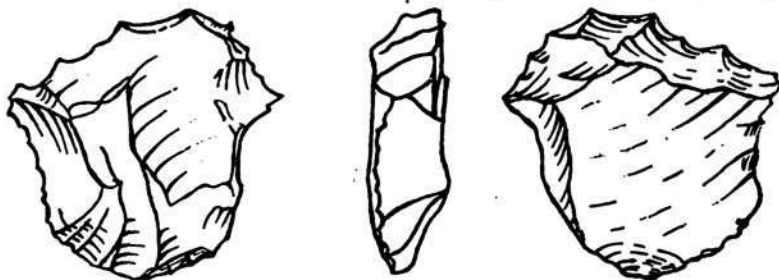

Рис. 5.

край проработан крупным сколом и образует острый шип. Проксимальный конец оформлен крупными зубчатыми выемками, расстояние между зубьями 2,5—1,3 см, которые в свою очередь подправлены мелкой ступенчатой ретушью. Размеры изделия $5 \times 4,5 \times 1,5$ см.

Большой интерес в данной коллекции представляют пластины и изготовленные из них орудия. Огранка пластинчатых форм — параллельная и субпараллельная, имеющая, как правило, две грани, образованные предшествующим снятием. Конец одной из пластин ($6 \times 2,5 \times 1$ см) обломан, левый край обработан непрерывной мелкой ступенчатой и зубчатой ретушью. Дистальный конец подправлен односторонними фасетками. Данное изделие могло использоваться и как ножевидная пластина, и как скребок (рис. 6).

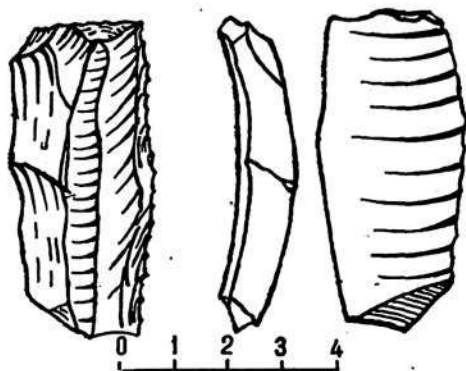

Рис. 6.

Другое орудие ($7 \times 2,5 \times 1$ см), выполненное на пластине, также сохранилось фрагментарно, проксимальный конец обломан. Дорсальный фас имеет след до середины пластины от снятия предыдущего скола и образует две субпараллельные грани. Нижняя часть дорсала покрыта желвачной коркой. Левый маргinal представлен выпуклым острым ребром, правый — вогнутый — подработан мелкой чешуйчатой ретушью (рис. 7).

Пластина с субпараллельной огранкой и острым правым режущим краем ($8,5 \times 3 \times 1$ см). Ретушь, формирующая рабочий участок в верхней части, непрерывная, мелкая, чешуйчатая, в средней — мелкая зубчатая. Левый край слегка выпуклый, в

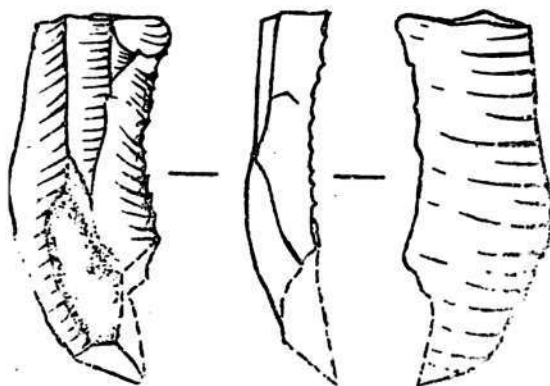

Рис. 7.

средней части крупным сколом образована глубокая выемка ($2,5 \times 1$ см) без подработки (рис. 8).

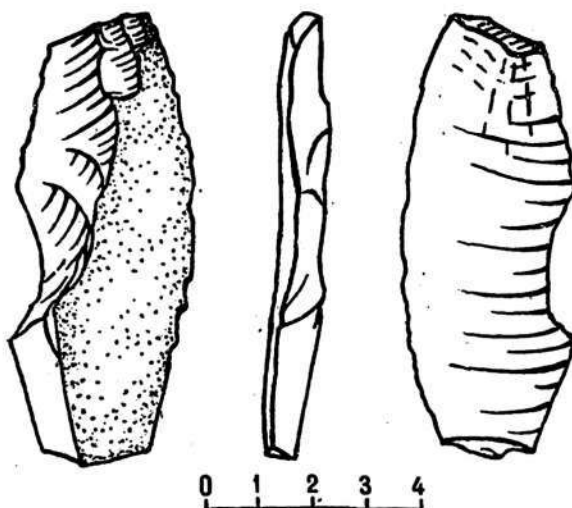

Рис. 8.

Особый интерес представляет пластинчатый отщеп (рис. 9). Дорсальный фас имеет две параллельные грани, образованные предшествующим снятием заготовок. Правый край — ровный ножевидный с острой рабочей поверхностью. Левый имеет слегка вогнутое, обработанное ступенчатой ретушью лезвие. Ударная площадка — фасетированная.

К группе орудий также относятся массивные скребловидные инструменты. Один из них выполнен на крупном отщепе высокой формы (рис. 10). Дорсальный фас у основания изделия сохраня-

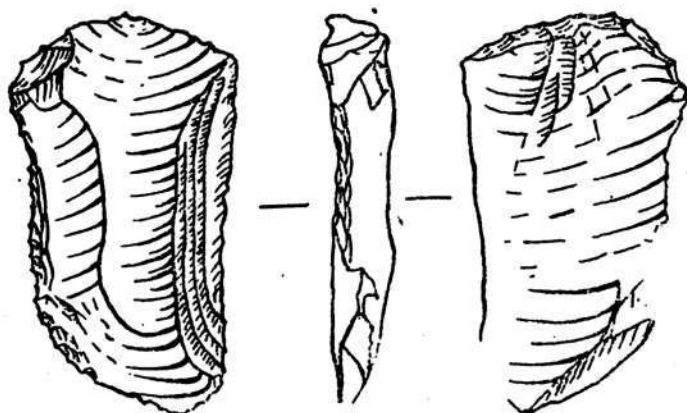

Рис. 9.

ет желвачную корку. Дистал имеет полукруглую форму, обработанную крупной зубчатой и мелкой ступенчатой ретушью ($8 \times 7 \times 2,5$ см).

Скребок высокой формы выполнен на отщепе ($6,5 \times 4,5 \times 2,5$ см). У основания сохранил желвачную корку. Ударная пло-

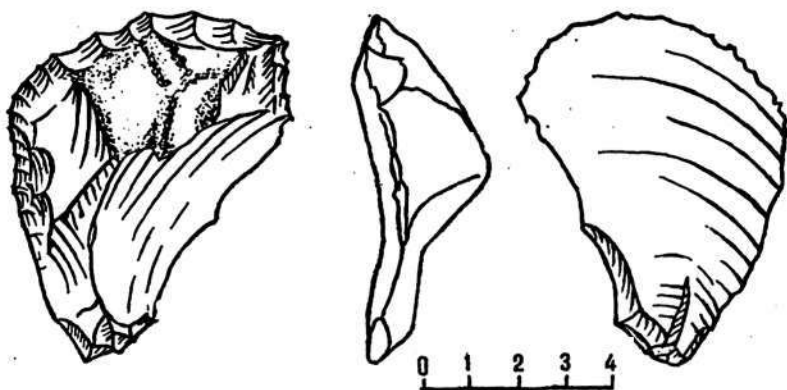

Рис. 10.

щадка имеет ровную, расположенную под прямым углом к ветралу поверхность. Края оформлены крупными и мелкими одно-сторонними сколами (рис. 11).

Ряд изделий выполнен на отщепах треугольной формы. Одно из них имеет ударную площадку, скошенную к ветральному фасу ($5 \times 3 \times 1$ см). Дорсальный фас несет следы продольных снятий заготовок. Плоские пологие грани создают острые режущие

края, имеющие мелкие фасетки, образовавшиеся, возможно, в результате утилизации (рис. 12).

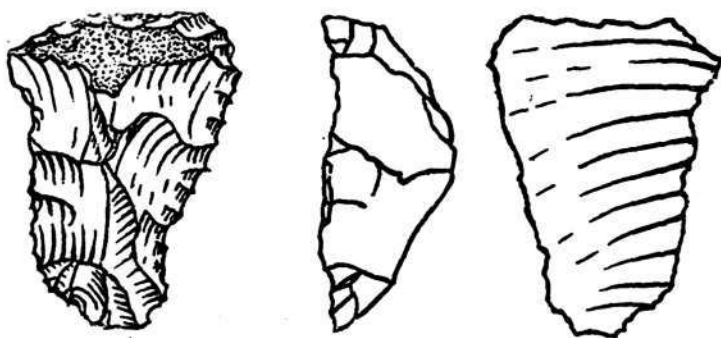

Рис. 11.

Орудие на отщепе подтреугольной формы (рис. 13) имеет фасетированную, слегка скошенную к ветральному фасу удар-

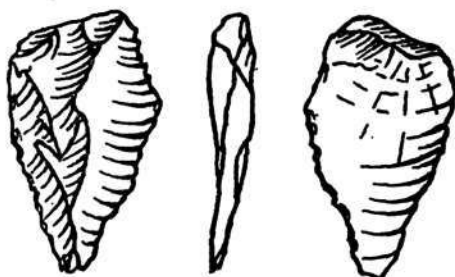

Рис. 12.

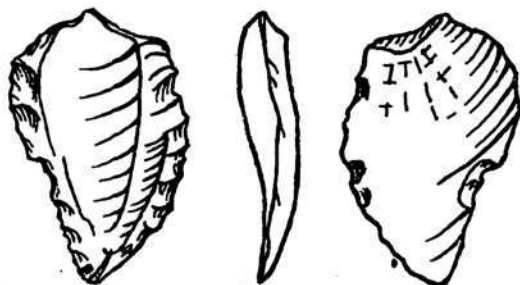

Рис. 13.

ную площадку ($5 \times 3,4 \times 1$ см). Огранка дорсального фаса субпараллельная, имеет три ребра. Тройная комбинация образована негативом предшествующего снятия заготовки треугольной фор-

мы. Правый край выпуклый, морфология ретуши укладывается в параметры средней части, подработка односторонняя. Левый край в средней части мелкой односторонней ретуши имеет шип, с ветрального фаса — выемчато-зубчатая рабочая поверхность.

Орудие, выполненное на отщепе подтреугольной формы (рис. 14) с гладкой ударной площадкой, на дорсальном фасе имеет четко выраженное выпуклое ребро. Оно формирует плоскости двух граней, которые, опускаясь к пристроенному краю,

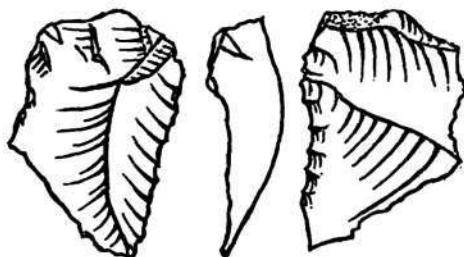

Рис. 14.

образуют острые режущие поверхности. Левый край в верхней части, подработанный серией сколов, имеет выемку ($1,5 \times 0,5$ см), в центральной части оформлен шип. Правый край слегка вогнут, обработан с ветрального фаса односторонней мелкой зубчатой ретушью. Данное орудие можно отнести к полифункциональным.

Особую группу в коллекции представляют нуклеус, нуклевидные сколы, отщепы, отходы производства из черного кремня. Выходы минералов подобного вида вблизи местонахождения не об-

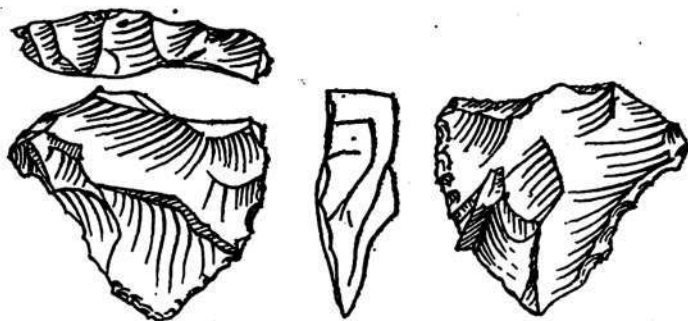

Рис. 15.

наружены. Возможно, древние обитатели верховьев Пскема использовали для их изготовления речные гальки, принесенные водным потоком. Наиболее выразительным в этой группе является зубчатое орудие, сделанное на массивном отщепе (рис. 15). Оно имеет выпуклую фасетированную асимметричную ударную

площадку. Подобные ударные площадки были выявлены и описаны Р. Х. Сулеймановым в индустрии грота Обирахмат (5, с. 164). Правый и левый края, соединяясь в дистале, придают орудию треугольную форму. Изломы раковистые, правый край оформлен крупной (до 1 см) зубчатой ретушью.

В коллекции имеются фрагменты орудий (рис. 16), многочисленные отходы производства. Анализ археологического материала данного местонахождения, расположенного во второй зоне вертикального расчленения на ташкентской аккумулятивной террасе (Q_2), говорит о том, что данный регион обжился длительное время. Каменный инвентарь различается по функциональному назначению и морфологическим признакам. Наличие заготовок орудий производства является свидетельством того, что данные изделия изготавливались на месте.

Анализ географической среды, проведенный на основе геоморфологического расчленения, позволил выявить наиболее перспективные районы с фрагментарно сохранившимся рельефом, синхронным ташкентской аккумулятивной террасе. На прав-

вом берегу р. Пскем в этой зоне расположены пещеры Йулбарсхона и Говхона, исследованные И. И. Атаджановым (11, с. 75—81). При изучении горного карста Западного Тянь-Шаня им выделя-

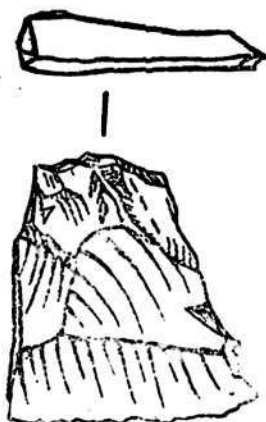

Рис. 16.

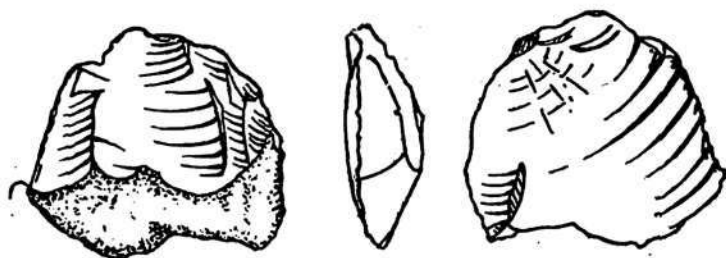

Рис. 17.

ются подклассы — низкогорный (800—1600 м), среднегорный (1000—1600 м) и высокогорный (2200—3300 м) (12, с. 97—98). Пещеры Йулбарсхона и Говхона расположены в среднегорье и гипсометрически соответствуют местонахождению мустьерских изделий.

Пещера Говхона образована в довольно прочных брекчиях среднечетвертичного возраста. Вход легко доступный, обращен на юго-восток, так же, как пещеры Ходжикент 1 и 2 и грот Обирахмат. Говхона имеет малую мешкообразную форму, ширина у входной части 12,5 м, высота до 5 м, длина 5,4 (рис. 18) (13,

с. 87—96). Горизонтальный пол пещеры покрыт черно-коричневым органогенным слоем гумата. Для изучения отложений у южного борта пещеры заложен разведочный раскоп. В общей сложности вскрыто три слоя, выделенных по литологическим признакам, мощностью 1,3. В них встречаются фрагменты керамики VI—VII вв. н. э. На глубине 1,2 м обнаружено два отщепа из се-

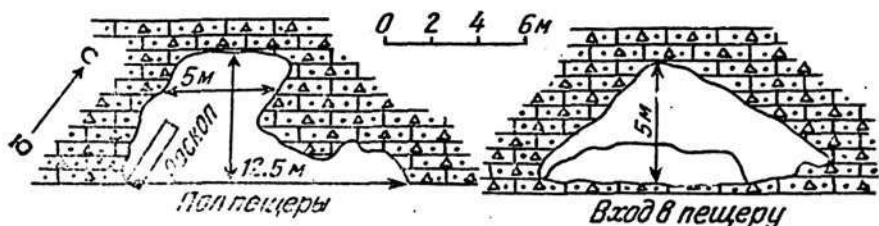

Рис. 18. План пещеры Говхона (съемка И. И. Атаджанова)

рого камня и орудие с характерной для эпохи мустье техникой обработки.

Таким образом, комплексные исследования на северо-востоке Узбекистана, выделенные по геолого-структурным и физико-географическим признакам трех зон рельефа, позволили выявить закономерности расположения археологических памятников и открыть два новых палеолитических местонахождения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костенко И. П. Развитие складчатых и разрывных деформаций в орогенном рельефе. М., 1972.
2. Шерматов М. Ш. Инженерно-геологическая характеристика палеозойских формаций Чаткало-Кураминской системы структур. Ташкент, 1979.
3. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966.
4. Древности Чарвака. Ташкент, 1976.
5. Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Обирахмат. Ташкент, 1972.
6. Арсланбеков Ш. У., Набиев К. А. Разрывные нарушения и геологические процессы. Ташкент, 1981.
7. Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1982.
8. У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
9. Касымов М. Р., Крахмаль К. А. Стоянка каменного века «Келес»// ОНУ. 1984. № 1.
10. Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий//Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., 1965. № 131.
11. Атаджанов И. И. К комплексной характеристике карстовых пещер бассейна р. Пскем//Инженерно-геологические условия Средней Азии. Ташкент, 1975.
12. Атаджанов И. И. Особенности карста Западного Тянь-Шаня и его районирование в связи с освоением территорий//Тезисы докладов IV Всесоюзного совещания. Владивосток, 1986.
13. Атаджанов И. И. Пещеры карбонатного карста Западного Тянь-Шаня и их практическое значение//Вопросы инженерной геодинамики. Вып. 1. Ташкент.

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЧУСТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Чустское поселение (Буонамозортепа) находится в северной части Ферганской долины, в 2 км к северу от современного города Чуст Наманганской области.

В настоящее время площадь поселения 4 га. Оно ориентировано по линии северо-запад — юго-восток и ограничено с севера хлопковыми полями, с юга — фруктовыми садами.

Чустское поселение открыто М. Э. Воронцом и В. И. Спришевским в 1951 г., где последний в 1953—1961 гг. производил стационарные работы. Итоги исследований обобщены в 1963 г. в кандидатской диссертации В. И. Спришевского (1).

В 1974 г. памятник обследовал Р. А. Заднепровский. Несмотря на небольшие масштабы раскопок, полученные материалы внесли существенные изменения в представления о памятнике. Так, автором работ в 1974 г. установлено наличие трех периодов обживания поселения. Впервые на памятнике была обнаружена землянка (2, с. 14). После этих исследований работы на Чустском поселении были возобновлены и продолжены в 1982—1983 гг. при участии одного из авторов этих строк. Осуществлены стратиграфические наблюдения, существенно дополняющие данные предыдущих исследований, доисследована первая землянка, обнаружены еще две (3).

В целом за 13 полевых сезонов вскрыто более 7000 м² площади памятника. В результате собрано несколько сот каменных изделий, многочисленные костяные и бронзовые изделия, что позволяет детально изучить особенности Чустского поселения и северной части Ферганской долины в целом.

Среди находок Чустского поселения привлекают внимание остеологические остатки и костяные изделия. Однако эта категория находок остается малоизученной. Поэтому настоящая работа посвящена исследованию костяных изделий, определению их роли в жизни древних жителей Чустского поселения и освещению на основе этих данных некоторых хозяйственных особенностей Чуста.

Остеологические материалы и костяные предметы выявлены в культурном слое и заполнении хозяйственных ям. Существенные изменения в хронологическом порядке между материалами верхних и нижних слоев не наблюдались.

Сырьем для изготовления костяных изделий служили кости домашних и диких животных. Эти предметы разнообразны по значению и количеству. Поэтому во избежание путаницы при определении и описании костяных изделий мы сознательно не группировали их по функциональному назначению (предметы вооружения, быта, украшения и т. д. (табл. 1).

1. Псалии (10 экз.)*, по данным В. И. Спришевского, изготовлены из костей марала. В коллекции нет ни одного целого предмета. Все они трехдырчатые, сквозные отверстия расположены по оси изгиба. Роговая псалия известна также на Дальверзине (4, с. 35, рис. 15).

2. Наконечники стрел (2 экз.). Один обнаружен в 1985 г. Имеет «миндалевидную форму с двумя заостренными защепами у ос-

Таблица 1

Материалы 1951—1961 и 1982—1983 гг.

№ п/п	Изделия	Количество
1.	Псалии (вместе с фрагментами)	10
2.	Наконечники стрел	2
3.	Гребенки:	53
	заготовки	8
	с двусторонним зубцом	19
	с односторонним зубцом	26
4.	Проколки-шилья	52
5.	Изделия из рога оленя	15
	распиленные (заготовки)	8
	высверленные	7
6.	Прясла	2
7.	«Крышка»	1
8.	Ткацкий челнок	1
9.	Ложковидный предмет	1
10.	Украшения	7
11.	Пуговицы	6
12.	«Коньки»	3
13.	Рукоятки для металлических изделий	11
14.	Обработанные трубчатые кости	4
15.	Лошिला	7
16.	Астрагалы	350
17.	Неопределенные предметы	20
	Всего	545

нования круглого в сечении черенка». Длина 7,5 см, наибольшая ширина 1,5 см, длина боевой части 4,3 см (5, с. 58).

Второй костяной наконечник стрелы выявлен во время археологических работ в 1983 г. Он имеет листовидную форму с черенком, длина 5 см, наибольшая ширина боевой части 3,7 см. Этот наконечник немного отличается от первой находки: по размерам чуть меньше, имеет односторонний укрепляющий гребень (рис. 1, 8).

3. Гребенки, бердо по В. И. Спришевскому (53 экз.), изготовлены из тщательно обработанных, выпуклых (иногда прямоугольных) пластинок (ребер) длиной 5—15 см, шириной 1—1,5 см. На одном или двух концах пластинок имеются зубцы. Большинство исследователей считают, что они использовались для прибивания утка на ткацком станке. По форме все одина-

* В скобках указано общее количество изделий.

ковы, отличаются лишь количеством зубьев — от 2 до 7 (рис. 1) и наличием их на одном или двух концах. Поэтому мы делим их на две группы:

с односторонним зубцом (рис. 2, 5);

с двусторонним зубцом.

Среди костяных предметов встречаются также заготовки для изготовления гребней. Аналогичные изделия известны в Дальверзине.

4. Проколки (52 экз.) изготовлены из грифельных костей непарнокопытных и трубчатых костей животных (рис. 2, 6, 7, 9).

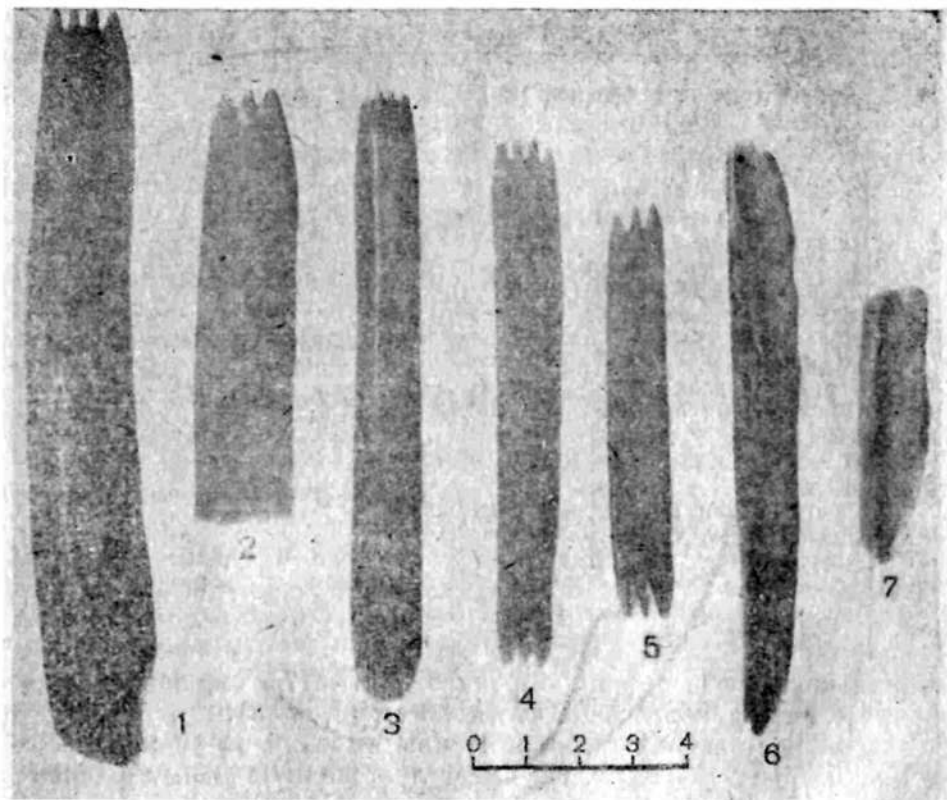

Рис. 1. Костяные гребенки:

1—3 — с односторонним зубцом; 4—5 — с двухсторонним зубцом; 6—7 — заготовки,

Один конец заострен. В большинстве случаев заостренная часть от длительного применения сильно заложена. Длина 6—15 см.

5. Изделия из рога оленя (15 экз.). Рога оленя на Чустском поселении встречаются чаще, чем на других памятниках этой культуры. Все находки разделены на две группы: в первую включены рога без следов использования, т. е. заготовки, во вторую — со следами обработки и использования (6, с. 72). Среди послед-

них выделяются изделия из рога, в центре которых высверлено отверстие диаметром 2—2,2 см (рис. 2, 1—3). Функциональное назначение этих предметов пока неясно. Некоторые исследователи считают их наконечниками булавы (7, с. 25—26). Однако в нашем случае они не могли служить наконечниками булавы. Во-первых, среди материалов памятников чустской культуры известны наконечники булавы из камня. На Чустском поселении насчитывается 14 экземпляров (в том числе 4 заготовки). Во-вторых, фор-

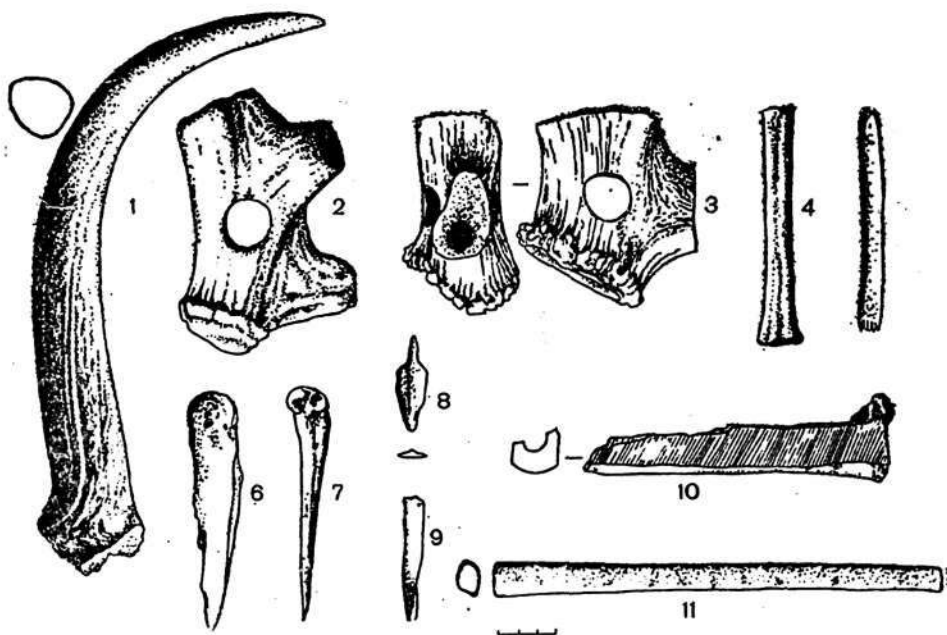

Рис. 2. Костяные изделия Чустского поселения.

мы этих изделий таковы, что их неудобно было использовать в качестве наконечников булавы. Вероятно, их использовали в конском снаряжении.

6. Прясла (2 экз.) — полусферической формы, с плоским основанием, в центре имеется сквозное отверстие (5, рис. 21, 8—9). Аналогичные изделия известны в Дальверзине (4, с. 35, табл. XXIII, 25, 27, 28). Хотя они называются пряслами, такое функциональное назначение вызывает сомнение. Костяные прясла встречаются очень редко: в Чусте — два, в Дальверзине — три. На других памятниках пока не известны. Видимо, они имели другое, пока не известное назначение.

7. Костяная «крышка» — дисковидной формы, изготовлена из черепной кости. На вогнутой стороне имеется петельчатая руч-

на, где просверлено отверстие, другая сторона гладкая, выпуклая, диаметр 7,5 см*.

8. Ткацкий челнок изготовлен из тщательно обработанной выпуклой пластинки. В середине имеется овальное отверстие (1, с. 14; 6, с. 72, рис. 8, 1).

9. Ложковидный предмет неизвестного назначения, поверхность выпуклая, сильно залощена, обратная сторона плоская.

10. Украшения, изготовленные из костей и зубов животных (7 экз.). К ним относятся короткие трубочки и различные поделки длиной 1—4 см. Вырезаны обычно из трубчатых обломков плоских костей животных, из рогов марала или оленя. В большинстве случаев отполированы и сточены. Возможно, эти изделия были отдельной деталью в наборе украшений. Помимо них обнаружены подвески из зубов (клыков) хищных животных. Они имеют сквозные отверстия для подвешивания. Отметим также раковины каури, вероятно, служившие в качестве амулетов (5, с. 56, 58).

11. «Пуговицы» (6 экз.) — круглые, мелкие, по виду напоминающие монету. Некоторые в середине имеют миниатюрные дырочки, поэтому условно названы «пуговицами». Функциональное назначение этих предметов неизвестно (5, с. 55—58).

12. «Коньки» (3 экз.). Эти загадочные предметы сделаны из метаподий лошади. Оба конца срезаны, один конец заострен. Поверхность хорошо отшлифована (рис. 2, 10). Такие изделия известны не только в Фергане (Дальверзин), но и в других районах (4, с. 35—36; 8, с. 43, табл. III, 16).

13. Рукояти для металлических изделий (11 экз.) вырезаны из рогов марала или оленя. Длина 5—16 см. Оба конца аккуратно срезаны острым инструментом (рис. 2, 4). Известны рукояти с отверстием для закрепления в металлическую часть инструмента. Почти все залощены.

14. Обработанные трубчатые кости (4 экз.). Вырезаны из диафиза трубчатых костей птиц, подтверждением этого служит находка костей беркута, ягнятника и аиста. Оба конца подправлены острым металлическим предметом (рис. 2, 11). Эти изделия отполированы от долговременного пользования. Обнаружены и на другом крупном памятнике — в Дальверзине (4, с. 35, табл. XXIII, 4). Функциональное назначение таких изделий пока неясно. Правда, недавно А. Батиров и Т. Ширинов на основании письменных и этнографических источников пришли к выводу, что они являются инструментом, используемым при доении (9, с. 116).

15. Лощила (7 экз.) изготовлены из трубчатых костей животных, большинство имеет форму лопаточки. Иногда края сильно заполированы. Длина 4—14 см.

16. Астрагалы (350 экз.). Принадлежат овцам и козам. В куль-

* Фонд музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека. Шифр 259/172.

турном слое их встречается много, что позволяет сгруппировать по степени обработанности:

необработанные;

с, односторонней, двухсторонней, четырехсторонней и т. д. обработкой;

с отверстием в середине;

с бронзовой или гипсовой (?) вставкой в середине.

17. Неопределенные предметы (20 экз.). Обычно встречаются в единичном экземпляре, имеют очень плохую сохранность. В их числе — так называемая «мотыжка». По нашему мнению, она не могла использоваться для рыхления земли. Во-первых, она очень маленькая; во-вторых, хрупкая, маловероятно ее использование в качестве орудия земледелия (10, с. 48, рис. 14, 3—4).

Во время обработки материалов В. И. Спришевского мы обратили внимание на костяные изделия, которые очень напоминают часть каменных серпов Чуста. С одной стороны они приострены.

В настоящее время среди костяных предметов можно выделить около двадцати видов. Несомненно, изделия из кости в Чусте были популярны не меньше, чем предметы из других материалов (камень, металл). Если сравнить костяные изделия с каменными и металлическими, то по разнообразию кость не уступает им, по количеству же уступает лишь каменным. А если учесть степень сохранности, тогда получается обратная картина. Причину такого обилия остеологических материалов и изделий из кости следует искать прежде всего в особенностях хозяйства населения Чуста. Некоторые хозяйственные отличия рассматриваемого поселения неоднократно отмечались исследователями Чустской культуры (Ю. А. Заднепровский, Т. Ширинов, Б. Матбабаев). Изучая каменные изделия Чуста, Т. Ширинов пришел к выводу о том, что в Чусте существовало хозяйство земледельческо-скотоводческого типа с одинаковым удельным весом (11, с. 16). Это получило подтверждение при дальнейшем исследовании всего археологического комплекса чустской культуры (12). Анализ костяных изделий позволяет сделать аналогичное заключение.

Видимо, кость была дешевым и массовым сырьем и привлекала древнего человека легкостью и простотой обработки. Остается неясным факт существования некоторых видов предметов (булав, наконечников стрел, псалий и т. д.), сделанных из разных материалов. Источники металла далеки, и производство его связано со сложным технологическим процессом. Что касается каменных изделий, они представлены в достаточном количестве, но по разнообразию и сложности уступают предметам из кости. Видимо, кость для древнего человека была более доступной.

Костяные изделия составляли большую часть повседневного инвентаря поселян. В первую очередь отметим орудия, связанные с ткачеством (челнок, гребки, ложковидный предмет). Кроме них о развитии ткачества свидетельствуют находки керами-

ческого и каменного прясел, грузиков из черепков, а также отпечатков тканей на внутренней части сосудов. Специалисты установили наличие 13 видов или 4 типов тканей (1, с. 14). Кроме того, изделия из кости широко использовались в охоте, скотоводстве (наконечники стрел, псадин, «коньки» и др.), быту (проколки, шилья, украшения, рукояти для металлических изделий, ложила, астрагалы) и, наверно, в земледелии («серпы» (?)).

Итак, население Чуста активно занималось изготовлением предметов из кости, что позволяет предположить здесь существование косторезного ремесла. Кость обрабатывали, видимо, на месте. Об этом свидетельствует наличие многочисленных заготовок из костей животных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спришевский В. И. Чустское поселение (к истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореф. дисс. ... к. ист. н. Ташкент, 1963.
2. Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. дисс. ... д. ист. н. М., 1978.
3. Заднепровский Ю. А., Матбабаев Б. Х. Основные итоги изучения Чустского поселения в Фергане (1950—1982 гг.)//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1984.
4. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА. Вып. 118. М.—Л., 1962.
5. Спришевский В. И. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы (Музей истории народов Узбекистана, АН УзССР). Ташкент, 1974.
6. Спришевский В. И. Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 года)//Советская этнография. 1954. № 3.
7. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. 2—5. М., 1982.
8. Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
9. Батыров А. Р., Широков Т. Т. Костяные изделия из археологических памятников Узбекистана//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984.
10. Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопа 1954 г.)//КСИИМК. Вып. 69. 1957.
11. Широков Т. Т. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского междуречья (по данным экспериментально-трассологического изучения). Автореф. дисс. ... к. ист. н. Л., 1980.
12. Матбабаев Б. Х. Локальные варианты чустской культуры Ферганы. Автореф. дисс. ... к. ист. н. Л., 1985.

И. Д. ИВАНИЦКИЙ

САРАТЕПЕ-2 — ПОСЕЛЕНИЕ КЕРАМИКОВ СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. ПОД САМАРКАНДОМ

В 1987 г. у западной окраины современного Самарканда, в 8 км от Афрасиаба, в зоне строительства нового микрорайона были обнаружены остатки поселения керамистов середины I ты-

сячелетия до н. э. Оно расположено по обоим берегам бокового ответвления древнего сухого русла Даргома. Поверхность территории представляла собой преимущественно сглаженный рельеф, что является результатом освоения территории в VIII—XII вв. округой небольшого поселения Саратеpe-1, возникшего под прикрытием большой стены рабада Самарканда Девори Киямат. Распашка под колхозные поля в последние десятилетия уничтожила значительные участки культурного слоя. Толщина сохранившегося слоя не превышает 10—15 см, но и он значительно размыт и выветрен. Поселение занимает площадь около 3 га. На этой территории обнаружено 20 обжигательных печей и более 80 ям с производственными и хозяйственными отвалами (рис. 1).

Все раскопанные печи принадлежат к типу круглых двухъярусных горнов с обжигательной камерой, расположенной над топкой. Последняя вырыта в материковом лессе, как и основание верхней камеры. Спуск в топку осуществлялся через узкое топочное устье, не доходившее до ее дна.

Применение сырцового кирпича не зафиксировано. Под сооружался из пахсы с обильным добавлением выгорающей растительности, лишь в одном случае выявлены следы деревянной арматуры. Внутренняя поверхность стен обмазывалась глиной с саманом. Система устройства пода с жаропроводящими каналами и продухами, а также форма топки позволили предварительно выделить три варианта печей.

Первый вариант характеризуется системой радиально расположенных длинных жаропроводящих каналов в сочетании с вертикальными продухами, идущими через толщу пода. Обжигательная камера, как правило, больше топочной. К этому варианту отнесены печи 6, 8, 10, 14, 16, отличающиеся друг от друга размерами и деталями устройства. Печь 8 представляется наиболее характерной для данного варианта (рис. 2, 1). Ее параметры: высота топки 2,5 м, диаметр 3,3 м. Из топки выведено 13 жаропроводящих каналов (каждый до 1,15 м), заканчивающихся у стены верхней камеры. Из каждого канала на расстоянии 0,75—0,8 м от стены выведены вертикальные продухи диаметром 10—12 см. Судя по обломкам рухнувшего пода, в центре обжигательной камеры находилось третье кольцо жаровых отверстий. Диаметр обжигательной камеры 4,35 м, сохранившаяся высота 0,25 м.

Устье высотой 0,75, шириной 0,4 м (длину проследить не удалось) опускается низко в топку и, образуя ступень высотой 0,6 м, переходит ко дну. Над устьем жаровой канал отсутствует, его заменяют два вертикальных продуха. Каналы, расположенные по обе стороны от устья, имеют коленчатое завершение и два жаровых выхода.

Регулировка газов производилась уменьшением диаметра выходных отверстий жаропроводящих каналов дополнительной гли-

няной обкладкой. Печам первого варианта аналогичны керамические горны на поселениях Чурнок и Учдепе в древней Маргиане. Сходство прослеживается прежде всего в устройстве пода с

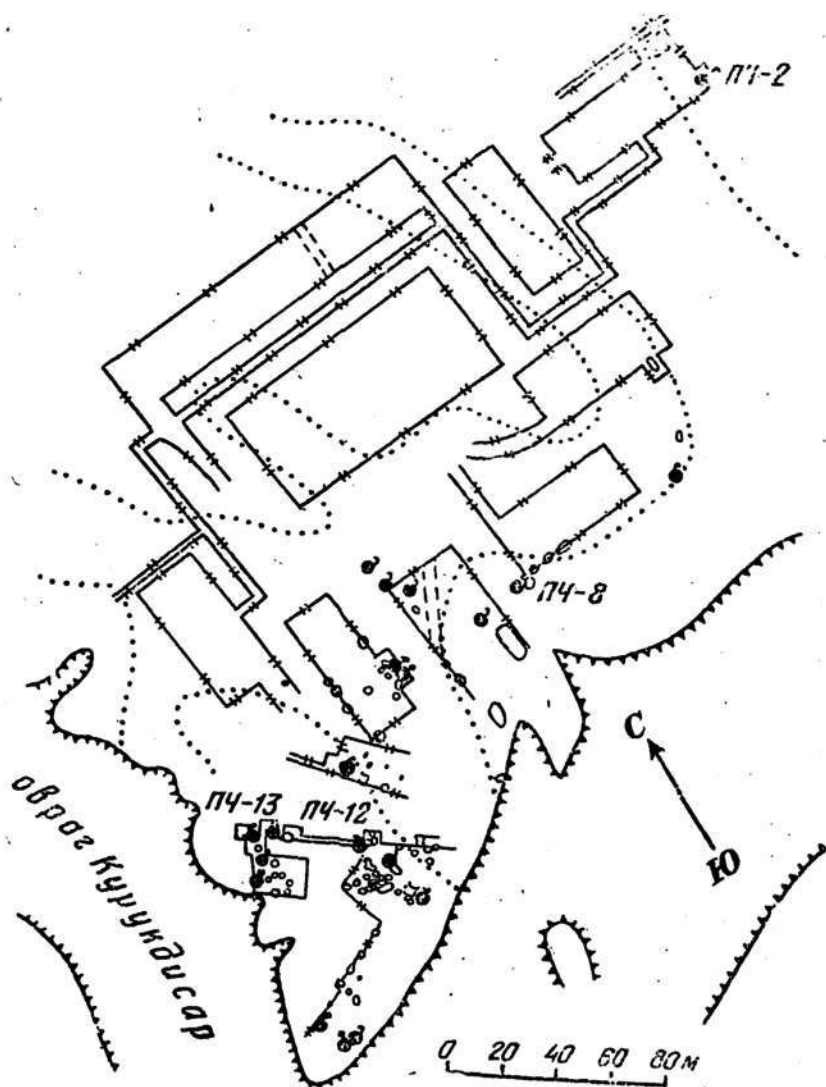

Рис. 1. План поселения Саратпе-2. Сплошными кружками обозначены печи, контурными — ямы.

радиально расходящимися жаропроводящими каналами и системой вертикальных продухов (6, с. 65—67, рис. 17, 1—2). Различия наблюдаются в отсутствии коленчатых каналов в печах Мар-

гианы, а также в размерах, значительно уступающих размерам печей Саратеpe.

Второй вариант представлен горнами 1, 5, 9, 13, 20. Характеризуется смещением обжигательной камеры относительно центра топки в противоположную от устья сторону. Топка круглая или слегка вытянутая по оси устья, иногда грушевидная в плане. Короткое устье расположено высоко от дна топки.

Печь 13 (рис. 2, 2) входит в хозяйство, видимо, одной мастерской, объединяющей три горна одинаковой конструкции и ма-

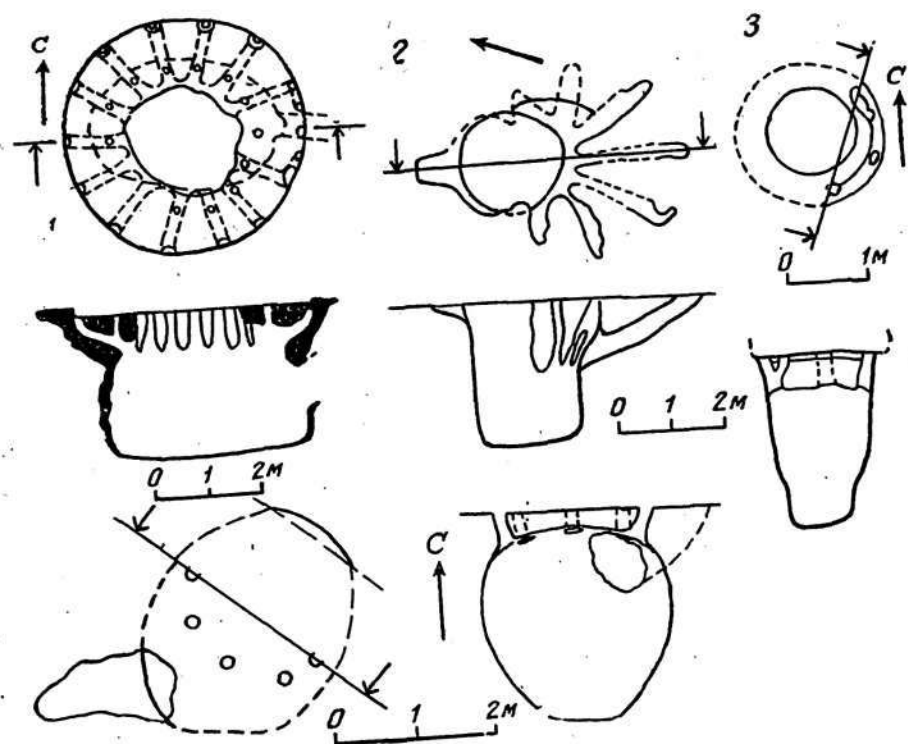

Рис. 2. Планы и разрезы:

1 — печь 8; 2 — печь 13; 3 — печь 2; 4 — печь 12.

лую печь. Параметры печи: высота топки 3,3 м, диаметр 2 м, высота от устья до дна 2,3 м, ширина устья 0,35 м, сохранившаяся высота 0,45 м. Реконструируемый диаметр обжигательной камеры (т. е. расстояние между крайней наружной точкой среднего жаропроводящего канала и внутренним краем устья) 4,25 м. В верхнюю камеру выходило 6 веерообразно расположенных каналов. Один из них на конце имеет коленчатый изгиб. Длина каналов 2,25—0,6 м. Начало их в топке лежит на высоте 1,6 м от дна.

Перед забросом печь подверглась капитальному ремонту. Заполнение старой топки было срублено, при этом центр ее несколько

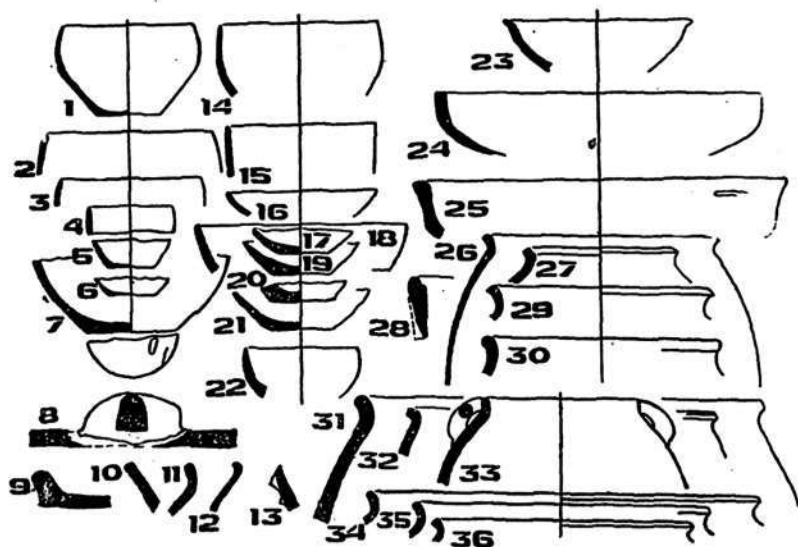

Рис. 3. Керамический комплекс из печи 8.

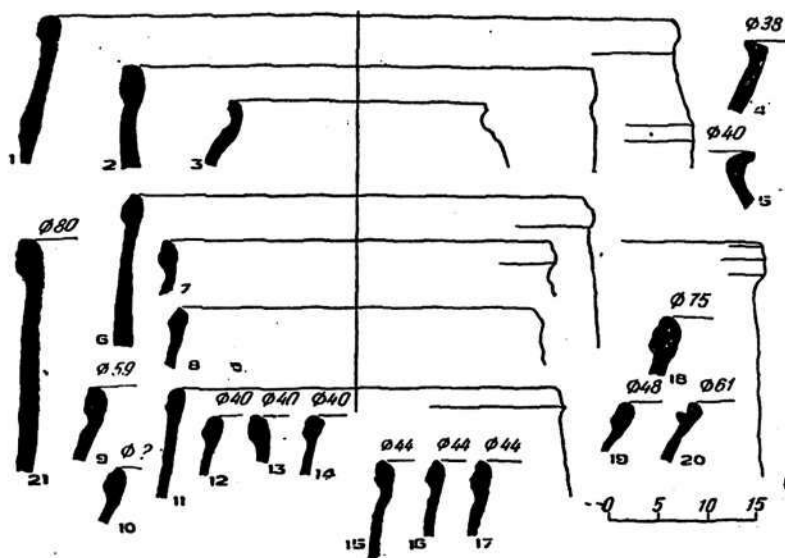

Рис. 4. Керамический комплекс из печи 8.

ко сместился, увеличилась глубина и уменьшился диаметр топки. Стенки топки обмазаны желтой глиной с саманом. Отремонти-

рованную печь, видимо, опробовали, о чем свидетельствует наличие пятна ковра с недогоревшим топливом на дне топки. Но

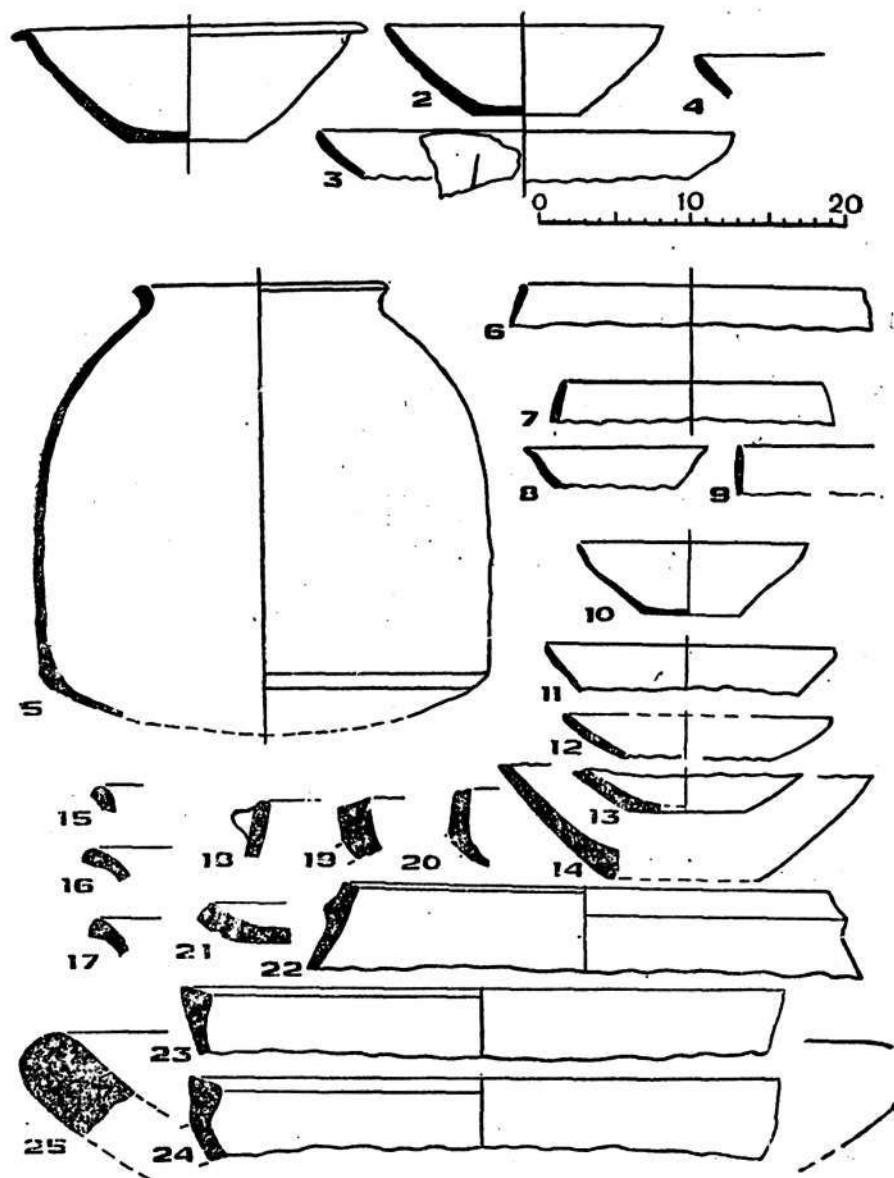

Рис. 5. Керамический комплекс из печей 5 (1—4) и 13 (5—25).

реконструкция, видимо, изменила режим тяги, и печь в дальнейшем не использовалась. Какое-то время по стенкам заброшенной печи стекала вода, размывая обмазки и остатки ковра, образо-

вав натечный слой толщиной 0,4 м. Из него извлечены разбитая бракованная хумча и чаша (рис. 5, 5, 10). В одном из продухов собрано значительное количество необожженной керамики (рис. 5, 5—19, 21, 23).

Еще два горна (1 и 9) этого варианта, судя по микротопографии, входили в другие хозяйства. В топках обеих печей обнаружены погребения, в одном случае с сопровождающим инвентарем, представленным керамическими сосудами, среди которых встречены бракованные экземпляры.

Судя по облику, керамика принадлежит к одному из периодов функционирования поселка. Употребление же бракованных изделий в качестве погребального инвентаря, вероятно, указывает на определенную связь погребенных с общиной керамистов.

Печи рассмотренного варианта аналогичны горнам эпохи поздней бронзы на Бустане 4 (7, с. 37—40, рис. 2, 2—6). Сходство это прослеживается с той частью бустанских горнов, у которых отсутствует опорный столб. Видимо, конструкция, выработанная еще в эпоху Сапалли на территории Бактрии, продолжает существовать в Согде в середине I тыс. до н. э.

Третий вариант — печи 2, 11, 12, 18 — характеризуется системой вертикальных, с легким наклоном продухов, изменением конфигурации топки, наибольший диаметр которой превосходит диаметр обжигательной камеры. Эти печи расположены в разных частях поселения. Наиболее характерны для данного варианта печи 12 и 2 (рис. 2, 3, 4).

Параметры печи 12: высота топки 1,9 м, наибольший диаметр — 2,45 м — приходится на среднюю часть. К дну топка сужается до 1 м, образуя при этом покатые заплечики. Продухи диаметром 10—12 см расположены по кругу, диаметр которого 1,9 м. В этих пределах должен реконструироваться диаметр пода. Топочное устье, уходящее наклонно в топку, обрывается на высоте 1,5 м от пола. Длина устья 1,4 м, высота 0,6, ширина 0,5 м. Устье с обжигательной камерой соединяется вертикальным продухом. Сохранившаяся толщина пода 0,25 м. Верхняя часть топки оплавлена, нижняя прокалена до желтовато-зеленого цвета. На полу топки — три слоя слежавшегося тонкого пепла желтовато-серого оттенка, общей толщиной 0,25 м. После заброса топка через устье заполнялась хозяйственно-производственным отвалом. Образовавшийся слой толщиной 0,65 м насыщен керамикой.

Параметры печи 2: глубина топки 1,75 м, реконструируемый диаметр 1,35 м, толщина пода 0,35 м, диаметр обжигательной камеры 2,12 м. Сохранились остатки трех продухов. Первый — вертикальный, диаметром 0,15 м. От второго сохранились остатки внутренней поверхности. Третий, начинаясь одним устьем в топке, в верхнюю камеру выходил двумя устьями. На высоте 0,5 м от пола стенки топки сужаются, образуя заплечики, при этом диаметр дна равен 1 м. Стенки топки прокалены, но оплав-

ленность незначительная. Под в верхней камере сохранил ремонтную обмазку, непрокаленную даже по устью продухов, т. е. отремонтированная печь в дальнейшем не использовалась. На дне топки — полуметровый слой золистого характера, насыщенный обожженными комьями глины и фрагментами керамики.

Третьему варианту наиболее близки печи античного Хорезма — горны Кюзелигыра и малые печи Базаркалы (2, с. 199, рис. 46, 48, 50, 2). Сходство это прослеживается в устройстве пода с вертикальной системой продухов. Но топки хорезмийских печей всегда меньше обжигательной камеры, в то время как для саратепинских горнов наблюдается обратная зависимость. Большая глубина топки, возможно, сближает печи Саратепа с маргианскими горнами типа Чурнок—Учдепе.

Выявленные варианты саратепинских печей характеризуют определенную ступень самостоятельного развития теплотехнических сооружений в Согде, но в рамках гончарных традиций, выработанных еще в период поздней бронзы в Бактрии, в яздепинский период Маргианы, а также определяют начальный этап развития конструкций горнов, получивших распространение в эллинистический период.

При раскопках получен вещественный материал, позволяющий воссоздать не только ассортимент керамической продукции, но и отчасти реконструировать технологические процессы производства.

Саратепинские мастера выпускали бытовую посуду довольно широкого ассортимента — хозяйственную, столовую и кухонную. Керамика первых двух видов выполнена на гончарном круге, кухонная лепилась вручную, за исключением случаев, указанных ниже.

Днища всех хозяйственных сосудов изготавливались в подкладных формах, имеющих вид толстостенных чаш очень большого диаметра. В форму подсыпался песок. Тулово сосудов, высота которых превышала 40 см, изготавливалось из двух частей. При соединении их на месте шва изнутри образовывалось характерное утолщение, которое у одних сосудов срезалось, у других сохранялось. Папилярные ложбины на поверхности многих сосудов создают характерную ребристость.

Вся керамика столового типа, за редким исключением, после снятия с круга подвергалась вторичной обработке. Заклучалась она в тщательной обточке нижней трети сосуда и дна, при этом поверхность приобретала порой гляцевый блеск. В качестве отощителя отдельно или в сочетании использовались тонко размолотый песок или гипс, в некоторых случаях — рубленая растительность. Вся керамика этого типа — плоскодонная.

Керамический комплекс из печи 8. Технологические признаки этого комплекса имеют некоторые особенности. Наряду с крупными сосудами мелкие сегментовидные чаши имеют четкие па-

пилярные ложбины. Поверхность кубков — гладкая. Котлы изготовлены лепным способом на матерчатом шаблоне. Основным отощителем служил размолотый песок, в единичных случаях — рубленая растительность. В тесто жаростойких сосудов обильно добавлены дресва и песок.

К *столовой посуде* отнесены кубки и чаши, а также единственный экземпляр миски.

Кубки — двух типов. I тип — подбиконической формы (рис. 3, 1, 2, 3). Диаметр венчика 14 см, дна — 7, высота 10 см.

II тип — полусферический с вертикальным бортом (рис. 3, 14, 15). Вариантность намечается за счет высоты цилиндрической части. Диаметр — 16, 17 см. Возможен тип кубка с вертикальными стенками и слегка приостренным краем*. Диаметр венчика 9 см (рис. 3, 4).

Чаши — сегментовидные со скругленным краем, диаметр 16 см (рис. 3, 16). Глубокие чаши на плоском дне, диаметр венчика 22 см (рис. 3, 7, 18). Собрано значительное количество нижних частей плоскодонных сосудов, диаметр которых 5; 6; 6,5; 7 см. На дне некоторых прочерчены знаки (рис. 3, 6, 7, 17, 19—21).

Миска — сосуд с плавно отогнутым наружу бортом, образующим скошенную внутрь площадку. Диаметр 20 см, сохранившаяся высота 6 см (рис. 3, 23).

Хозяйственная керамика представлена двумя типами хумчей, хумами и тагора.

Хумчи I типа — сосуды цилиндрической формы, без плечиков, со слегка сужающимся к горловине туловом, венчик часто наклонен внутрь. Венчик в виде округлого валика, профилированного двумя (рис. 4, 10) или одним желобком (рис. 4, 7, 9, 11, 12, 16, 19), иногда с ложбинкой под венчиком. Диаметр устья 36—38, 40, 44, 46 и 48 см.

Хумчи II типа — одна из самых распространенных форм. Это сосуды с покатыми плечиками, с более или менее выраженной горловиной и отогнутым наружу краем. Диаметр устья 15, 22—30, 32—40, 42 см. Венчики различных вариантов — утолщенный, близкий к валикообразному (рис. 3, 12, 30, 31). Подпрямоугольный скошенный внутрь с наметившейся полочкой для крышки (рис. 3, 27), срезанный наружу, приостренный по краю (рис. 3, 11) или профилированный легким желобком (рис. 6, 32), часто близок к подтреугольному (рис. 3, 29, 36). Обычно толщина отогнутого края близка толщине стенки сосуда, но при этом бывают с выемкой по окраине и валиком под венчиком (рис. 4, 3).

Типологически к сосудам с отогнутым краем примыкают валикообразные венчики двух сосудов с широкой, скошенной внутрь верхней площадкой. Диаметр 38—40 см (рис. 4, 4, 5).

* Вероятно, венчик следует отнести к распространенному в Саратепе-2 кубку конической или стаканообразной формы.

Хумы — форма и профиль их венчиков аналогичны форме и профилю венчиков хумчей, но значительно больших размеров. Диаметр 59, 64, 75, 80 см (рис. 4, 1, 2, 6, 21). Оригинальным в данном комплексе является подпрямоугольный в сечении венчик с очень выпуклым валиком ниже устья. Диаметр 61 см (рис. 4, 20).

Тагора (тазы) — сосуды с выпуклым округлым дном и невысоким вертикальным бортом. В одном случае — с ложбиной по верхней площадке (рис. 3, 24), в другом — с оттянутым наружу краем (рис. 3, 25). Необычен округленный край со своеобразным ступенчатым профилем (рис. 3, 28). Диаметр 35, 40 см.

Кухонная керамика представлена сосудами, изготовленными вручную. Котлы формовались на матерчатом шаблоне. Все обнаруженные фрагменты — со следами копоти.

Диаметр сковород около 50 см. Форма очень распространенная — плоское дно, невысокий слегка отогнутый наружу бортик со скругленным краем. Внутренняя поверхность тщательно заглажена до легкого лощения. Снаружи выше основания и до середины борта — копоть (рис. 3, 9).

Крышки — дисковидные с вертикальной полуовальной ручкой. Диаметр — 22 и 36 см, толщина 1,5—2 см (рис. 3, 8).

Обнаружено два фрагмента лепной керамики иного типа. Один принадлежит полусферической чаше с простым, слегка приостренным краем, диаметр 12 см (рис. 3, 22), второй — горшковидному сосуду с невысокой вертикальной шейкой и скругленным краем. Круглая в сечении ручка верхним концом крепится к венчику, корнем — к плечу сосуда. Диаметр 16 см.

Два фрагмента дисков гончарного круга диаметром 40 и 38 см при толщине 3 см и 5 см. У одного из дисков рабочая сторона — выпуклая с заглаженной поверхностью, обратная — со следами грубой сработанности.

В числе каменных орудий — гранитная зернотерка со следами интенсивной сработанности. Сохранившаяся длина 12 см, ширина 12 см. Имеется также серая галька продолговатой формы для правки и заточки игл.

Металл представлен железным черешковым ножом очень плохой сохранности. Длина 19 см.

Комплекс керамики из печи 13. В качестве отощителя применен песок и гипс, причем песок с золотистыми крупинками, что, видимо, является индивидуальной особенностью данной мастерской.

Столовая посуда — кубки, чаши, миски.

Кубки плоскодонные, сфероидной формы, корпус сужается к устью. Венчик — профилированный снаружи ложбиной, диаметр 22 см. (рис. 5, 6), или простой скругленный, диаметр 17 см (рис. 5, 7). Судя по имеющемуся фрагменту, существовали кубки и другого типа — узкорезервуарные с цилиндрической верхней частью и простым скругленным краем. Диаметр 10 см (рис. 5, 9).

Распространенным типом чаш является сегментовидный сосуд с прогибом стенок в средней части тулова. Простой край скруглен. Диаметр устья 15 см, дна 6,4 см, высота 5 см (рис. 5, 10). Наружная поверхность выше дна высветлена до кремового цвета. Отдельные каверны от крупных частиц выгоревшего растительного отошителя покрывают обе стороны сосуда.

Тот же тип чаш представлен двумя вариантами, выделенными из-за толстостенности (рис. 5, 12) или иной профилировки стенок (диаметр 19) (рис. 5, 11). Массивные чаши имели толщину стенок у основания до 2 см (рис. 5, 14).

Миски представлены единственным экземпляром. Край плавно развернут, близок к S-образному. Диаметр 12 см (рис. 5, 8).

Хозяйственная посуда в данном комплексе представлена только хумчами двух типов. К I типу отнесен фрагмент широкогорлой хумчи с сужающимся к устью туловом. Венчик манжетовидный с широким, скошенным бережком. Диаметр 32 см (рис. 5, 22). Черепок пористый, коричневый. Наружная поверхность высветлена до кремового оттенка. У венчика — промежуточная полоса красновато-вишневого цвета с переходом в коричневый на внутренней поверхности. Это характерный образец, свидетельствующий об отсутствии ангоба и высветлении поверхности при обжиге.

II тип — узкогорлая хумча с отогнутым венчиком, плечики покатые. Венчик утолщен и приострен снаружи. Отошитель — песок и гипс. Диаметр венчика 17 см, по ребру 30 см, высота 30 см (рис. 5, 5).

Рассмотрим отдельно образцы необожженной керамики из продуха печи. В их облике заметны определенные изменения. Это прежде всего фрагменты сосудов с выраженной горловиной и широко развернутым устьем (рис. 5, 16, 17). Диаметры не восстанавливаются, но, судя по фрагментам, были очень значительны. Интересен фрагмент уплощенного дна хумчи, выполненного в форме. Сохранившаяся часть стенки предполагает форму тулова, близкую к сферической (рис. 5, 21). Такая форма дна редка для Саратепе. Имеются фрагменты станковых котлов с шишковидными ручками ниже устья (рис. 5, 18), а также тагора с утолщенным бортом подтреугольного сечения со скошенным внутрь бережком, до обжига тщательно заглаживались изнутри. Диаметр 39—40 см (рис. 5, 23, 24). Среди прочих находок встречен фрагмент формовочной чаши (рис. 5, 25). Изготовлена из глины с обильным добавлением рубленой растительности. Черепок светло-кремового цвета. Диаметр около 84 см.

Отвал в печи 13, видимо, характеризует продукцию печей 5 и 20, расположенных рядом и не содержащих отвалов брака.

Небольшой комплекс керамики из печи 5 (рис. 5, 1—4) представлен в основном чашами. Имеется коническая миска с плавно отогнутым скругленным краем. Стенки в средней части — с характерным утоньчением. Белесоватая поверхность к венчику

высветляется до кремового цвета. Дно срезано неаккуратно, отчего сосуд выглядит асимметричным, небрежно изготовленным. Диаметр венчика 23,6 см, дна 8 см, высота 8 см.

Сегментовидная чаша с простым скругленным краем. Дно неаккуратно подрезано, что привело к асимметричности сосуда. Диаметр венчика 18 см, дна 6,5 см, высота 6. У одной из аналогичных по профилировке чаш снаружи до обжига прочерчена полоса, диаметр 27 см. Имеется основание цилиндрической хумчи с выпуклым округлым дном, ребро не подрезалось. Диаметр по ребру 36 см.

Основным технологическим признаком керамики из печи 1 является применение в глиняной массе крупно нарубленного растительного отошителя, при выгорании которого на поверхности образовывались каверны. В качестве отошителя применялся также тонкомолотый песок, а для котлов — дробленый гранит. На отдельных сосудах столового типа поверхность обработана редкими полосами горизонтального лощения по черепку. На целом экземпляре подбиконического кубка центральная часть донца снаружи покрыта хаотичными полосами лощения. Керамика подразделяется на три группы: столовую, хозяйственную, кухонную.

Столовая посуда включает кубки и чаши.

Кубки подбиконической формы двух типов. I тип — от плоского дна расходятся прямые стенки, плавно переходящие в высокий — около $1/3$ высоты — вертикальный борт, сужающийся к устью. Край приострен изнутри и слегка оттянут (рис. 6, 6, 7, 8, 13, 14). Диаметр венчика 15 и 18 см. Внутри типа возможна вариантность за счет профилировки стенок.

II тип — переход к верхней части обозначен резче, близок к коленчатому (рис. 6, 2). Диаметр венчика 15 см, дна 7 см, высота 11 см. Сосуд имеет горновую трещину. На внешней поверхности следы жидкого красноватого ангоба, на дне снаружи лощение.

Чаши — сегментовидные, стенки к краю утончаются, дно плоское, тонкое. Диаметр устья 16 и 18 см, дна 5 и 6 см, высота 5,5 и 6,5 см. Иногда на дне прочерчен до обжига знак в виде полосы (рис. 6, 4—5, 9—11).

К *хозяйственной посуде* отнесены сосуды баночной и горшковой видной формы.

У узкогорлых сосудов баночной формы — округлое, выпуклое дно, вертикальные стенки вверх переходят в горловину, край которой оформлен изящным клювовидным венчиком. Плечики выражены достаточно хорошо. Каждый сосуд может представлять собой отдельный вариант одной формы по степени прогнутости (рис. 6, 3) или выпуклости стенок (рис. 7, 1), высокой (рис. 6, 1) или низкой (рис. 6, 3) горловины, а также выпуклому или уплощенному дну. Размеры сосудов соответственно: высота 37, 35, 32 (бракованный, примято дно), 36 см, диаметр венчика 15, 15, 15, 18 см. Диаметр по ребру 28, 26, 27, 30 см.

У горшковидных сосудов, судя по фрагментам, прямые стенки, сужаясь к устью, завершаются округлым, приостренным снаружи венчиком. У одного на шейке следы лощения, диаметр 36 см (рис. 7, 6), у другого поверхность высветлена до кремового оттенка, диаметр 38 см (рис. 7, 7).

Хумы, вероятно, были двух типов. I тип — сужающийся к

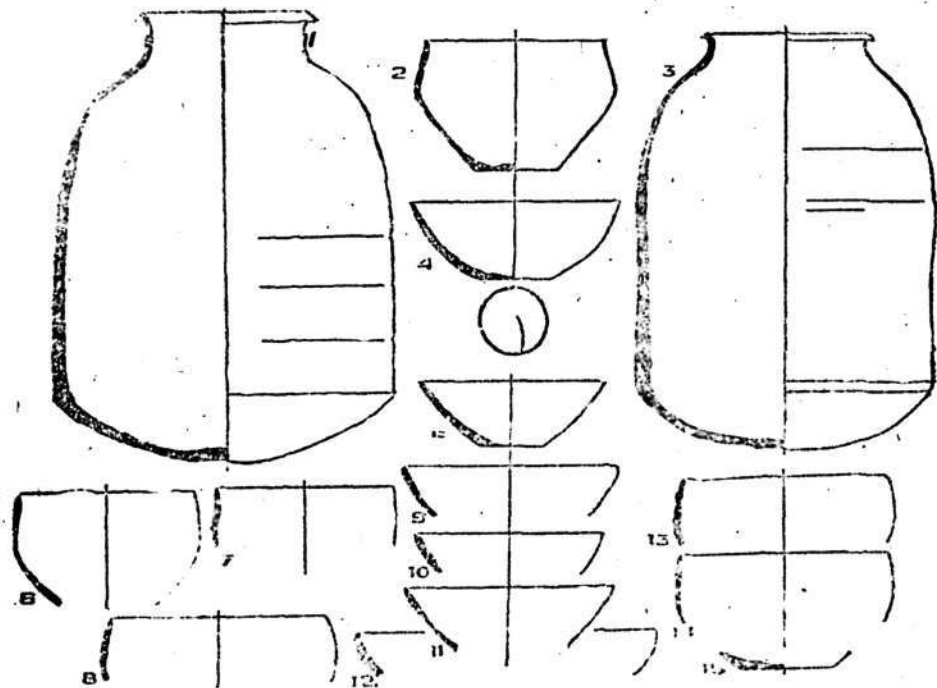

Рис. 6. Керамический комплекс из печи 1.

устью корпус завершается уплощенным валиком с неглубокой ложбинкой под венчиком. Диаметр 67 см (рис. 7, 11). Видимо, аналогичным, но меньших размеров сосудам принадлежат фрагменты тулова двух хумов. Дно их выполнено в форме. Диаметр тулова 50 см. Образующий коленчатый изгиб не подрезался (рис. 7, 3) или срезался настолько, что основание сосуда приобрело округлый профиль (рис. 7, 4, 5).

II тип — хумы с почти вертикальными стенками, венчик в виде утолщенного валика. Диаметр не восстанавливается.

Тагора (тазы) представлены единственным экземпляром. Борт невысокий, край горизонтально срезан, диаметр венчика 26 см.

Кухонная керамика представлена двумя котлами станковой работы. Дно округлое, выпуклое, вертикальные стенки постепен-

но сужаются к простому горизонтально срезанному краю. Ниже устья крепятся шишковидные ручки. Поверхность высветлена до кремового цвета. Под ручкой прочерчен подковообразный знак. Высота 26 см, диаметр по ребру 31 см, диаметр устья 27,5 см. Второй котел аналогичной формы и фактуры. Высота 25 см, диаметр устья 26 см. Оба котла без копоты, у одного изнутри у устья царапины. Следует также отметить фрагмент борта сковороды (без копоты). Диаметр 60 см.

Керамический комплекс из печи 12. Технологические особенности те же, что и в предыдущих комплексах, но есть некоторые индивидуальные особенности. Обточка нижней части небольших

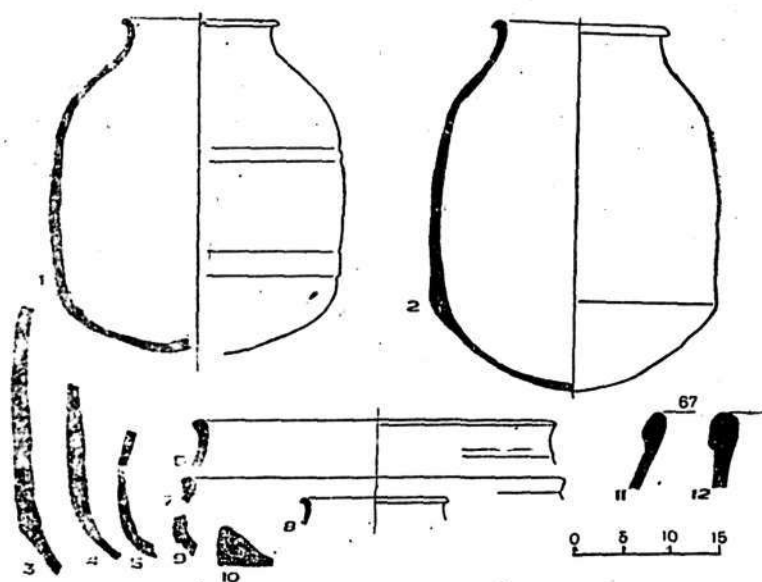

Рис. 7. Керамический комплекс из печи 1.

чаш придавала корпусу волнистый профиль. В тесте тонкостенной керамики столового типа иногда встречается небольшое количество тонко рубленой растительности, а также добавлен песок, который в качестве отощителя применялся в тесте сосудов типа тагора и ножек к ним. Смесь размолотого песка и гипса употреблялась в тесте крупных сосудов закрытого типа — хумчей и хумов.

Керамические изделия разделяются на столовые, хозяйственные, кухонные и специального назначения.

К *столовой керамике* относится кубок подбиконической формы на плоском дне. Переход к нижней части выделен наружным утолщением стенки. Диаметр устья 18 см, дна 7 см, при высоте 14 см. Дно — со следами потертости (рис. 8, 1).

Высокая ножка бокала с легким утолщением к центру плавно переходит в резервуар, имеющий в середине дна выемку (рис. 9, 1). На ножке — вертикальные полосы лощения по черепку. Отощитель — песок и гипс. Высота ножки 6 см, диаметр 3,5 см.

Чаши в отличие от предыдущих — с зауженным корпусом и волнистым профилем стенок (результат обточки). Диаметр 3,2 и 4 см (рис. 8, 2, 3).

Хозяйственная керамика представлена хумами и хумчами двух типов, тазы — тагора и триподы.

Хумы, I тип — тонкостенные, диаметр устья более 40 см. Венчики манжетовидные, профилированные ложбинами (рис. 8, 14, 15, 17) или плавно округлые.

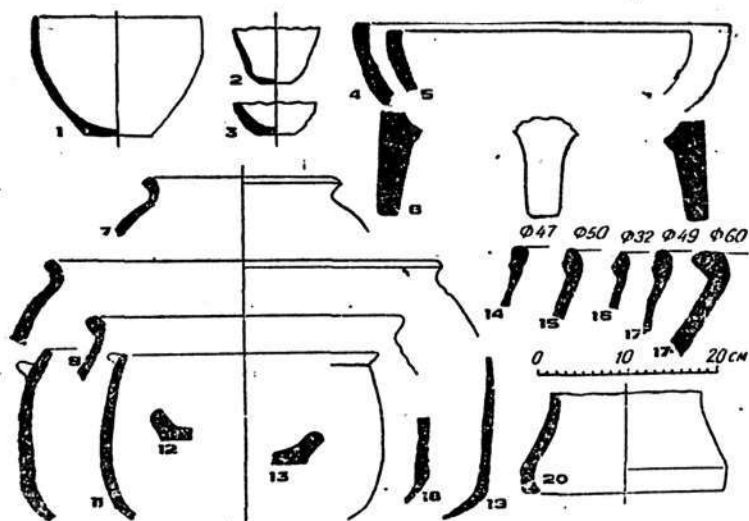

Рис. 8. Керамический комплекс из печи 12.

II тип — толстостенные, с горизонтально отогнутым массивным венчиком подтреугольного профиля. Глина красная, следы потертости (рис. 8, 17).

Хумчи, I тип. Диаметр горловины до 40 см. Корпус заметно сужается к устью, венчик в виде выпуклой манжеты, изнутри легкий прогиб ниже устья (рис. 8, 16).

II тип характеризуется отогнутым венчиком и большим разнообразием его оформления. Выделяется группа узкогорлых сосудов, диаметр устья которых не превышает 15 см.

Многочисленные варианты аналогичных венчиков, диаметр которых варьирует в пределах 15—41 см (рис. 8, 7, 8), предполагают и значительное разнообразие форм. Появляется форма венчика, близкого к валикообразному (рис. 8, 9). Один из узкогорлых

сосудов имеет полочку для крышки и утолщение в виде плоского валика по плечiku.

Тагора (тазы). Форма аналогична описанным, но профиль венчика имеет два варианта. I вариант — простой, иногда утолщенный край с горизонтальной верхней площадкой. Внутренняя поверхность и бережок обработаны выемчатыми полосами горизонтального лощения. Диаметр устья 31 и 41 см.

II вариант аналогичен I, но борт слегка оттянут внутрь. Изнутри — горизонтальное полосчатое лощение. Диаметр устья 33 см. (рис. 8, 4, 5).

В комплексах саратепинской керамики выявлена новая форма сосуда, аналогичная тагора, но поставленная на высокую ножку. По аналогии с известными чашами из архайского Дахистана выработанный для них термин «трипод» применим и для сосудов Согда.

В заполнении печи 12 найдена одна ножка трипода (рис. 8, 6), подпрямоугольная в сечении, со сглаженными углами, по форме клиновидная. Формовка ручная, поверхность с застругами, возможно, красный ангоб. Высота ножки 12 см. Сохранившаяся часть внутренней поверхности тагора покрыта горизонтальным лощением по черепку.

Цилиндрический полый поддон крепился к сосудам типа тагора. Стенки поддона плавно выгнуты, основание скруглено, внутренний край приподнят и слегка оттянут. В тесте отощитель в виде молотого гипса. Диаметр 22 см.

Кухонная посуда включает котлы, сковороды-жаровни и крышки.

Все котлы — станковой, выделки. Тулово шаровидное, край прямой, бережок иногда косо срезан внутрь. Шишковидные ручки крепятся у края или чуть ниже. Снаружи закопчены. Диаметр 26 и 28 см, высота ребра 17 и 18 см (рис. 8, 10—11).

Сковороды-жаровни (рис. 8, 12, 13). Очень распространенный тип изделий, имеет вариантность по степени отогнутости, толщины и высоте борта. Тесто грубое, с дресвой. На двух фрагментах доньев снаружи отпечатки рубчатой ткани различной толщины. Изнутри тщательно заглажены. Борта снаружи покрыты копотью. Один из восстанавливаемых диаметров — 45 см.

Крышки изготавливались вручную. Дискovidные, диаметр 42 и 60 см, толщина 2 и 2,5 см. Формовались на подсыпке из рубленой растительности, лицевая сторона заглажена.

В керамический комплекс входят изделия специального назначения. Исходной формой для кубуров послужил сосуд типа хумчи с сужающимся к устью туловом и округлым дном, выполненными в форме. Срезанный венчик и вырезанное в дне отверстие превратили его в изделие типа трубы*.

* Форма реконструируется по археологически целому сосуду из ямы 35.

В комплексе имеются фрагменты верхней и нижней частей различных кубуров. Диаметр устья 29 см, тулова 26 и 28 см, выреза в дне 18 см. В тесте незначительная примесь гипсового порошка. Наружная поверхность высветлена до кремового оттенка.

Очажные подставки, или «шашлычницы» — конической в сечении формы на плоском основании, на высоте 8 см — круглое сквозное отверстие. Ширина основания 11,5 см. Тесто грубое, боковые стенки закопчены.

Комплекс керамики из печи 2. Технологические особенности заметно характеризуются применением полосчатого лощения по ангобному покрытию и новыми формами венчиков. Вся керамика ровного обжига, черепок светло-коричневый, отошитель — песок, иногда гипс (чаши).

Плоскодонные чаши — с обточкой до блеска нижней трети сосуда. Верхняя часть сосуда имеет кремовый оттенок; что является следствием технологии обжига — сосуды открытого типа устанавливались в печи стопками. Важными для датировки данного комплекса являются фрагменты аналогичных чаш, покрытых с обеих сторон черно-бурым ангобом и узкими полосами горизонтального лощения (рис. 9, 4, 5).

Узкогорлые кувшины имеют четко выраженную горловину, отогнутый наружу венчик подпрямоугольных очертаний с горизонтальным бережком (рис. 9, 1, 2).

По стилистическим и морфологическим особенностям данная керамика имеет аналогии в материалах периода Афрасиаб II (10, с. 30, 32, 34—35; 9, с. 229).

Здесь же найдена верхняя часть хумчи с рельефным валикообразным венчиком (диаметр 21 см), короткая шейка отделена валиком. Плечики покатые, стенки с папиллярными ложбинами. Аналогичная форма известна среди материалов из Дингильдже (3, с. 122, рис. 36, 3, 17, 22, 27), где они датированы V в. до н. э. Наличие в нашем комплексе достаточно хорошо датированной керамики периода Афрасиаб II не позволяет удревять датировку данной формы.

Оригинальна отделка округлого дна хумчи (?) (рис. 9, 7). По залощенной по черепку поверхности нанесен процарапанный зигзагообразный орнамент. Аналогичная орнаментация техникой процарапывания встречается на керамике столового типа эллинистического Самарканда (10, с. 235).

Печь 2 и примыкающие к ней ямы входили в одно хозяйство, обособленно расположенное на крайнем восточном участке поселения. Хозяйство это выделяется не только топографически, но и хронологически. Как видно из приведенного материала, керамике из печи 2 присущи черты, характерные для эллинистического периода Согда.

Основным отличительным признаком саратепинской керамики является отсутствие так называемых цилиндроконических и ци-

линдрических кубков, характерных для древнесогдийской керамики периода Афрасиаб I (5, с. 28—29, рис. 12) и датируемых VI—V вв. до н. э., бактрийских комплексов периода Кучук IV, конец VI—V вв. до н. э. (1, с. 40, табл. 16, 6—9, табл. 18, 1), Кызыл III, 550—400 гг. до н. э. (8, с. 40, рис. 25, 1—9, 26, 5—8),

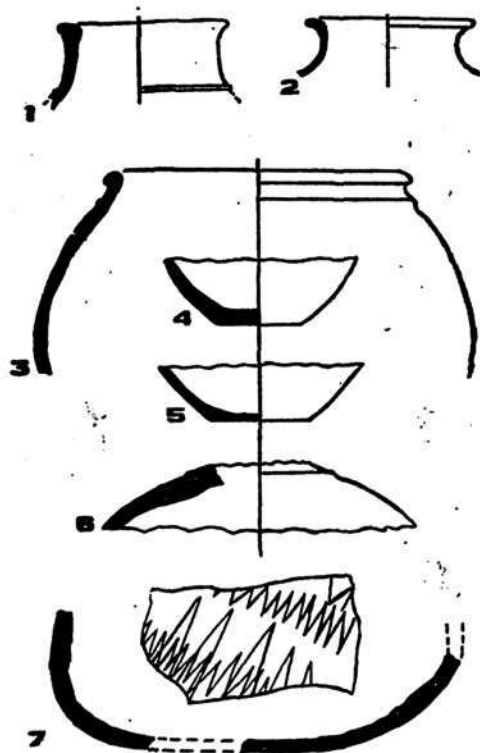

Рис. 9. Керамический комплекс из печи 2.

древнемаргианских типа Яз III, 450—350 гг. до н. э. (6, табл. XII, 1, 6).

Другой важной особенностью основной массы керамики из Саратепе является отсутствие кольцевых и дисковидных поддонов, а также лощения по ангобам, характерных для керамики айханумского типа, аналогичной керамике периода Афрасиаб II, датируемых концом IV—III вв. до н. э. Эти общие характеристики позволяют ограничить время бытования керамики саратепинского облика пределами IV в. до н. э.

Характерные черты рассматриваемой керамики прослеживаются в материалах Еркурган III, 500—300 гг. до н. э. (4, с. 34—38), но на начальном этапе здесь еще встречались цилиндрико-

нические кубки, хотя число их значительно уменьшилось. Увеличилось количество манжетовидных венчиков на крупных сосудах, появились днища хумов более округлых форм. Коленчатый изгиб в большинстве случаев обточен. Выросло число различных чаш и кубкообразных сосудов. В материалах Саратепе присутствуют котлы, выполненные на гончарном круге. Эта особенность присуща керамике Ер-IV (4, с. 46, рис. 22, 14—15), но в ней котлы сопровождалась керамикой периода Афрасиаб II. Видимо, станковые котлы Саратепе появились несколько раньше еркурганских.

Котлы из печи 8 выполнены на матерчатом шаблоне. Здесь же обнаружены фрагменты лепной чаши и горшковидного сосуда. Эти обстоятельства, видимо, позволяют отнести весь комплекс печи 8 к наиболее раннему среди материалов Саратепе.

В то же время наличие миски с S-образным профилем в комплексах из печей 8 и 13 не позволяет хронологически значительно отдалить их друг от друга. Среди обожженной керамики, обнаруженной вprodukte печи 13, имеется отогнутый венчик крупного сосуда, совершенно идентичный венчику из печи 12 (рис. 5, 16). Определенное сходство прослеживается и среди венчиков хумчей II типа.

Полый цилиндрический поддон (печь 12) известен в комплексах Яз II и III (6, табл. X, 13), в дальнейшем получил широкое распространение в периодах Афрасиаб II и III, приобретая изящный профиль.

В печи 12 найден бокал на высокой ножке, форма которого отсутствует в комплексах периода Афрасиаб II и керамике айханумского типа. На Афрасиабе эта форма бокала появилась во второй половине V в. до н. э. и существовала на протяжении всего IV в. до н. э. (5, с. 29, рис. 13). Но в период Афрасиаб I-A бокалы существовали с цилиндроконическими кубками, в дальнейшем, в период Афрасиаб I-B (5, рис. 17, 18), сохранились только бокалы. Видимо, на смену древней форме кубка пришли бокалы на высокой ножке, исчезнувшие в период раннего эллинизма.

Комплекс Афрасиаб I-B по набору керамики, особенностям форм наиболее близок саратепинской керамике, хотя между ними нет полной идентичности. Последнее обстоятельство может указывать на хронологическую последовательность, когда комплекс этапа Афрасиаб I-B сосуществовал с саратепинским комплексом, на завершающем этапе которого (материал из печи 2) наблюдается смыкание с комплексом Афрасиаб II.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскарóв А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
2. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода//ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.

3. Воробьева М. Г. Дингильдже-усадьба середины I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973.
4. Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган. Ташкент, 1984.
5. Кабанов С. К. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни//К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
6. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргiana//МИА. 73 М.—Л., 1959.
7. Рахманов У. Раскопки керамических горнов эпохи Сапалли на Бустане 4//ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.
8. Сагдуллаев А. С. Усадьба древней Бактрии. Ташкент, 1987.
9. Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.
10. Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб*II)//Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.

М. Х. ХАСАНОВ

ОБ ОДНОМ РАННЕАНТИЧНОМ СОСУДЕ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ КУРГАНЧА

Поселение Курганча находится в адырной зоне Гузарского оазиса Кашкадарьинской долины. Впервые обследовано в 1979 г. сотрудниками Кашкадарьинского отряда Р. Х. Сулеймановым и Н. Ю. Нефедовым и на основе подъемных материалов датировано IV—III вв. до н. э.

В 1986—1987 гг. была раскопана вся сохранившаяся часть поселения, в результате чего выявлены три строительных горизонта и этапы его обживания. После раскопок и обработки материалов предварительная датировка памятника, выдвинутая ранее, в основном подтвердилась.

Керамические комплексы, полученные из нижнего строительного горизонта, в большинстве изготовлены на гончарном круге. Наряду с ними имеются лепные керамические сосуды цилиндрической формы, использовавшиеся как тара, а также кухонные котлы.

Во втором строительном периоде увеличивается число сосудов, изготовленных из красной глины. Особый интерес в этом керамическом комплексе вызывает слив кувшина (рис. 1), найденный на уровне пола детского погребения 1 верхнего горизонта. Слив соединялся с венчиком перемычкой. Плотный черепок из красной глины с обеих сторон имеет тщательное лощение, ангобное покрытие отсутствует. Длина слива 5 см, перемычки 7 см, канала слива 7 см.

Подобные фрагменты сосудов на территории Средней Азии имеют не столь широкое распространение. Прототипами их являются металлические образцы.

Сосуд, аналогичный не только по форме, но и по составу глины, обработке поверхности, сильно отличающийся по фактуре от керамической продукции местного производства, был обнаружен на раскопе 8 помещения 13 поселения Тамошотепа (рис. 2, 2).

Изучая распространение клювовидных сливов, автор раскопок А. А. Абдуллаев на основе материалов памятников Туркмении, Бактрии и ряда других памятников Средней Азии пришел к заключению, что слив попал в слой Тамошотепа в результате торго-

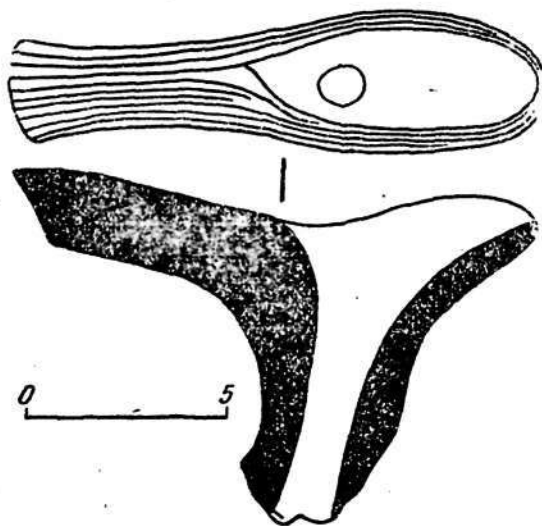

Рис. 1. Слив кувшина с пола детского погребения 1 верхнего горизонта. поселения Курганча.

во-экономических связей с соседними областями Средней Азии, Ираном и Дахистаном в эпоху бронзы (1, с. 85—90).

Как отмечал А. А. Абдуллаев, сосуды со сливом (иногда их называют чайниками) в эпоху бронзы были широко известны в Туркмении (2, с. 169, табл. 1, 7), на юге Узбекистана (3, с. 8—11), в древнем Иране и Месопотамии (4, с. 244, рис. 91, 92). Однако эти сосуды имеют более вытянутые сливы, не вполне соответствующие сливам изучаемого времени. Аналогичный по форме слив найден в слое III—II вв. до н. э. в Гиссарской крепости (рис. 2, 1) (5, с. 154, рис. 2, 12).

Наиболее близки рассматриваемому красноглиняные сливы с перемычкой из Мадаудепе в юго-восточном Прикаспии (рис. 2, 4—5). Там есть и другие варианты традиционной вытянутой формы (2, с. 419, рис. 33). При сравнении с материалами из Мадаудепе следует обратить внимание на то, что в небольшом коли-

честве там встречаются и сероглиняные сосуды. Среди них имеется чаша с полусферической нижней частью и отогнутым наружу краем (2, с. 417, рис. 31, 5). Слив, аналогичный по типу находкам из Мадаудепе, обнаружен также на памятниках Талли-

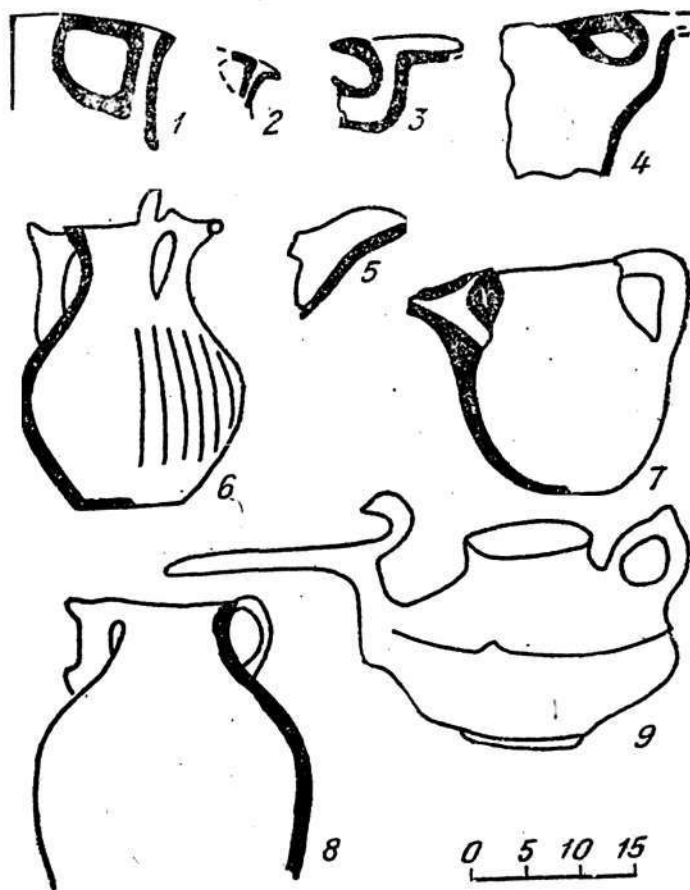

Рис. 2. Аналоги к сливу кувшина из поселения Курганча:

1 — Гиссарская крепость (IV—II вв. до н. э.); 2 — Тамошотепе (IV—II вв. до н. э.); 3 — Пархай (VI—V вв. до н. э.); 4—5 — Мадаудепе (VI—V вв. до н. э.); 6 — Иранский Азербайджан (VI—IV вв. до н. э.); 7—8 — Персеполис (VI—IV вв. до н. э.); 9 — музей г. Пенджикента им. Рудаки (X—IX вв. до н. э.).

мулион и Тюренттепа ахеменидского Ирана, датированных IV в. до н. э. (6, с. 155—180).

Такие же по форме сливы найдены в Пархайтепе (8, с. 75—82), на поселении раннежелезного века юга Туркмении (рис. 2, 3).

В Ховлегаре (Грузия) в IV—III вв. до н. э. появились новые формы красноглиняной керамики, «чайникообразные сосуды» —

одноручные кувшины с трубчатым носиком на тулове (рис. 2, 6), остродонные сосуды, фляги, резко профилированные, фиалы и др. (8, с. 50—55). Аналогичная картина выявляется и в погребениях V в. до н. э. в юго-восточной Грузии (9, с. 6). Появление этих сосудов объясняется усилившимися связями с ахеменидским Ираном (8, с. 93—97). Г. А. Тирацян связывает их появление в Закавказье именно с V—IV вв. до н. э. (10, с. 87—106).

Анализируя особенности бронзовых сосудов, найденных в Юрзюзенском могильнике Азербайджана, А. А. Иессен ориентировочно датирует их V в. до н. э. По известным аналогиям, автор считает эти сосуды непосредственно связанными с прикладным искусством ахеменидского Ирана (11, с. 206—231).

В Северном Иране в начале железного века и ранее были распространены сосуды со сливом. Они в частности найдены при раскопках некрополя Хурвина. В комплексе имеются разные варианты сосудов с длинными сливами с перемычкой и без нее. Почти у всех них напротив слива имеются петлевидные ручки (рис. 2, 7—8) (12, с. 69, табл. 36). Эти сосуды аналогичны нашему фрагменту не только по форме слива, но и по другим чертам: красноглиняному тесту, тщательной обработке поверхности, лощению.

Такие сосуды имеются и в нижних слоях Тепе-Нушиджан в Мидии. У одного из них перемычка с зооморфным изображением (13). Аналогичный по форме носик имеется в комплексе II периода Нади-Али в Сеистане (14, с. 39, рис. 5). Тип таких сосудов характерен для древнего Ирана и Ближнего Востока в эпоху бронзы и раннего железа.

Разнообразные сосуды со сливами хранятся в разных музеях Востока. В Тегеранском музее в комплексе Сиалк имеются подобные сосуды с росписью по тулову и зооморфной перемычкой, соединяющей слив с венчиком. На противоположной стороне сосуда имеется ручка (15, с. 16—17). На некоторых вариантах подобных сосудов слив имел вид головы какого-либо животного. Хотя они найдены в более ранних слоях комплекса Хасанлу (слой IV) (X—IX вв. до н. э.), по форме слива и технике обработки поверхности напоминают сосуды из поселения Курганча (15, с. 37).

В музее им. Рудаки города Пенджикента хранится бронзовый сосуд с длинным боковым сливом и перемычкой (рис. 2, 9), соединяющийся с венчиком. Этот сосуд найден в к. Фатмев в Верхнем Зарафшане. По мнению В. Г. Луконина, это один из иранских сосудов, что служили образцами для имитации керамики. Дата сосуда, как и дата имитаций, X—IX вв. до н. э. (15, с. 40).

К этому типу сосудов, но с добавлением двух сосков сливов, относятся отдельные образцы, происходящие из ахеменидского Ирана и представленные на международной выставке в Японии (Нара). Такой же сосуд из красной глины с залощенными стен-

ками, идентичный по технике исполнения фрагменту носика кувшина из Курганчи, был найден и на Афрасиабе (16, рис. 6, 3—5). Учитывая появление сосудов с двумя сосками в V в. до н. э., автор японского каталога датирует их V—IV вв. до н. э. (17, с. 211).

Фрагмент кувшина с двумя отверстиями также относится к редко встречаемым сосудам нижнего горизонта городища Кой-Крылганкала (18, табл. X, 13, 24).

Таким образом, отдельные образцы керамических изделий, встречающиеся в основном во фрагментах, имеют аналоги среди металлических сосудов ахеменидского Ирана. При имитации керамики пытались передать не только форму, но и остальные признаки торевтики, в том числе и металлический блеск залощенной поверхности сосудов. Эти черты присущи также керамике сасанидского Ирана и Согда VI—VIII вв. (19, с. 13—16).

Как отмечено выше, на многих памятниках Средней Азии и Закавказья ахеменидская керамика выявляется в слоях V—IV или IV—III вв. до н. э.

К. Гарден и А. Каттена впервые поставили вопрос о сходстве ахеменидской керамики Ирана с постахеменидской керамикой Средней Азии, так как в ахеменидское время керамика Ирана и Средней Азии отличались друг от друга (20).

Очевидно, влияние иранской торевтики проявилось уже в раннем железном веке (К. Фатлиев). Оно усилилось в конце ахеменидской эпохи (Кой-Крылганкала, Афрасиаб I-Б, Доринтепа). Однако целый комплекс художественной керамики, восходящей к северо-иранской, появился на короткий период времени на втором этапе Курганчи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев А. А. О двух типах сосудов из Тамошотепа//Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. 1987.
2. Массон В. М. Памятники культуры арханчского Дахистана в Юго-Западной Туркмении//ТЮТАКЭ. Т. VII. 1956.
3. Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан (к проблеме городской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
4. Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
5. Зеймаль Е. В. Археологические работы в Гиссарской долине в 1980 г.//АРТ. Вып. XX. 1987.
6. Sumner W. Excavations at Tall-i-malyan, 1971—1972. XII. Iran, 1974.
7. Хлопин И. Н. Стратиграфия поселения раннежелезного века Южной Туркмении Пархай-тепе (По материалам керамики)//Известия АН ТуркмССР. 1982. № 2.
8. Мухелишвили Д. Я. Археологический материал поселения Хавлегора. Тбилиси, 1978.
9. Давлианидзе Ц. О. Культура Квемо Картли (Триалети) во второй половине I тыс. до н. э. Автореф. дисс. ... к. ист. н. 1978.
10. Тирацян Г. А. К вопросу о торевтике и ювелирном деле Армении в ахеменидское время//ИФЖ. Ереван. 1969. № 1.
11. Иессен А. А. Ранние связи Приаралья с Ираном//СА. 1952. XVI.

12. Vanden Berghe L. La Necropole de Khyrvn. Istambul, 1964.
13. Stronach D. Tepe Nush-i-San: a maund in Medin//BMM N. Y. 1968.
14. Ghirsman R. Fouilles de Nadi Ali dans le Seistan Afgan// RAA, Paris, 1939. XIII.
15. Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
16. Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба//СА. 1975. № 2.
17. Taniichi T. Grand Exhibition of Silk Road Civilizations//The Oasis and Steppe Routes Nara, 1988.
18. Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967.
19. Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971.
20. Garden C., Cattenat A. Diffusion comparee de quelques Genres de poterie caracteristiques de l'epoque achemenique sur la plateau Sranien etan Asee centrale//Le plateau Sranum et l'asic Centrall des areiqines, a la conquete in lamique. Paris, 1977.

Ш. Р. ПИДАЕВ

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ АЛЕКСАНДРИИ НА ОКСЕ

Представление о Термезе как одном из крупнейших и древнейших городов Средней Азии давно получило признание в научной литературе. Большую роль в этом сыграли археологические исследования Музея восточных культур под руководством Б. П. Денике в 1926—1928 гг. (1, с. 208—223; 2, с. 3—17), Термезской археологической комплексной экспедиции под руководством М. Е. Массона в 1936—1938 гг. (3, с. 5—122; 4, с. 123—153), многолетние раскопки на Каратепе Б. Я. Ставиского (5, 6, 7, 8, 9, 10) и на Фаязтепа Л. И. Альбаума (11, с. 53—58; 12, с. 43—45). Способствовал этому и анализ письменных источников, в которых Термез нередко фигурировал как один из древнейших городов Бактрии — Тохаристана.

Многие вопросы истории и культуры древнего Термеза еще не изучены или разработаны весьма слабо из-за ограниченности археологических данных, полученных при исследовании городища Старого Термеза, что особенно касается ранних периодов его существования.

Казалось, мы имеем достаточно полное представление о кушанском Термезе. Однако при разработке этой проблемы выяснилось, что материалов о нем почти нет. В частности отсутствуют точные представления о структуре кушанского Термеза. Был ли он в этот период крупным городом всей Северной Бактрии, как считают многие исследователи, или же небольшим городским центром правобережной части Амударьи? Ответить на этот вопрос однозначно очень трудно, так как исследования в этом направлении до сих пор почти не производились. В научной литературе высказываются сомнения относительно статуса Термеза как столичного города в кушанский период (13, с. 12). Очень

~~много белых пятен существует и в истории средневекового Термеза.~~

В 1980 г. при Институте археологии АН УзССР был создан специальный отряд для изучения истории и культуры Термеза. Основное внимание уделялось исследованию стратиграфии городища и особенно его древнейшей части — цитадели. К настоящему времени здесь завершены два стратиграфических шурфа и два разреза, в результате чего установлены основные этапы сложения и развития цитадели, получены важные данные, характеризующие время освоения территории Термеза древним населением.

Цитадель Старого Термеза расположена на берегу Амударьи на естественной возвышенности из третичного песчаника. В плане она имеет форму неправильного прямоугольника площадью более 10 га, ориентированной по линии восток—запад. Первоначальный рельеф цитадели существенно изменился. С восточной, северной и западной сторон цитадель была защищена мощной оборонительной стеной и башнями, сохранившимися до наших дней в виде огромных валов. Со стороны реки она была укреплена частично, так как обрывистый берег делал цитадель неприступной. Высота цитадели 10—15 м от подошвы, но в восточной части она достигает 18 м. Рельеф цитадели здесь выделяется отчетливее, что связано с более интенсивным ее обживанием. Возможно, что эта часть является древнейшим ядром Термеза.

Предположение о том, что на территории цитадели имеются слои греко-бактрийского времени, было высказано еще М. Е. Массоном на основании находок здесь монет греко-бактрийских правителей (1, с. 87). В 1973 г. В. А. Козловским в юго-западной части цитадели был заложен стратиграфический шурф, в котором было выявлено 11 культурных слоев. Два нижних слоя были отнесены к греко-бактрийскому времени (14, с. 31). Однако, судя по публикации материалов, они могут быть датированы поздним этапом этого периода.

В 1982 г. нами был заложен стратиграфический шурф I в одном из всхолмлений, расположенных в юго-восточной части цитадели, ближе к северной оборонительной стене. Судя по рельефу, всхолмление образовалось на месте монументальных зданий. В шурфе было выявлено 15 культурных слоев общей мощностью 14,1 м. Четыре нижних слоя шурфа мощностью 2,5 м относятся к греко-бактрийскому времени (15, с. 87—97; 16, с. 97—98), причем три из них сопровождаются архитектурными остатками. К сожалению, сохранность их не очень хорошая, так как они были разрушены еще в древности в результате перепланировки и использования земли для возведения новых построек. Стены в основном паховые, но на уровне самого нижнего горизонта были расширены остатки стены из сырцовых квадратных кирпичей (37×37×15 см; 38×38×15 см). Поверхность материка-песчани-

ка при строительстве этой стены была выровнена путем насыпки на неровную поверхность материка лесса и песка. В настоящее время трудно сказать что-либо определенное о характере этих построек, так как они были выявлены лишь на небольших площадях.

Стратиграфический шурф был заложен в 1983 г. в южной части восточной половины цитадели на восточном же склоне холма, возвышающегося над цитаделью. В нем установлено наличие 14 культурных напластований. Четыре нижних слоя относятся к периоду похода Александра Македонского и греко-бактрийскому времени. Общая толщина этого слоя около 3 м. Здесь так же, как и в шурфе 1, поверхность материка из песчаника была выровнена путем подсыпки песка. На уровне третьего снизу слоя зафиксированы остатки трех помещений, стены которых были возведены из пахсы. Стены довольно мощные.

Керамика середины I тысячелетия до н. э. была найдена в восточном углу цитадели, в 50 м к востоку от шурфа 2. Здесь под оборонительной стеной кушанского времени, защищавшей пристань, был зачищен на небольшой площади слой из щебня, в котором найдены фрагменты керамики с манжетовидным венчиком и стенки цилиндрико-конических сосудов с характерным для керамики середины I тысячелетия до н. э. красноватым черепком и светлой поверхностью.

Еще одним объектом, где в последние годы найдены материалы греко-бактрийского времени, является Малый Чингизтепа. Здесь Л. И. Альбаумом исследуется крупное монументальное здание греко-бактрийского и кушанского периодов. Стены здания греко-бактрийского времени — пахсовые, имеют гладкую глиняную обмазку. Здание еще полностью не раскопано и поэтому трудно сказать что-либо определенное о его планировке и функциональном назначении. Л. И. Альбаум предполагает, что это остатки крепости, стоявшей у переправы (13, с. 12). Знаменательно наличие на территории Термеза монументальных и других построек греко-бактрийского времени, так как в последние годы рядом исследователей высказывалось предположение о культурной отсталости Северной Бактрии этого времени (17, с. 47; 18, с. 150). Они считают, что население области в данный период жило в основном в землянках, но недавние исследования на Тахти-Сангине, Кампиртепа и в Термезе опровергают этот вывод.

Приведем общую характеристику археологического материала из нижних слоев шурфов 1 и 2 цитадели Термеза. Большую часть найденных предметов составляет керамика, в основном изготовленная на гончарном круге. Глина хорошей отмучки, обжиг равномерный. Керамика характеризуется высоким качеством, изяществом формы и разнообразием ассортимента. Как правило, сосуды покрыты ангобом красно-коричневых оттенков. Нередко встречались сосуды со светлым ангобом, преимущественно в самом нижнем слое.

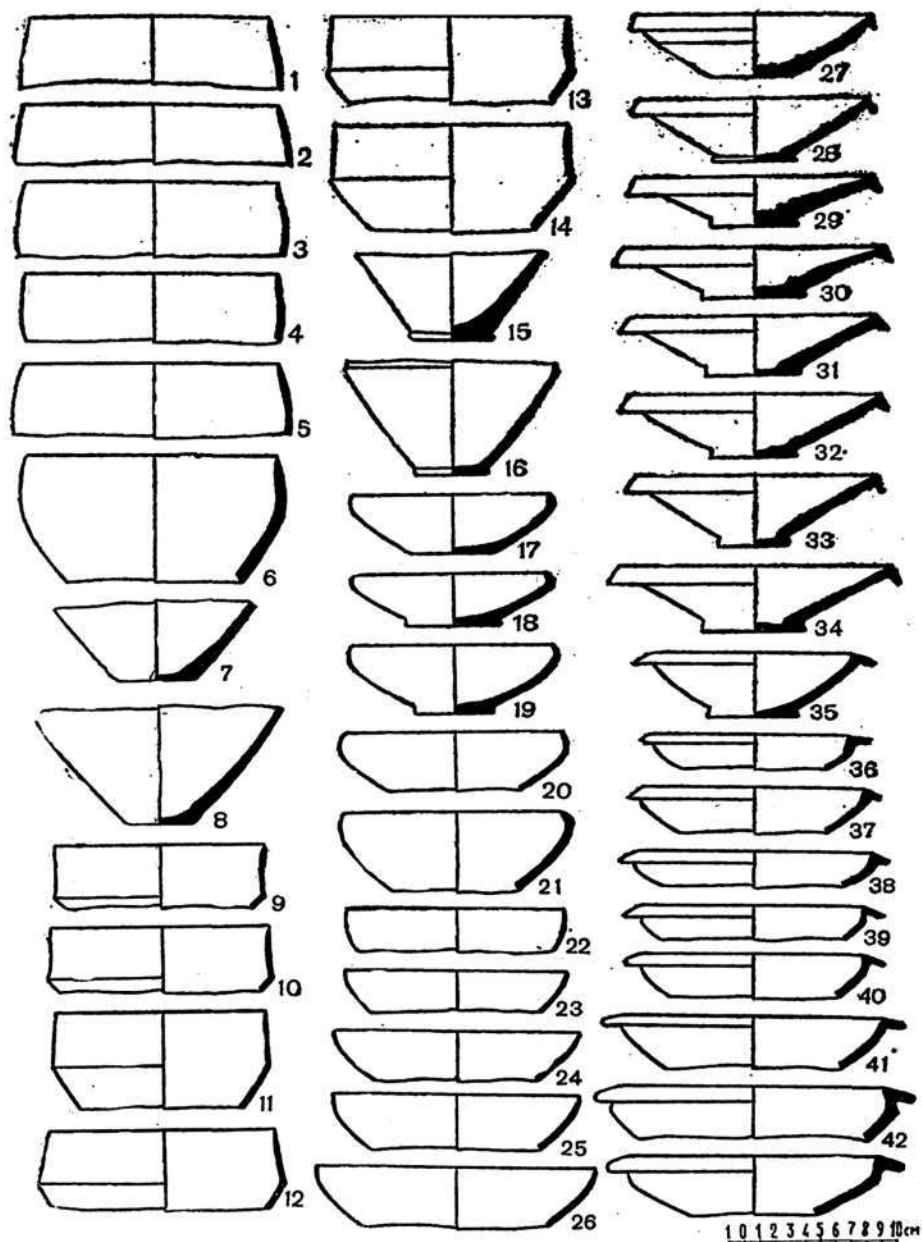

Рис. 1.

Наиболее древний керамический материал найден в нижнем слое шурфа 2, под оборонительной стеной. Это венчики сосудов с манжетовидным профилем и стенки цилиндро-конических сосудов (рис. 1). Как известно, подобная керамика наиболее харак-

терна для середины I тысячелетия до н. э. Она и встречается почти во всех историко-культурных регионах Средней Азии этого времени. В частности, она найдена в Маргiane (19, с. 34—41), Хорезме (20, с. 68—81; 21), Согде (22, рис. 69; 23, с. 54) и на территории Бактрии (24, с. 87; 25, с. 19—24; 26, с. 262—266). Термезская керамика несколько отличается от классических форм этого времени. Она более грубоватая, конструктивные особенности ее выражены менее четко. Стенки несколько округлые, придонная часть, как правило, подправлена ножом. К числу общих признаков относится покрытие верхней части сосудов выше перегиба светлым ангобом. Вместе с этой керамикой найдены кубки с округлыми стенками, покрытые светлым ангобом, полусферические чаши с закругленным внутрь венчиком, чаши с Т-образ-

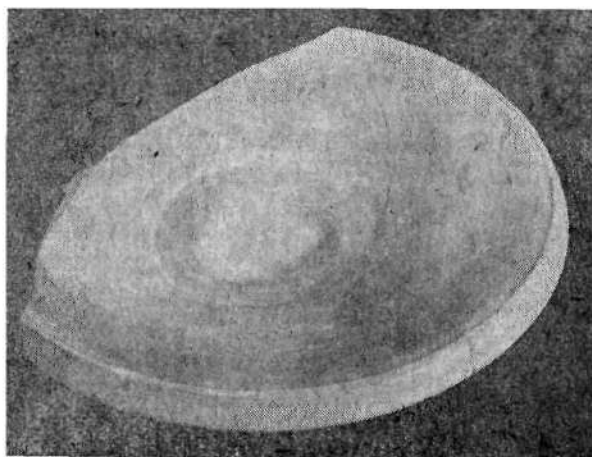

Рис. 2.

ным венчиком, сосуды типа «кратера», кувшины на плоском дне. Последние в дальнейшем занимали ведущее положение в керамическом производстве Бактрии. Здесь же они несколько грубоватые, венчики менее выразительные. В первом случае мы имеем дело с традицией, когда, постепенно трансформируясь, исчезали некогда характерные сосуды, а во втором — с зарождением новых форм керамики. Это очень важное обстоятельство, так как до сих пор не удается установить переходный этап от керамики середины I тысячелетия до н. э. к керамике греко-бактрийского времени. К сожалению, из-за малочисленности материала и мы не можем более подробно проследить весь этот сложный процесс.

Вышеописанная керамика Термеза весьма схожа с керамикой периода Афрасиаба II, датируемой концом IV—II вв. до н. э. (27, с. 28, 57; 28, с. 186; 29, с. 60—77) и кушанской Еркургана II—III того же времени (30, с. 42—53). Аналогичная керамика

найдена и в Северо-Западной Бактрии в слоях IV—III вв. до н. э. (31).

Для этой керамики характерно отсутствие таких классических форм греко-бактрийского времени, как чаши с клювовидным отогнутым наружу венчиком и цилиндро-конические кубки. На основании этого сопоставления керамику из нижних слоев Термеза можно датировать концом IV — началом II в. до н. э.

Керамика греко-бактрийского времени представлена кубками с округлыми стенками, покрытыми светлым ангобом; цилиндро-

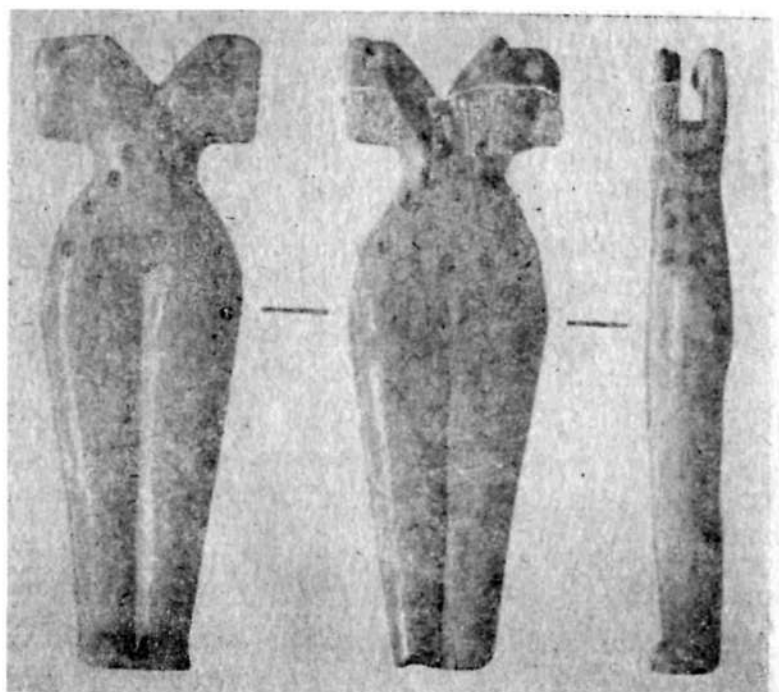

Рис. 3.

коническими на небольшом поддоне; полусферическими чашами с закругленным внутрь венчиком; с прямыми расходящимися вверх стенками; с клювовидным венчиком, отогнутым наружу; с Т- и Г-образным венчиком; тарелками с отлогими стенками; кувшинами преимущественно без ручек; сосудами типа «кратер»; светильниками и многими другими формами. Нередко встречались сероглиняные чашки, тарелки и тагора. Хумы и котлы в основном лепные.

Ареал керамики, аналогичной термезской, довольно широк. Она известна по многим памятникам Согда (29, с. 60—77), Мерва (31, с. 42—53; 32, с. 44—58; 33, с. 190—195; 20, с. 84—144) и Хорезма III—II вв. до н. э. Но особенно близкое сходство она находит в Бактрии. Аналогичная керамика найдена в Бактрах (34, р. III), Ай-Хануме (35, р. 121—188), нижних слоях Джига-

тепа (36, с. 112—113). Вместе с тем, термезская керамика по ряду признаков отличается от керамики памятников Южной Бактрии, что вызвано, вероятно, локальными особенностями, поскольку самые близкие аналоги термезской обнаруживаются в керамике Северной Бактрии. Здесь сходство выражается в идентичности многих форм керамики, и в способе обработки поверхностей.

Керамика, идентичная термезской, найдена в нижних слоях Дальверзинтепа (37, с. 144—150), Халчаяна (38, с. 33—36), Тамошотепа (39, с. 39—41; 40, с. 35—38, 41, с. 123—133). К сожалению, материалы этих памятников не дают достаточной возможности судить о керамике Северной Бактрии греко-бактрийского времени в целом. Благодаря термезскому материалу мы получили не только довольно полное представление о керамическом комплексе Северной Бактрии III—II вв. до н. э., но и возможность наметить развитие многих ведущих форм керамики этого времени.

В научной литературе появился термин «керамика айханумского типа», употребляемый по отношению к керамике III—II вв. до н. э. с правобережья Бактрии (42, с. 171—180). По нашему мнению, этот термин не отражает действительной картины, так как между северобактрийской и южнобактрийской керамикой имеются различия. Северо-бактрийскую было бы более правильно называть «керамикой термезского типа», так как более или менее хорошо она представлена в Термезе. Ее датировка подтверждается и монетными находками из этих слоев. В частности на уровне третьего горизонта снизу в шурфе 1 были найдены две монеты Евтидема, в шурфе 2 — селевкидская и Диодота.

Без сомнения, термезская керамика является продукцией местных мастеров, которая по многим признакам не уступает керамике Бактр, Ай-Ханума, Дильберджина и других. Эти мастера, как и керамики столичных центров, добились определенной стандартизации в изготовлении многих форм. Изготовленные ими сосуды характеризуются завершенностью форм.

Все это позволяет считать, что в данный период в Термезе существовали специализированные мастерские по изготовлению керамики. Развитию этого ремесла способствовало и применение гончарного круга. На высокий уровень керамического производства Термеза греко-бактрийского времени указывает и технологический анализ керамики. Термезские мастера хорошо знали состав местного сырья и использовали пластические свойства местной глины. Товарный характер изготавливаемой продукции послужил стимулирующим фактором специализации гончарного производства. Товарообмен вероятнее всего осуществлялся при помощи денег, о чем свидетельствуют находки разнообразных греко-бактрийских монет, в частности Диодота, Евтидема, Деметрия, Евкратиды. Монеты в основном бронзовые. Судя по качеству изображения, они чеканены в небольшом городе, возможно, в самом

Термезе. Эти монеты, по всей вероятности, находились здесь в обращении (43, с. 17) и не могли использоваться в качестве сокровищ, как это считает Е. В. Зеймаль (17, с. 28—47). Кроме керамики и монет в этих слоях были найдены зернотерки, пряслица, костяная статуэтка нагой богини и другие предметы из слоновой кости.

Основываясь на результатах стратиграфического изучения цитадели Старого Термеза, можно полагать, что ее территория впервые была освоена населением в конце IV в. до н. э. Первоначально была заселена только его восточная часть, что подтверждается и находками из шурфов 1 и 2, разреза 2 и рельефом местности. Восточная часть, как уже отмечалось, более возвышенная. Толщина культурных напластований здесь свыше 14 м, в то время как в западной половине 8—10 м.

Наиболее древний материал здесь, если судить по находкам из шурфа, заложенного в 1973 г., может быть датирован второй половиной III в. до н. э. Толщина культурных напластований греко-бактрийского времени в восточной части 2,5—3 м, а в западной — 1 м. Следовательно, восточная половина цитадели является более древней и обживалась интенсивнее. Возможно, освоение западной части цитадели связано с образованием греко-бактрийского государства. На интенсивное обживание горда указывает мощность культурных напластований, относящихся к этому времени. Термез этого периода занимал почти всю территорию цитадели — более 10 га. Здесь было развито ремесленное производство, в частности гончарное и ткацкое. Тогда же была сооружена «крепость» на Малом Чингизтепа.

Выбор места для поселения на возвышенности был не случайным. Древнее население использовало ее как естественную защиту. Позднее и сам город, возможно, был обнесен оборонительной стеной.

Сопоставим результаты археологических исследований с данными письменных источников.

Согласно сообщению Страбона, в Бактрии и Согдиане Александр Македонский основал 8 городов (Страбон, XI, 4). Одни из них в настоящее время локализованы, однако местоположение других до сих пор не установлено или же локализация их спорна. К числу последних относится Александрия Оксианская. В античных источниках этот город упоминается весьма редко. О нем в частности пишет Диодор в своей знаменитой Исторической Библиотеке (Диодор, XVII, 83, 1). Птолемей относит Александрию Оксианскую к Согдиане (Птолемей, VI, 12, 5). Вопрос о локализации этого города давно занимал зарубежных и отечественных исследователей. Специально этот вопрос впервые рассмотрен в работе В. В. Тарна, в которой он, проанализировав данные всех письменных источников, прямо или косвенно касающихся Александрии Оксианской, высказал предположение, что этот город может быть локализован на месте Термеза (44,

р. 89—94). Опираясь на упоминание Антиохии-Тармита на карте анонимного географа из Равенны (VII в. н. э.) и «Певтингеровой таблицы», основанных на данных античных географов, он пришел к выводу о том, что после разрушения Александрии Оксиданской варварами она была переименована в Антиохию на Оксе в честь Антиоха I, восстановившего город. По мнению В. В. Тарна, это произошло между 293 и 290 гг. до н. э. (44, р. 93). Впрочем, на месте Термеза он пытался локализовать и Евкратидею (45, р. 259). Такое же предположение было высказано К. В. Тревер (46, с. 117).

В. В. Тарн отмечал, что для решения этого вопроса большое значение имеют раскопки Термеза. М. Е. Массон, основываясь на результатах работ Термезской археологической комплексной экспедиции, сопоставлял Термез с городом Дармамитрой, упомянутым в тибетском буддийском колофоне. Он разделял мнение В. В. Тарна о том, что Дармамитра является санскритской передачей имени греко-бактрийского царя Деметрия, от которого получил название город на месте Термеза. Со временем название в результате искажения получило современную форму (47, с. 4). С Деметрием связывается основание трех городов на территории греко-бактрийского государства, названных его именем. Один из них был основан в Согдиане. М. Е. Массон вслед за В. В. Тарном допускал, что этим городом мог быть Термез (47, с. 4). Это вызывает у нас некоторые возражения. Во-первых, находки в Термезе монет, предшествующих монетам Деметрия, указывают на существование города до основания его Деметрием. Во-вторых, на карте вышеупомянутого анонимного географа из Равенны и «Певтингеровых таблицах» обозначен город «Антиохия-Тармита», который В. В. Тарн локализовал на месте Термеза. Независимо от локализации этих городов, речь идет об одном и том же городе — Тармите. Если это так, то трудно допустить, что это название происходит от санскритской формы имени Деметрия, поскольку в античном мире за ним все равно закрепилась бы его греческая форма — Деметриас. Однако на вышеупомянутых картах, основанных на сведениях античной географии, название города упомянуто в форме Антиохия-Тармита и, видимо, неслучайно.

Судя по археологическим данным, город был основан намного раньше времени правления Деметрия. Следовательно, название «Тармита» не может быть связано с именем Деметрия. Характерно упоминание на картах названия Тармита вместе с названием Антиохия как Антиохия Тармита. Это указывает на то, что какое-то время город был известен в античном мире под двумя названиями, и одно из них связано не с именем Деметрия, а с именем селевкидского царя Антиоха I, правившего на сто лет раньше него. В связи с этим трудно допустить, что город Антиохия был переименован Деметрием, а затем его название трансформировалось в Тармиту. Все эти соображения дают нам осно-

вание предположить, что город Деметрия нужно искать в другом месте. Наиболее вероятно, на наш взгляд, этимология названия Тармиты, предложенная еще в прошлом веке В. Томашеком, по мнению которого оно происходит от древнеавестийского слова *tao maetha*, означающего «поселение по ту сторону реки» (48, р. 91). Это название, возможно, было дано поселению жителями левобережья Амударьи. Не исключено и то, что они были первыми поселенцами Тармиты. Этот факт может быть объяснен тем обстоятельством, что ахеменидский сатрап Бактрии, резиденция которого находилась всего в 50 км от Термеза, в Бактрах, решил основать здесь поселение и крепость для охраны важной переправы.

В связи с этим небезынтересна надпись на одной из стен пещерного комплекса «Б» на Каратапе в Старом Термезе (49, с. 40—46). В этой надписи, по мнению В. Б. Хеннинга, упомянут город Антиохия, что является еще одним доказательством в пользу локализации Антиохии на Оксе на месте Термеза. Надпись датируется IV в. н. э., что свидетельствует о сохранении названия города как Антиохия в это время, когда город, судя по сообщениям тибетских источников, назывался просто Тармита. П. Гукровский на основании пассажа из «Эпитомы Метца» также отождествляет Александрию Оксианскую с Термезом (50).

На вопросе локализации Термеза остановился и Б. Я. Ставиский (5, с. 89—90), который, к сожалению, ограничился лишь констатацией известных концепций, хотя допускал возможность существования этого города в греко-бактрийский период. В 1982 г. появилась статья французского археолога П. Бернера, посвященная локализации Александрии Кавказской и Александрии на Оксе (51, р. 217—142). В этой статье он высказался за возможность отождествления Александрии на Оксе с Термезом или Ай-Ханумом, расположенным в Южной Бактрии на месте впадения Кокчадарьи в Амударью. Причем предпочтение тому или другому городу он не отдавал (51, р. 236). Такое предположение высказывалось французскими исследователями и ранее (52, с. 3—151). Однако на Ай-Хануме, как об этом пишет П. Бернер, отсутствует археологический материал времен Александра. Наиболее древние материалы относятся здесь к раннеселевкидскому времени (53, р. 135). Г. А. Кошеленко в одной из своих последних работ отмечает, что Ай-Ханум это и есть Александрия Оксианская (54, с. 57). Недавно появилась работа Ф. Холта, в которой Александрия Оксианская локализована на месте Ай-Ханума (55, р. 62—63).

Сопоставление данных письменных источников с новыми археологическими материалами, полученными на городище Старого Термеза, позволяет отождествить Александрию на Оксе с Термезом, так как наиболее ранние находки отсюда, как упоминалось выше, синхронны времени похода Александра.

В пользу подобной локализации свидетельствуют и результа-

ты рекогносцировочных обследований правого берега Амударьи в ее среднем течении. На месте переправы через Окс (Амударью) не обнаружены другие археологические памятники с материалами конца IV в. до н. э. Небезынтересно сообщение Хафиза Абру (XI в.) о том, что Термез был основан Александром Македонским. По сведению Абу-л-Фазл-Байхаки, напротив Термеза, на левом берегу Джейхуна находился рабат Зулкарнайн (Байхаки, 233). Это также наводит на мысль о том, что Александр бывал в той местности.

Месторасположение Термеза в стратегическом отношении было весьма важным, так как он находился на перекрестке торговых дорог. Отсюда проходила одна из кратчайших дорог в Согдиану. Русло реки напротив городища, в частности у цитадели, несколько сужается, так как чуть выше цитадели левый берег реки имеет выступ. В результате течение само заносит лодку на правый берег реки, как раз в район пристани на цитадели. Кроме того имеющиеся здесь острова также облегчали переправу.

Таким образом, географические условия здесь были весьма выгодными для основания города, должного охранять дорогу и переправу через реку. Как известно, Александр основывал города именно на перекрестках торговых дорог и у переправ. Как правило, они закладывались на месте населенного (сторожевого) пункта, стоящего на стратегически важном участке. Такие сторожевые пункты на перекрестке дорог были введены еще при Ахеменидах. Все эти обстоятельства свидетельствуют в пользу основания на месте этой переправы нового города. Первоначально это был не город в полном смысле слова, а крепость для охраны дорог и переправы. По всей вероятности, почти все города, основанные Александром на захваченных им территориях и носившие его имя, скорее были городами-крепостями (18, с. 140; 43, с. 27). Такой же статус имел, видимо, и Термез, хотя крепость, возможно, существовала здесь еще до похода Александра. Согласно сообщениям античных источников, Александр, возвращаясь из Согдианы в Бактрию через Габаза и Парайтакену, переправился через реку Окс (Амударья) рядом с крепостью (Эпитома Метца). По мнению И. В. Пьянкова, эта крепость находилась в районе Термеза (55, с. 45). Если это действительно так, то локализация Александрии на Оксе на месте Термеза становится очевидной, так как город закладывался не на пустом месте, а на стратегически важном участке Амударьи. Отсюда, через переправу была кратчайшая дорога в столицу области, в город Бактры и Согдиану, что вполне отвечало стратегическим планам Александра.

После смерти Македонского на месте единого государства образовалось несколько новых. Все восточные владения Александра, в том числе Бактрия и Согдиана, оказались в руках его соратника Селевка, положившего начало селевкидскому государству. В первые годы его существования участились восстания

греков и македонцев с целью возвращения на родину. Получило новый импульс народно-освободительное движение в Средней Азии, усилились набеги кочевников. Для усмирения восставших и упрочения восточной границы своего государства сын и наследник Селевка Антиох I в первом десятилетии III в. до н. э. предпринял восточный поход. В результате этого похода на восточной границе государства положение относительно стабилизировалось, но не надолго. Многие города, разрушенные в результате восстаний и набегов кочевников, особенно те, которые стояли на стратегически важных участках, снова были восстановлены. По мнению В. В. Тарна, к числу таких городов относится Александрия на Оксе и Александрия Маргианская, переименованная в Антиохию (Плиний, VI, 47; Страбон, XI—10—1, 2; 45, р. 525). В качестве аргумента для переименования городов, носивших имя Александра, в Антиохию он приводит тот факт, что эти города были разрушены кочевниками полностью. Как уже говорилось, на карте анонимного географа из Равенны и «Певтингеровых таблицах» упомянут город Антиохия — Тармита. В этом плане заманчиво предложение И. де Менаша, предложившего читать слово *trmd*, упомянутое в одной из надписей, которые найдены на юге Афганистана, в долине Лагман, и выполнены в период правления императора Ашоки (середина III в. до н. э.), как Тармид (57, р. 290—292; 58, р. 258—172). Однако после находки второй надписи Лагман-II В. А. Лившиц и И. Ш. Шифман предложили другое объяснение этого слова. По их мнению, это название скалы, на которой была выбита надпись (59, с. 13).

В тибетских источниках Термез упомянут в форме Тармита. Видимо, со временем слово Тармита, постепенно трансформируясь, превратилось в Термез. В арабо-персидских источниках IX—XIII вв. название Термез упоминается в форме Термиз—Тирмиз. Заслуживает внимание созвучие названий Тармита—Тармиз—Тирмиз. В форме последнего он дошел до наших дней. Таким образом, в свете новых археологических данных вопрос о локализации Александрии на Оксе на месте Термеза приобрел конкретную основу для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денике Б. П. Термез (Работы экспедиции Музея восточных культур в 1927 г.)//Новое Время. 1928. № 17.
2. Денике Б. П. Экспедиция музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 г.//Культура Востока. Т. 2. М., 1928.
3. Массон М. Е. Городище Старого Термеза и их изучение//Труды ТАКЭ. Т. 1. Ташкент, 1940.
4. Шишкин В. А. К исторической топографии Старого Термеза//Труды ТАКЭ. Т. 1. Ташкент, 1940.
5. Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. М., 1977.
6. Грек Т. В., Пчелина Е. Г., Ставиский Б. Я.//Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. Основные итоги работ 1937, 1961—1962 гг. Индийские надписи на керамике. Вып. 1. М., 1964.

7. Буддийские пещеры Каратепа в Старом Термезе. Основные итоги работ 1963—1964 гг. Надписи, терракоты, каменные рельефы. Вып. 2. М., 1969.
8. Буддийский культовый центр Каратепа в Старом Термезе. Основные итоги работ 1965—1971 гг. Вып. 3. М., 1972.
9. Новые находки на Каратепа в Старом Термезе. Основные итоги работ 1972—1973 гг. Вып. 4. М., 1975.
10. Буддийские памятники Каратепа в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974—1977 гг. Вып. 5. М., 1982.
11. Альбаум Л. И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (По материалам 1968—1972 гг.)//Древняя Бактрия. Л., 1974.
12. Альбаум Л. И. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г.//Бактрийские древности. Л., 1976.
13. Альбаум Л. И. К вопросу об исторической топографии городища Старого Термеза//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тезисы докладов. Ташкент, 1985.
14. Козловский В. А., Некрасова Е. Г. Стратиграфический шурф на цитадели Старого Термеза//Бактрийские древности. Л., 1976.
15. Пидасев Ш. Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок//Городская культура Бактрии, Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы советско-французского colloquium (Самарканд). Ташкент, 1987.
16. Пидасев Ш. Р. Новые материалы к исторической топографии Старого Термеза//Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тезисы докладов. Ташкент, 1985.
17. Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
18. Хлопин И. Н. Историческая география южных областей Средней Азии. Ашхабад, 1983.
19. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы//МИА. Вып. 73. М.—Л., 1959.
20. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода/Труды ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
21. Воробьева М. Г. Дингильдже: усадьба середины I тыс. до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973.
22. Тереножкин А. И. Согд и Чач//КСИИМК. Вып. XXXIII. М.—Л., 1951.
23. Кабанов С. К., Шишкина Г. В. Древнейшие поселения городища Афрасиаб//ОНУ. 1968. № 3.
24. Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Балдайтепе//МКТ. Вып. 2. Душанбе, 1971.
25. Захаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкантепа I//Бактрийские древности. М., 1976.
26. Ртвеладзе Э. В. К характеристике памятников ахеменидского времени на юге Узбекистана//СА. 1972. № 2.
27. Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II)//Афрасиаб. Вып. 3. Ташкент, 1974.
28. Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб//СА. 1969. № 1.
29. Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба//СА. 1975. № 2.
30. Исамидинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган. Ташкент, 1984.
31. Пилипко В. Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
32. Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва//Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад. 1962.
33. Усманова З. У. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гаур-кала//Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963.
34. Gardin J. C. Ceramiques de Bactres//MDAFA. V. XV. Paris, 1957.
35. Gardin J. C. Les ceramiques. Fouilles d'Al-Khanoum//MDAFA. V. XXI. Paris, 1973.
36. Пидасев Ш. Р. Керамика Джига-тепа/Древняя Бактрия. Вып. III. М., 1984.

37. Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А. Керамика Дальверзинтепе// Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
38. Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966.
39. Абдуллаев А. А. Отчет о раскопках Тамоша-тепа в 1972 г.//АРТ. Вып. XII (1972 г.). Душанбе, 1976.
40. Абдуллаев А. А. Отчет о раскопках Тамоша-тепа в 1973 г.//АРТ. Вып. XIII (1973 г.). Душанбе, 1977.
41. Абдуллаев А. А. Раскопки Тамошатепе в 1974 г.//АРТ. Вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1979.
42. Седов А. А. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударьи//СА. 1984. № 3.
43. Ртвеладзе Э. В. Древняя Бактрия — средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития (по материалам амударьинского правобережья). Автореф. дис. ... д. ист. н. М., 1968.
44. Tarn W. W. Two Seleukid studies. Tarmita, J. H. S., 1940. LX.
45. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.
46. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940.
47. Массон М. Е. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) в 1937 и 1938 гг.//Труды ТАКЭ. Т. II. Ташкент, 1945.
48. Tomaschek W. Zentralasiatische Studien, I, Sogdiana. Wien, 1877.
49. Луконин В. Г. Среднеперсидская надпись из Кара-тепе//Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
50. Goukowsky P. Essai sur les origines du mythe d'Alexandre (336—270 av. d.-c.). T. I. les origines politiques. Nancy: Universite de Nancy, 1978.
51. Bernard P. Duodor. XVII, 83, 1: Alexandrie du Caucase ou Alexandrie de le Oxus?//Journal des Savants. Fonde en 1665. Paris, 1982.
52. Bernard P. Francfort H.-P. Etudes de geographie historique sur plaine d'Ai-Khanoum (Afghanistan). Paris, 1978.
53. Bernard P. Alexandre et Ai Khanoum//Journal des Savants. 1982' avril-juin. Paris, 1982.
54. Кошеленко Г. А., Сердитых З. В. Типология и динамика развития системы расселения в Бактрии эллинистической эпохи//Городская культура Бактрии—Тохаристана и Согда. Античность и раннее средневековье. Материалы советско-французского colloquium (Самарканд). Ташкент, 1987.
55. Frank L. Holt. Alexander the Great and Bactria. Leiden—New-York—Kobenhavn—Köln, 1988. P. 62—63.
56. Пьянков И. Н. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982.
57. J. de Menasse. propos d'une inscription arameene d'Asoka//Israel Oriental Studies. 2. Tel-Aviv, 1972.
58. Dupont-Sommer. Une nouvelle inscription arameene d'Asoka du Lagman (Afganistan) CRAIBL. Janv-Mars, 1970.
59. Лившиц В. А., Шифман И. Ш. К толкованию новых арамейских надписей Ашоки//ВДИ. 1977. № 2.

Ю. П. МАНЫЛОВ

КУРГАНЫ КОКПАТАСА

В окрестностях посёлка Кокпатас, расположенного на южных склонах горного хребта Букантау в Центральных Кызылкумах, находится большое количество одиночных курганов и курганных групп, в которых насчитывается около 30 курганов.

Как правило, они приурочены к руслу Кокпатассая, его притокам и небольшим столовым возвышенностям. О постоянном

течении воды по этому сая свидетельствуют многочисленные находки изделий из кремня эпохи неолита и подъемной керамики, которая может быть датирована от эпохи бронзы до развитого средневековья (1, с. 59—62).

Первые сведения о курганах в изучаемом районе были получены при геолого-проектных работах*. В 1985 г. Навоийский отряд Института археологии АН УзССР приступил к систематическим археологическим раскопкам и разведкам курганов в Учкудукском районе Навоийской области (ныне Бухарской) (2, с. 595). В последующие годы эти исследования были продолжены.

Данная публикация посвящена изучению новых данных по погребальному обряду Центральных Кызылкумов, характеристике погребального инвентаря и выяснению этапов перекочевок или обживания этого региона.

Курганная группа Телькетау, состоящая из трех курганов, расположена на восточном берегу сая, в 5,5 км восточнее поселка. Курганы вытянуты цепочкой в широтном направлении и возвышаются на местности на 0,3—0,6 м. Диаметр насыпей — 9—12 м. Вокруг насыпей, возведенных из щебня, хорошо прослеживаются небольшие предкурганные рвы шириной 2—2,8 м.

Курган 1 занимает в группе крайнее восточное положение. После снятия насыпи высотой 0,5 м была обнаружена могильная яма (2,1×0,68 м), ориентированная в направлении северо-северо-восток—юго-юго-запад. На дне могильной ямы глубиной 1,42 м головой на юго-юго-запад (азимут 195°) лежал погребенный на спине с вытянутыми руками и ногами. Череп уничтожен при ограблении (рис. 1). Вдоль левой руки находился меч (рис. 2, 1), а около ее кисти — пряжка (рис. 2, 4) и круглое пряслице или пуговица (рис. 2, 5). Под кистью левой руки найдена бусина (рис. 2, 6). Под тазовыми костями также около кисти левой руки обнаружена еще одна пряжка (рис. 2, 3). Около колена левой ноги находился железный нож (рис. 2, 2). В 12 см от плечевой кости правой руки, у края могильной ямы, найден фрагмент концевой обкладки лука. Если в изголовье и был погребальный инвентарь, то он был похищен. В ногах погребенного, около берцовой кости левой ноги, находилась заупокойная пища в виде части тушки барана.

Курган 2, расположенный в 17 м западнее кургана 1, возвышается над окружающей местностью на 0,53 м. После снятия насыпи была выявлена могильная яма (2,7×0,98 м), ориентированная так же, как в кургане 1. На уровне дневной поверхности в яме найдено несколько костей. В заполнении обнаружены фрагменты железного меча. На дне могильной ямы костяк и инвентарь отсутствовали.

* Выражаю искреннюю признательность В. Марченко за помощь при проведении полевых работ, анализа изделий из камня и металла.

Курган 3 отстоит от вышеописанного на 13 м. Курганная насыпь высотой около 0,25—0,35 м сохранила в верхней части следы ограбления в виде небольшой воронки. Могильная яма глубиной 1,0—1,1 м была выкопана в сильно загипсованном песчанике. Дно ямы (2,25×0,65 м) — ровное, с незначительным уклоном в северную сторону. Инвентаря и следов костяка не обнаружено. В восточной части ямы имеется грабительский лаз. Могильная яма на уровне дневной поверхности перекрыта каменными плитами (83×48; 90×65 см), которые сохранились только

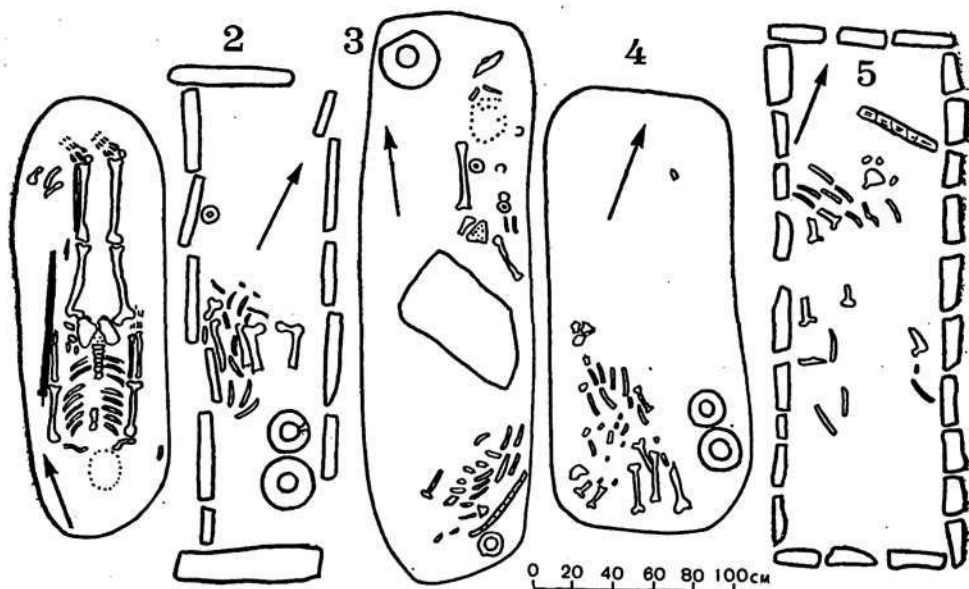

Рис. 1. Планы могильных ям.

1 — курганная группа Телькетау, курган 1; 2 — курганная группа Казахаул, курган 1; 3 — одиночный курган Кырккудук-1; 4 — одиночный курган Жанатобе; 5 — одиночный курган Аскертобе.

в северной и южной частях. Некоторые из них находились в стороне от могильной ямы или стояли вертикально в яме. Ось могильной ямы ориентирована в направлении север—юг (отклонение 1°).

Погребальный инвентарь. Железный двулезвийный меч длиной 90,9 см с прямым перекрытием длиной 6 см и шириной 1,7 м имеет в разрезе форму двояковыпуклой линзы (рис. 2, 1). Длина рукояти равна 12,6 см, ширина 3 см, длина клинка 76,5 см. Режущие стороны идут строго параллельно, примерно на 2/3 его длины. Затем клинок плавно сужается к концу. На поверхности меча сохранились следы от деревянных ножен, на рукояти — от деревянных обкладок.

Аналогичные мечи распространены на большой территории Евразии и отнесены А. М. Хазановым к первому типу мечей и кинжалов без металлического навершия. Датируются II в. до

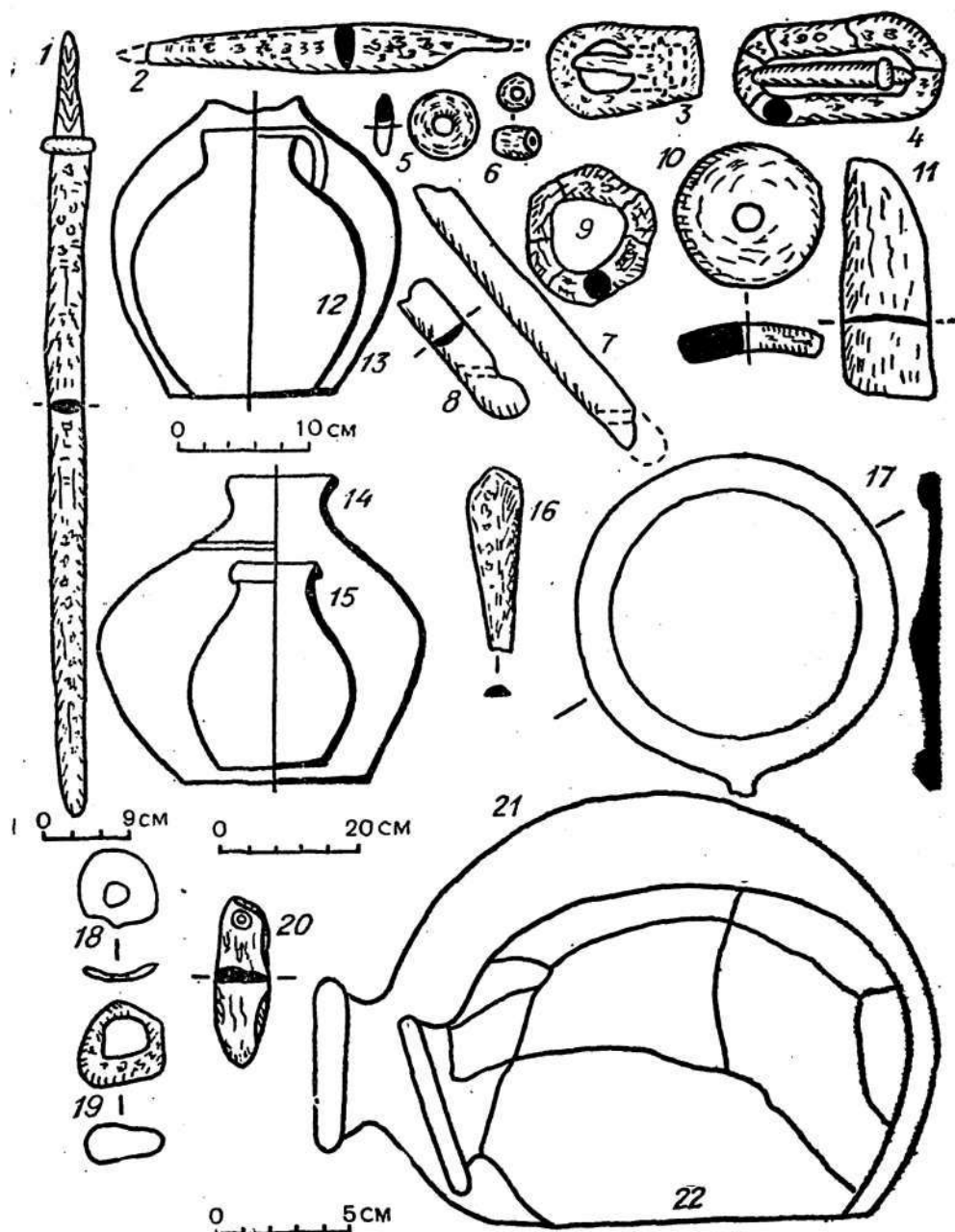

Рис. 2. Погребальный инвентарь:

1-6 — курганный группа Телькетау, курган 1; 7-3 — курганный группа Казахаул, курган 1; 14-15 — одиночный курган Жанатобе; 16-21 — одиночный курган Кырккудук-1; 22 — одиночный курган Аскертобе. 1-4, 9, 16, 19 — железо; 5, 20 — камень; 6-10, 12-15, 21 — глина; 7-8, 11, 18 — кость; 17 — бронза.

н. э.— I—II вв. н. э. (3, с. 17, 19—20). Из курганов Согда, исследованных О. В. Обельченко, происходит значительное количество мечей и кинжалов этого типа, которые отнесены ко II—I вв. до н. э. (4, с. 131—133, рис. 10, 17—21; 5, с. 118—119, рис. 1).

По мнению А. М. Хазанова, мечи из кургана 1 первой группы Лявандакского могильника (4, с. 104) и кургана 19 на курганном поле № 2 Куюмазарского могильника (6, с. 210, рис. 16), аналогичные нашим, следует датировать не позднее III—II вв. до н. э. (3, с. 19).

Пряжка (рис. 2, 4) овальной в плане формы со слегка стянутой серединой, длиной 7,7 см и максимальной шириной по краям 4—4,2 см с подвижным язычком и обломанным шпеньком является принадлежностью пояса. Изготовлена из круглого в сечении железного прута.

Аналогичные пряжки найдены О. В. Обельченко в курганах около Агалыксы, где датируются II—I вв. до н. э. (7, с. 186, рис. 3, 6), в Лявандакском могильнике II—I вв. до н. э. (4, с. 107—108, 149—150, рис. 12). Б. А. Литвинский относит пряжку из Лявандакского могильника к рубежу эр или к I в. н. э. (8, с. 81). I—II вв. н. э. датируется аналогичная пряжка из кургана 34 могильника Тузгыр (9, с. 123, табл. VI, 10).

Вторая пряжка (рис. 2, 3) длиной 5,7 см и максимальной шириной 3,7 см в передней скругленной части снабжена подвижным на оси язычком, который, как нам представляется, составляет одно целое с осью, крепившейся к рамке пряжки. Между осью и тыльной прямой стороной пряжки для крепления ремня имеется небольшая прорезь. Пряжка, вероятно, являлась частью ремня для крепления меча к поясному ремню.

Дисковидный предмет из серого мрамора (пряслице или пуговица) диаметром 2,5—2,6 см с круглым отверстием диаметром 0,6 м и максимальной толщиной 0,5 см был, вероятно, деталью привязи меча к поясу (рис. 2, 5). К этому комплекту, видимо, нужно отнести бусину из мраморовидного оникса длиной 1,4 см и диаметром 1,3 см со сквозным отверстием диаметром 0,4 см (рис. 2, 6).

Железный нож с выгнутой спинкой и черешком для насадки деревянной ручки длиной 13,9 см имеет максимальную толщину спинки, равную 8 мм (рис. 2, 2).

Погребальный инвентарь из кургана 1 позволяет отнести его к III—I вв. до н. э. В связи с тем, что ориентация могильных ям в курганах 2 и 3 близка направлению ямы кургана 1, указанным периодом мы датируем курганную группу в целом.

Курганная группа Казахаул состоит из двух курганов и расположена в 2 км к юго-западу от поселка Кокпатас на плоской возвышенности, прилегающей к правому притоку Кокпатассая. Курганы расположены на расстоянии 18 м.

Курган 1 диаметром 14 м и высотой 0,6 м занимает в группе восточное положение. По периметру могильной ямы (2,28 ×

×0,52—0,62 м) вертикально поставлены плиты (0,68—0,75×0,2—0,5 м). Перекрытие ямы также произведено каменными плитами (1,05×0,95 и 0,98×0,48 м), которые сохранились в прежнем положении только в северо-западной части. Остальные плиты перекрытия при ограблении были свалены в одно место в беспорядке.

Погребенный, судя по положению бедренных костей, лежал головой на северо-запад (азимут 334°). В ногах его стояло два кувшина (рис. 1, 2). Костяк вместе с инвентарем были сдвинуты к юго-западной стенке каменного ящика. Здесь найдены железное кольцо (рис. 2, 9), фрагменты обкладки лука (рис. 2, 7—8, 11), ножен и меча. В северо-западном углу каменного ящика обнаружено керамическое пряслице (рис. 2, 10).

Курган 2 диаметром 10 м и высотой 0,4 м носит явные следы ограбления. На материковой поверхности прослежена могильная яма (2,6×0,8—1,0 м), стенки которой по периметру обложены вертикально стоящими плитами (0,70—0,75×0,38—0,54 м). В южной части ямы, где обкладки отсутствуют, находится грабительский лаз. Яма ориентирована по линии север—юг с незначительным отклонением (азимут 354°). В могильной яме найдены фрагменты сосудов и костей. Плиты (1,1—1,2×0,9—1,0 м) перекрытия найдены почти на поверхности курганной насыпи.

Погребальный инвентарь. Изучение фрагментов ножен в бинокулярную лупу МБС-1 при увеличении в 40 раз показало, что перед нами уникальный экземпляр. На железный футляр ножен наклеена ворсистая ткань, в которой видно переплетение нитей. На нее наклеен слой дерева, структура и цвет которого достаточно четко прослеживаются. На дереве — слой кожи, окрашенной в ярко-желтый цвет. И, наконец, на кожу наклеен еще один слой из неизвестного материала. Таким образом, ножны состоят из пяти слоев разных материалов, склеенных между собой.

Сравнение с материалами, имеющимися по сарматскому оружию, показывает, что такие многослойные ножны раньше не были известны. Обычно сложносоставные деревянные ножны могли обклеиваться снаружи кожей и изнутри тканью. Окрашивались ножны в основном в красный цвет, белый зафиксирован однажды (3, с. 24—25).

Пряслице диаметром 5,2 см с круглым отверстием диаметром 0,9 см изготовлено из стенки керамического гончарного сосуда толщиной 1 см (рис. 2, 10).

Железное кольцо диаметром 4,8—4,9 см сильно корродировано. Изготовлено из металлического прута диаметром 1,1—1,2 см (рис. 2, 9). Среди материалов кызылкумских могильников аналогичные кольца найдены в кургане 6 Кулкудукского могильника (15), в кургане 3 могильника Джужкудук-2 (11).

Срединные обкладки лука представлены двумя фрагментами длиной 7,8 и 9,4 см и максимальной шириной 3,3—3,5 см (рис. 2, 11). Среди многочисленных фрагментов концевых обкладок от-

метим две наиболее крупные: длиной 6,4 и 13,9 см и шириной 0,9—1,6 см с вырезами для тетивы (рис. 2, 7—8).

Кувшин с ручкой высотой 23,8 см и шаровидным туловом, максимальный диаметр которого — 20,2 см — находится на высоте 12,5 см. Короткая горловина заканчивается слегка утолщенным краем. Диаметр венчика 9,4 см. При обжиге сосуд приобрел коричневый цвет с оранжево-бурым оттенком (близким к кирпичному). В глиняном тесте отмечается незначительная примесь песка. Наружная поверхность покрыта коричневым ангобом, в большей степени сохранившимся на верхней части тулова и на горловине (рис. 2, 12).

Кувшин без горловины и ручки высотой 22,7 см имеет плоское дно диаметром 13 см (рис. 2, 13). Максимальный диаметр тулова 21,8 см. Сосуд изготовлен из тщательно приготовленного глиняного теста с примесью мелкоистолченного отошителя белого цвета. Тесто приобрело при обжиге ровный тускло-коричневый цвет. На нижней части тулова хорошо видна вертикальная ребристость поверхности стенок. Толщина стенок верхней части тулова равна 3 мм. Сосуд неравномерно покрыт черным ангобом.

Курган 1 и в целом курганную группу мы датируем III—I вв. до н. э.

Одиночный курган Кырккудук I расположен в 6,5 км юго-западнее поселка Кокпатас среди многочисленных приотков Кокпатасая, впадающих в него с запада.

Основное захоронение произведено в могильной яме глубиной 2,2 м, ориентированной по линии север—юг (азимут 350°) и находящейся примерно под вершиной насыпи. На дне могильной ямы (2,8×0,75 м) в северо-восточной части и юго-восточном углу, в беспорядке лежали кости (рис. 1). В северо-западном углу горловиной вверх стояла водоносная фляга (рис. 2, 21). Среди костей в северо-восточной части ямы найдены бусы из стекла, бирюзы, гагата и мраморовидного оникса, железные перстень и кольцо, фрагмент позвонка рыбы и пряслице. В центральной части лежали фрагменты черепа и плита из гранодиорита (50×40×15 см). В нагромождении костей в юго-восточном углу обнаружены бронзовое зеркало (рис. 2, 17) с прилипшим к нему железным предметом (рис. 2, 16) и круглое в сечении деревянное изделие длиной около 46 см.

На расстоянии 0,9 м от северного края могильной ямы на высоте около 0,5—0,6 м от материковой поверхности в курганной насыпи выявлено беспорядочное скопление человеческих костей плохой сохранности, среди которых обнаружен оселок (рис. 2, 20).

Максимальная высота курганной насыпи диаметром 16 м составляет 1,2 м.

Погребальный инвентарь. Бронзовое зеркало диаметром 12,4 м на обратной стороне имеет выпуклый валик по краю шириной 1,6 см, выступающий на 0,6 см. Минимальная толщина

диска—0,2—0,3 см. В средней части — выпуклое утолщение толщиной 1,1 см. Прямоугольная в сечении ручка шириной 1,3 см и толщиной 0,7 см отломана (рис. 2, 17). Аналогичные зеркала являются частой находкой в курганах Центральных Кызылкумов и происходят из могильников Кулкудук, датированного III—II вв. до н. э. (10) и Джужкудук-2 (курган 1), где оно также отнесено к III—II вв. до н. э. (11).

В курганах, расположенных вдоль р. Зарафшана и обследованных О. В. Обельченко, подобный тип зеркал датирован II в. до н. э.—I в. н. э. (12, с. 48—50, рис. 16, 1—2). М. Г. Мошкова данный тип зеркал в памятниках прохоровской культуры относит к III—II вв. до н. э. (13, с. 41—43, табл. 28, 21).

Железный перстень со щитком овальной формы сильно коррозирован (рис. 2, 19). Его размеры в поперечниках равны 2,7 и 3,2 см. Железный перстень плохой сохранности известен из кургана 1 могильника Джужкудук-2 (11). Фрагмент железной серьги или перстня диаметром около 3,1 см не позволяет определенно отнести его к той или иной категории украшений. Железный предмет длиной 7,4 см имеет в сечении полуовальную форму. Расширяется к одному концу. Грани его вершины сходятся под тупым углом (рис. 2, 16).

К числу редко встречаемых предметов следует отнести изделие из рыбьего позвонка диаметром не менее 3,1 см. В центральной части просверлено отверстие (рис. 2, 18). Употребление рыбных позвонков в качестве бус зафиксировано в Папском могильнике V—VII вв. (14).

Водоносная фляга высотой 13 см и длиной 23,4 см имеет одну уплощенную боковую сторону. Диаметр венчика — 6,8 см, горловины — 4,8 см. Наружная поверхность покрыта беловатым ангобом (рис. 2, 21).

Среди погребального инвентаря только бронзовое зеркало относится к категории наиболее точно датированных. По этой причине мы датируем основное погребение кургана по этому зеркалу III—II вв. до н. э.

Во впускном захоронении найден оселок из темно-серого песчаника (рис. 2, 20), по которому датировать погребение не представляется возможным.

Расположение бус в северной части могильной ямы позволяет сделать предположение, что погребенная была ориентирована головой на север.

Одиночный курган Жанатобе расположен в 1,5 км к юго-востоку от поселка Кокпатас, около дороги в Бешбулак. Курганный насыпь диаметром 11,2—13,3 м и максимальной высотой 0,40—0,45 м сохранила явные следы ограбления в виде незначительного проседания центральной части. Именно здесь отмечено наибольшее количество камней небольших размеров.

Могильная яма (2,15×0,90—0,96 м) глубиной 1,45 м вырыта в сильно загипсованном песчанике и ориентирована по линии се-

веро-запад—юго-восток (азимут 345°) (рис. 1, 4). Кости сдвинуты в юго-западный угол могильной ямы. Первоначальное положение погребенного можно восстановить лишь предположительно. Только сосуды стоят *in situ* (рис. 2, 14—15).

Среди инвентаря отметим небольшие фрагменты железного меча, имеющего в сечении форму двояковыпуклой линзы, и неопределимого предмета из бронзы.

Кувшин высотой 23,5 см приземистых очертаний с асимметричным туловом, максимальный диаметр которого равен 23,8 см, стоял в юго-восточном углу могильной ямы (рис. 2, 14). Прямое дно диаметром 13,7—14 см. Края венчика отгибаются наружу и немного утолщаются к закраине. Диаметр горловины равен 6,7 см. На плечиках имеется выпуклый валик. Глиняное тесто приготовлено без видимых примесей.

Второй кувшин высотой около 16 см в нижней части сохранился очень плохо. Он имеет резко профилированный венчик диаметром 6,9 см. Прямое дно диаметром около 9 см. Максимальный диаметр тулова, находящийся на высоте 6 см, равен 14 см. На внешней поверхности венчика, плечиков и тулова местами сохранился черный ангоб. На плечиках имеется слабовыпуклый валик.

Близкие по форме сосуды из Еркургана (15, с. 44, рис. 22, 7) и Курганчи в Гузарском районе Кашкадарьинской области* относятся к III—II вв. до н. э. К сожалению, очень слабая изученность Бухарского оазиса этого времени не позволяет уточнить, характерны ли для III—II вв. до н. э. подобные сосуды.

По двум сосудам из погребения мы датировем его III—II вв. до н. э.

Одиночный курган Аскертобе расположен в 4—4,5 км юго-восточнее поселка Кокпатас по дороге в Бешбулак на небольшой возвышенности. Курганная насыпь диаметром около 14 м возвышается над уровнем прилегающей местности на 0,30—0,35 м.

Могильная яма (2,48×0,76 м) заглублена от уровня материковой поверхности на 0,98—1,05 м. Боковые стороны ямы обложены вертикально стоящими каменными плитами (0,98—1,02×0,18—0,38 м). Ось ямы ориентирована по линии северо-запад—юго-восток (азимут 339°) (рис. 1, 5). После совершения обряда погребения могильная яма была перекрыта горизонтально положенными плитами (0,96×0,24—0,40 м). На дне могильной ямы в беспорядке после ограбления разбросаны кости, среди которых найдены фрагменты железного меча и кинжала, костяных накладок на лук и фрагменты самого лука. За стенкой каменного ящика обнаружены фрагменты водоносной фляги (рис. 2, 22). Восстановить первоначальное положение погребенного не представляется возможным.

* Неопубликованные сведения М. Х. Исамиддинова.

Различная ширина костяных накладок на лук, равная 1,5—1,9 см и 1,8—1,9 см, свидетельствует, вероятно, о том, что они происходят с разных концов. Длина фрагментов равна 17,8 и 31 см. Фрагмент лука длиной около 40 см найден в северо-западной части могильной ямы.

По фрагментам меча, имеющего в разрезе форму двояковыпуклой линзы, невозможно определить, к какому типу он относится. По сохранившимся фрагментам инвентаря можно датировать данное захоронение также III—II, возможно, I в. до н. э.

Таким образом, рассмотренные погребения в курганах относятся примерно к одной исторической эпохе: III—I вв. до н. э. Слабая изученность могильников данного региона, а также незначительный сравнительный материал, привлекаемый в качестве аналогов, не позволяет нам конкретизировать предлагаемую дату.

Конструкция могильных ям, ориентация их продольной оси в курганной группе Казахаул и одиночном кургане Аскертобе одинаковы. Это позволяет предположить, что погребенный в кургане Аскертобе был ориентирован головой на северо-запад.

Особняком стоит курганная группа Телькетау, где погребенный был ориентирован головой почти на юг (азимут 195°). Ориентация могильных ям в курганах 2 и 3 близка направлению продольной оси в кургане 1. В других ранее обследованных курганах Централных Кызылкумов южная ориентация погребенных не засвидетельствована. Ориентация могильных грунтовых ям в одиночных курганах Кырккудук I (350°) и Жанатобе (345°) почти одинакова. Если наше предположение об ориентации погребенной в одиночном кургане Кырккудук головой на северо-запад не ошибочно, то можно считать, что и в кургане Жанатобе погребенный был ориентирован так же.

Дальнейшее накопление материала по погребальным обрядам и инвентарю, вероятно, позволит с получением краниологического материала решить вопрос об этническом составе племен Централных Кызылкумов и наметить этапы и направления перекочевок населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981.
2. Манылов Ю. П. Исследования в Кызылкумах//Археологические открытия 1985 г. М., 1987.
3. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
4. Обельченко О. В. Лявандакский могильник//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
5. Обельченко О. В. Мечи и кинжалы из курганов Согда//Советская археология. 1978. № 4.
6. Обельченко О. В. Куюмазарский могильник//Труды института истории и археологии АН УзССР. Вып. VIII. Ташкент, 1956.
7. Обельченко О. В. Погребение сарматского воина под Самаркандом//Советская археология. 1967. № 2.

8. Литвинский Б. А. Украшения из могильников западной Ферганы: М., 1973.
9. Лоховиц В. А., Хазанов А. М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Тузгыр//Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Т. XI. М., 1979.
10. Манылов Ю. П. Раскопки кулудукской курганной группы в Центральных Кызылкумах//ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1989.
11. Манылов Ю. П., Абдиримов Р. Курганы III—II вв. до н. э. в курганной группе Джужукдук-II в Центральных Кызылкумах//Археологи на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
12. Обельченко О. В. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника//КСИИМК. Вып. 91. М., 1962.
13. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры//САИ. Вып. Д1—10. М., 1963.
14. Матбабаев В. Научный отчет о работах Папского археологического отряда в 1988 г. Научный архив Института археологии АН УзССР.
15. Сулейманов Р. Х., Исамиддинов М. Х. Еркурган. Ташкент, 1984.

С. К. КАБАНОВ

РАСКОПКИ ЛЕССОВОЙ СТЕНЫ НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ

В северо-западной части городища Афрасиаб в рельефе выделяется ложбина* (1, с. 223), ограниченная с востока возвышенным плато с руинами соборной мечети IX—XIII вв., с других сторон — крепостными стенами. Однако с южной стороны в этих стенах есть сглаженный промежуток длиной около 60 м. Для того, чтобы выяснить причину его образования, в этом месте в 1975—1976 гг. велись раскопки, продолженные затем весной 1982 г.

Поверхность в промежутке между стенами ровная с небольшим углублением в западной части. Можно было бы предположить, как это сделал А. И. Тереножкин при посещении раскопа в 1976 г., что стены здесь рухнули, но в таком случае с севера и юга образовались бы заметные завалы, отсутствие которых было установлено в результате раскопочных работ. Были заложены два раскопа — с западной и восточной сторон промежутка между крепостными стенами с оставлением между ними останца шириной в 4,5 м для контроля.

В западном раскопе раскрыты обрывки стен построек последнего периода обживания городища в XII—XIII вв. На глубине 1,5 м был выявлен материковый лесс с почти вертикальным обрывом с северной стороны. Возле него был заложен шурф. В результате работ в нем установлено, что высота обрыва — 3,2 м, ниже материковый лесс. Далее обрыв был прослежен по гребню

* Ложбина находится западнее раскопа 26 (соборная мечеть). По общей нумерации раскопок на Афрасиабе наш раскоп — 28. На план он не нанесен, но его место отчетливо выделено горизонталями южнее прямоугольника ложбины.

в пределах раскопа как к западу, так и к востоку от шурфа, не затрагивая средневековых стен. Выяснилось, что обнаружена поверхность стены, вырубленной в материковом лессе. Эта стена затем была выявлена и в восточном раскопе.

Материалы западного раскопа представлены преимущественно фрагментами керамики XII—XIII вв., встречаются и более древние. Почти целым найден сосуд в виде пиалы (рис. 1, 1) с прямыми, круто расширяющимися кверху стенками. Внутренняя поверхность покрыта тусклой белой поливой, частично отслоившейся.

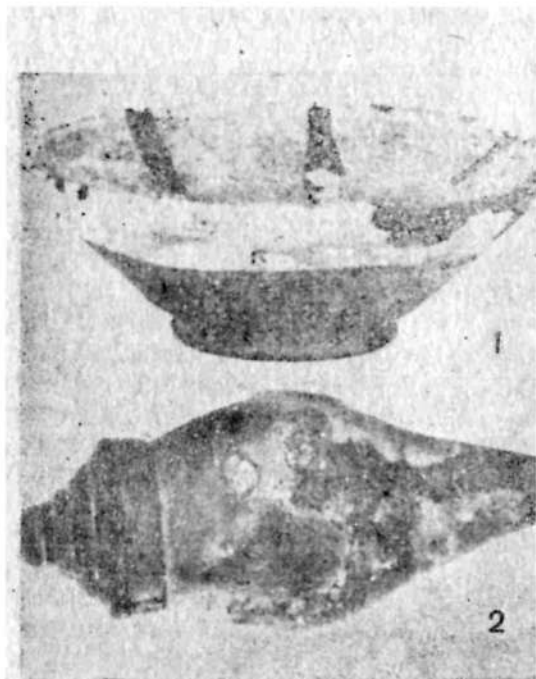

Рис. 1. 1 — сосуд типа пиалы; 2 — сфероконический сосуд.

Рис. 2. 1 — железный наконечник копья (?); 2 — бронзовый наконечник стрелы.

ся, с небрежными полосками, выполненными красной краской, от краев к доньшку. Снаружи покрыт поливой только верхний ободок сосуда. Высота его 5,1 см, диаметр устья 14,5 см. Найден сфероконический сосуд, сильно удлинённый, со ступенчатым обрамлением устья (рис. 1, 2). В верхнем слое обнаружен предмет из железа, который можно определить как острие копья — черешковое трехлопастное длиной 10 см (рис. 2, 1).

На глубине 30 см был раскрыт на месте предмет культа — частично сохранившийся очажок (рис. 3). Он был установлен на суфе высотой 35 см (95×95 см), на ее северном крае, и лицевой частью обращен к югу. Перед ним — пятно обожженной земли.

Очажок из хорошо обожженной глины покрыт серым ангобом. Хотя он собран из фрагментов — причем, не все они найдены —

тем не менее форма и размеры его восстанавливаются полностью. Высота очажка — 23 см, ширина по лицевой части — 38 см, толщина стенок — 1,3—2 см. В плане очажок представляет собой незамкнутую окружность, концы которой отогнуты в стороны в виде плоских плиток. Вся лицевая поверхность очажка покрыта орнаментом. Можно различить применение пяти матриц. «Богато орнаментированные очажки как бы служили символом благополучия дома и семьи, прочности семейных устоев и домашнего благополучия» (2, с. 231).

Восточная часть раскопа, как уже отмечалось, была отделена контрольной полосой от западной. В восточном его конце, под

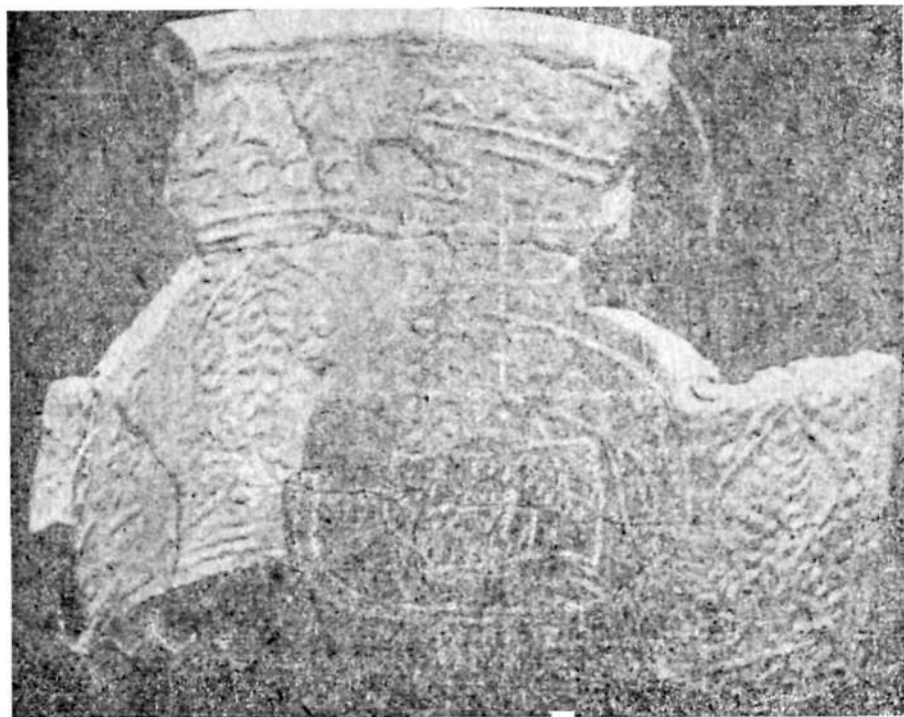

Рис. 3. Очажок.

склоном обнаружено два колодца, устья которых были обложены жженым кирпичом (рис. 4). Южнее раскрыта часть фундамента каркасного здания из кусков жженого кирпича, поверх которого положена деревянная балка (полусгнившая). Почти на всем протяжении восточной части раскопа, на глубине до 75 см, под рыхлым завалом с фрагментами поливной керамики была обнаружена плотная спрессованная пыль, наличие которой свидетельствует о том, что здесь, видимо, проходила дорога. Под этой пылью на глубине 20—25 см обнаружено продолжение лессовой стены и открыт ее поворот к северу. В направлении на север поверхность лессовой стены раскрыта на отрезке длиной 2,9 м.

В конце его раскрыт колодец (см. план, рис. 4) диаметром 0,9 м.

Расширять раскоп к северу не было возможности. Надо было углублять его на относительно небольшой площадке возле угла лессовой стены. Длина глубинной части раскопа в направлении с востока на запад — 5,2 м, наибольшая ширина — 2,9 м. Очертания глубинной части с северной стороны были неровными, здесь выявлен очень плотный грунт, возможно, кладка. Начиная с III яруса (рис. 4, 2—3) от репера, грунт, прилегающий к лессо-

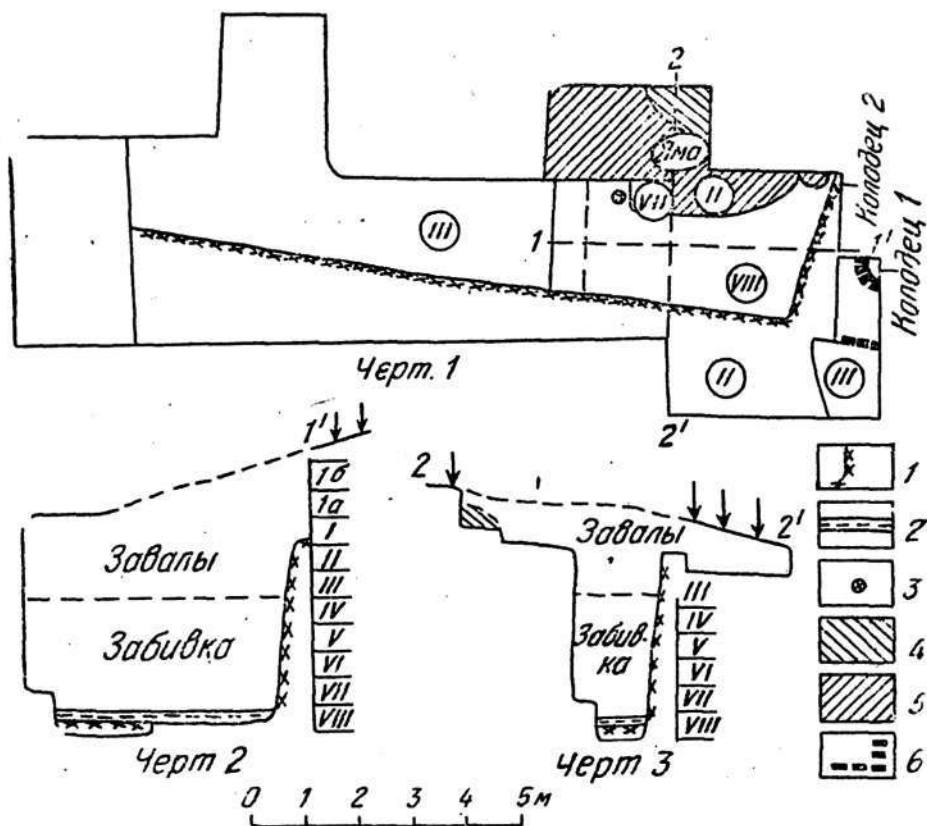

Рис. 4. План и разрезы восточной части раскопа 28. Условные обозначения:

1 — край лессовой стены; 2 — пол у лессовой стены (ниже — материковый лесс); 3 — место находки бронзового наконечника стрелы; 4 — глинобитные стены; 5 — пахсовые кладки и запилы; 6 — кладки из жженого кирпича. В кружках на плане указаны ярусы — глубина раскопа.

вой стене, очень плотный. В нем встречаются угольки и вкрапления обожженной земли, а также обломки посуды. Этот грунт можно определить как забивку.

Пол лессовой стены был раскрыт на глубине 4,5 м от поверхности (в начале восьмого яруса от репера). Он прикрыт относи-

тельно рыхлым слоем с примесью золы и органических остатков, толщина его — 5—10 см.

Примерно половина вскрытой площадки пола была углублена еще на 20 см — до материкового лесса и, как оказалось, очень удачно: был найден бронзовый черешковый трехлопастный накол стрелы (рис. 2, 2). Длина его 3,8 см. Опущенные жалца дают основание датировать эту находку VI—V вв. до н. э. (3, с. 47). Принимая во внимание место находки, можно датировать и лессовую стену — она была вырублена в указанное время, если не раньше.

Наибольшая высота сохранившейся части лессовой стены с восточной стороны — 3,40 м. Отклонение ее верхнего среза от вертикали, восстановленной от основания — 23 см. Южная сторона стены сохранилась в высоту на 3,10 м. Отклонение ее верхнего среза от основания — 25 см. Угол стены был расчищен полностью.

Время прекращения функционирования стены как оборонительного сооружения определяется керамикой, найденной в прилегающей к ней забивке. Хотя грунт по плотности и составу однородный, отдельные фрагменты керамики найдены в нижней части забивки, на высоте до одного метра от пола (VII—VI ярусы), и в верхней части забивки (V—IV ярусы), почти до ее поверхности, прилегающей к средневековым отложениям.

В нижней части забивки к наиболее древним находкам относятся три фрагмента кубков — ножки и нижняя часть корпуса. В ножках — глубокие фигурные вырезы (рис. 5, 1—2): данный признак, характерный для сосудов этого вида, в сочетании с другим признаком — плотным красным ангобом — дает основание датировать фрагменты III—I вв. до н. э. (4, с. 230, рис. 3; 5, с. 54, рис. 12). Нижняя часть корпуса (рис. 5, 3) — слабо обожженная, покрытая коричневым ангобом, частично отслоившимся, — видимо, относится к первым векам н. э., когда качество изготовления керамических изделий было несколько ниже. К первым векам до н. э. относится блюдо с загнутым внутрь краем устья (рис. 5, 4) (5, рис. 12), к гораздо более позднему времени — ножка вазы III—IV вв. с глубоким выемом (рис. 5, 6), покрытая плотным красным ангобом (5, с. 70, рис. 15). Выявлено несколько фрагментов кувшинов (рис. 5, 7—10). Один из них поверх серого ангоба покрыт потеками черной краски, что также относит его к III—IV вв.

Фрагменты сосудов типа кринок имеют подтреугольный в сечении венчик (рис. 5, 12—13) и плотный серый ангоб. Характерен сосуд с пластинчатым вертикальным венчиком (рис. 5, 14), покрытый серым ангобом с потеками коричневого цвета. Под венчиком этого сосуда до обжига сделано круглое углубление. На верхних поверхностях некоторых сосудов нанесены ложбинки (рис. 5, 15—16). Донышки сосудов малохарактерны (рис. 5, 5, 11). Найдены сосуды типа подносов с широким днищем и невы-

соким бортиком (рис. 5, 17—19). Два из них круглые, станковой работы; один — лепной, с прямой стенкой, видимо, был прямоугольным. Обнаружено только два фрагмента хумов — венчик и днище (рис. 5, 20—21). Днище плоское, со следами подсыпки песком.

Несколько неожиданным в данном комплексе были находки фрагментов котлов станковой работы (рис. 5, 22—23). Характер-

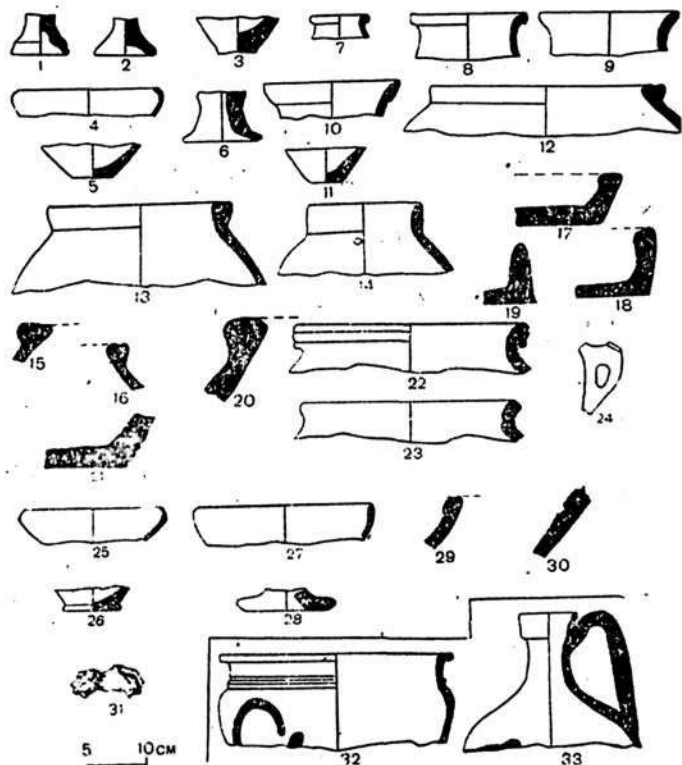

Рис. 5. Керамика:

1—31 — из забивки возле лессовой стены; 32—33 — из стенки колодца 2.

на ручка жаростойкого сосуда с круглым налепом наверху. Котлы станковой работы, как и ручки сосудов с налепом на вершине, известны с V в. н. э. (6, с. 66—68).

Найдено зооморфное изображение, видимо, коня, покрытое коричневым ангобом, характерным для первых веков н. э. (рис. 7, 31).

Обнаружено только одно изделие из камня — шаровидная терка с двумя уплощенными сторонами. Диаметр ее 7 см.

Керамики в верхней части забивки было относительно мало. Из древнейших керамических форм здесь найдены фрагменты со-

судов типа блюдец (рис. 5, 25—26), покрытые плотным красным ангобом. Такие же сосуды найдены и в нижней части забивки. Выявлен и фрагмент вазы (рис. 5, 28) III—IV вв., покрытый плотным красным ангобом. Другой сосуд типа чаши или вазы (рис. 5, 27) — с закругленным бортиком, из светло-желтой глины без ангоба. Отметим и сосуды типа хумчи с уплощенным венчиком (рис. 5, 29—30), а также находку двух фрагментов жженого кирпича из плохо promешанной и обожженной глины с примесью толченой керамики.

Керамика, найденная в забивке, прилегающей к лессовой стене, сильно перемешана, как часто бывает на многослойных городищах. Датировка забивки определяется по наиболее поздним фрагментам. Ими являются вазы III—IV вв. и жаростойкие сосуды станковой работы, которые известны и в памятниках V—VI вв., но, может быть, датировку этих изделий можно углубить до IV в. н. э. Забивка лессовой стены произведена, вероятно, в IV—V вв.

Керамика, обнаруженная в завалах поверх забивки, сильно перемешана. Отметим два фрагмента, найденных не в завалах, а извлеченных из стенки колодца 2, на глубине 1,5 м от поверхности склона, под которым открыта восточная поверхность лессовой стены. Один из фрагментов — верхняя часть сосуда с широким устьем, обрамленным слегка отогнутым венчиком и плавно изогнутым корпусом в виде скобы (рис. 7, 32). Под венчиком — две круговые ложбинки. Глина красная, ангоб беловатый, на нем мазок красной краской в виде незамкнутой окружности. Второй фрагмент — верхняя часть кувшинчика с узкой горловиной, завершающейся венчиком в виде широкой накладки вокруг устья сосуда. Пластинчатая ручка верхним концом прикреплена к венчику, нижним — к расширенной части корпуса (рис. 5, 33). Глина зернистая, видимо, плохо promешана, ангоб красноватый, на нем мазок красной краской, такой же, как на первом сосуде. Из стенки верхней части колодца извлечено и несколько других фрагментов с мазками красной краской.

Этот признак — ленточные мазки красной краской — очень характерный. Сосуды с таким украшением А. И. Тереножкин датирует в широких хронологических пределах — I—IV вв. (7, с. 160). Учитывая, что в прилегающих наслоениях преобладают материалы III—IV вв., к этому же времени можно отнести и рассмотренные два фрагмента сосудов с ленточным орнаментом.

Участок городища, который в настоящее время является склоном, в III—IV вв. интенсивно обживался, о чем свидетельствует наличие двух колодцев, расположенных поблизости.

Итак, с восточной стороны в лессовой стене выявлен угол поворота ее к северу. С западной стороны раскопки не привели к столь определенному результату. Среди плотных пахсовых отложений намечается поворот ее поверхности к югу, но для того, чтобы установить это с определенностью, необходимо было рас-

ширить раскоп в этом направлении. В этом месте, вероятно, следует искать ворота в древний город.

В результате раскопок лессовой стены она прослежена с востока на запад на протяжении 45,5 м. Судя по находке бронзового наконечника стрелы VI—V вв. н. э. в грунте, прикрывающем пол, лессовая стена как фортификационное сооружение использовалась в середине первого тысячелетия до н. э., основание же ее, т. е. обработка лессового обрыва, могло быть произведено и в гораздо более раннее время.

Установлено, что забивка, прикрывшая поверхность стены, произведена в IV—V вв. Лессовая стена в это время стала уже не нужной, поскольку были возведены или возводились другие стены, охватывающие более обширные территории развивающегося города, вступающего в эпоху средневековья.

Ответ на вопрос о том, является ли эта стена отдельным фортификационным сооружением или частью той стены, которую В. Л. Вяткин определил как стену первоначального поселения на Афрасиабе (8, с. 6—7), можно получить в результате крупных раскопок.

Итак, на Афрасиабе впервые обследована стена, вытесанная в природном лессе, на его обрыве. Выявление такого своеобразного сооружения — важный новый факт в изучении фортификации города. Древние жители использовали естественные неровности для усиления оборонительных сооружений и строили крепостные стены преимущественно на возвышенностях. Но в данном месте была не возвышенность, а лессовый обрыв — он и был использован для обороны древнего города. Вытесывание ровной поверхности, почти вертикальной, на большой площади, конечно, требовало большого опыта: это был особый вид инженерного искусства.

В глубокой древности природные условия шире использовались для обеспечения безопасности поселения, чем в более позднее время. Примером тому и может служить лессовая стена, открытая на городище Афрасиаб. Приведем и другой пример использования лессового обрыва для целей обороны. В Шурчинском районе Сурхандарьинской области на городище Кызылтепе «первоначальной оборонительной линией служил вал высотой 1,5—2 м, вырубленный в лессе. По внешнему фасу он имеет крутой склон и ступенями спускается к городской территории». Затем следуют дополнительные пристройки и надстройки. «Стена возведена в VIII в. до н. э. и утратила свои функции в V в. до н. э.» (9, с. 565).

Выявленная на Афрасиабе лессовая стена перестала выполнять свое назначение, вероятнее всего, в IV—V вв. н. э. В середине первого тысячелетия до н. э. стена еще использовалась, но когда она была вырублена в лессовом обрыве — остается неизвестным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.
2. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Самаркандские очажки//Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972.
3. К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
4. Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.
5. Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. 2. Ташкент.
6. Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. Ташкент, 1981.
7. Тереножкин А. И. Согд и Чач//Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. XXXIII. М.—Л., 1950.
8. Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Самарканд, 1927.
9. Хакимов З. А., Сагдуллаев А. С. О работе Миршадинского отряда//Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

А. Э. БЕРДИМУРАДОВ, М. К. САМИБАЕВ

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ХРАМА НА ДЖАРТЕПА II

Ургутский археологический отряд Института археологии АН Узбекистана в полевых сезонах 1986—1988 гг. провел раскопки на памятнике Джартепа II, расположенном на территории кишлака Джартепа, колхоз им. К. Маркса Ургутского района, на левом берегу р. Зарафшан (1, с. 493).

Впервые этот памятник обследован Г. В. Григорьевым в 1940 г. (2). В то время центральная часть памятника имела овальную форму с понижением холма в южную сторону, размерами 60×74 м, высота в северной части более 7 м. Общие размеры памятника составляли 140—180 м (3, р. 69). «...С западной стороны на уровне современного горизонта выкопана пещера глубиной 14 м. Шесть метров она идет в глинисто-галечном оплыве, а затем прорезает стену из сырцового кирпича размерами 52×25×9 см. Дальше идет пахса, а на десятом метре опять кирпичная стена толщиной около 1,5 м. Затем завал из комьев глины. Здесь, по словам рывшего пещеру, ...было много обгорелых бревен. На лево уходит проход шириной в 1 м 0,5 см с гладкой отштукатуренной стеной» (2, с. 18—19).

К началу раскопочных работ центральная часть памятника незначительно пострадала от освоения под сельхозработы и строительство.

В результате раскопок полностью вскрыты строения верхнего строительного периода, включающие 11 помещений, вестибюль, зал и обводной коридор. На некоторых участках раскопа мы производили шурфовки. Как выяснилось, здание верхнего строительного периода было построено на руинах ранее существовавшего. На

с nivelированной площадке были построены помещения с повторным использованием стен нижних периодов. Новые стены возведены из пахсовых блоков, местами использован сырцовый кирпич (50—52×24—25×8—9 см).

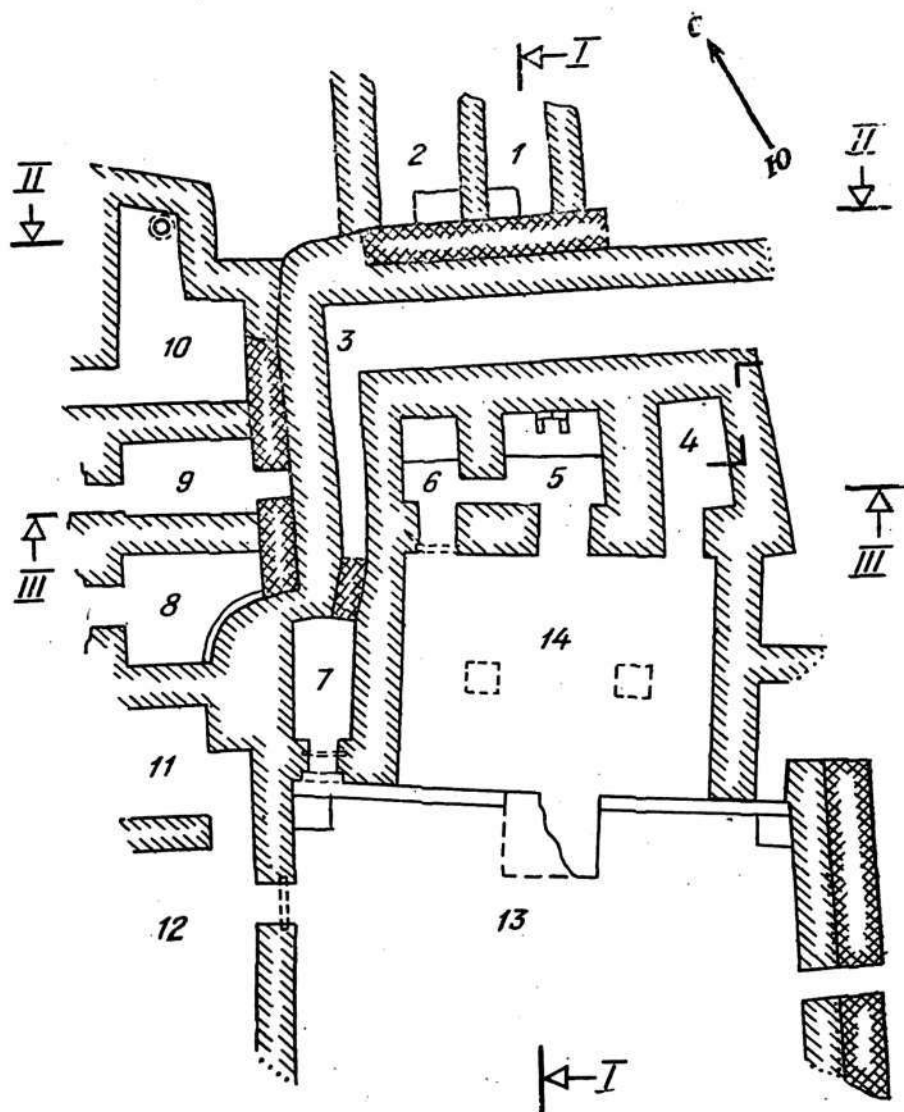

Рис. 1. Общий план раскопа.

Центральный комплекс состоит из трех помещений (№ 4, 5, 6), с южной стороны к ним пристроен зал с двумя колоннами, открытый в южную сторону. Все эти помещения обведены коридором и стоят на невысокой платформе. Вестибюль (пом. № 13) соеди-

нен с платформой нешироким пандусом. За пределами обводного коридора сохранилось несколько помещений (№ 1, 2, 8—12) (рис. 1).

Так как помещение № 5 расположено по оси памятника, является центром всего архитектурного комплекса и обладает особым убранством, мы назвали его целлой. Оно имеет почти квадратную форму (3,44×3,34 м). На поверхности всех стен имеются косые насечки для лучшего сцепления с обмазкой. В помещении — два прохода. Центральный проход расположен в южной части помещения и соединен с залом. Ширина его 1,70 м, длина проема 1,75 м. Второй проход расположен в юго-западном углу помещения и ведет в помещение № 6, расположенное к западу от целлы. Ширина 85 см, высота 1,60 м. В нем сохранилось арочное перекрытие, выложенное из сырцового кирпича.

Вдоль северной стены пристроена суфа-подиум шириной 1,58 м, высотой 40 см. В центре суфы сохранился алтарь (100×75×20 см), выложенный из сырцового кирпича. С внутренней стороны он имеет следы закопченности. Известно, что суфы использовались как скамьи для сидения, так и в качестве лежанки. Но здесь эти варианты исключаются по двум причинам: во-первых, в связи с наличием алтаря; во-вторых, бордюр этой суфы расписан. Поэтому, на наш взгляд, было бы правильно называть ее подиумом.

В верхней части заполнения внутри помещения выявлены фрагменты пахсы и сырцового кирпича вперемешку с истлевшими остатками древесины. Ниже до самого пола прослеживаются наteki. На полу и на поверхности подиума найдены мелкие фрагменты росписи. Пол помещения представляет собой плотный утрамбованный лесс и имеет светло-желтый цвет.

На поверхности стен помещения сохранились фрагменты росписи. Имеются читаемые сюжеты росписи на стенах южного прохода помещения.

Живопись представляет собой клеевую роспись на лессовой основе. На западной стене прохода роспись сохранилась на высоту 77—87 см. На фрагментах читаются изображения ног трех фигур, а также подол кафтана, ниже — бордюр шириной 28 см. В центре композиции находился человек, обутый в мягкие черные сапоги. От его изображения сохранились лишь два сапога и подол кафтана. Носки сапог повернуты в стороны. По обе стороны от главного персонажа были расположены еще две фигуры. От их изображений осталось лишь по одному черному сапогу, размеры которых почти в два раза меньше, чем у центральной фигуры. Четко прослеживаются черные линии, оконтуривающие изгибы ступни. На росписи сохранились также белые и розовые пятна. Рассмотреть еще какие-либо детали фигур не представляется возможным из-за плохой сохранности росписи. Общий фон росписи был красным. Под живописью проходит бордюр, отделенный от сюжетной части неширокой полосой с рядами белых перлов на

черном фоне. Орнамент бордюра — геометрический. Ниже ряда черных треугольников нарисованы ромбы, расположение которых образует декоративную кладку из кирпичей, повернутых к зрителю углом (6, табл. VII). Ромбы, окрашенные в серо-голубой цвет, отделены друг от друга полосками розового цвета шириной 1,5 см.

Росписью была покрыта и восточная стена прохода, где сохранность красочного слоя находится в худшем состоянии. Композиция почти не читается. Сохранилась часть росписи площадью 75×180 см. В центре композиции также находилась фигура человека в черных сапогах. Однако от ее изображения осталась лишь часть сапог. Ноги фигуры расставлены в стороны. Трудно сказать о фоне росписи. Здесь в равной степени видны остатки розовой и голубой красок в виде бесформенных пятен. Под росписью находится бордюр, сохранившийся в высоту на 21 см. Рисунок аналогичен рисунку бордюра на противоположной стене.

Остатки фрагментов росписи — часть бордюра — сохранились и в юго-восточном углу целлы. Размеры одного фрагмента 58×47 см, второго — 60×62 см. В верхней части бордюра проходит черная полоса с белыми кружками перлов, под ней — неширокая красная линия. Ниже — широкая лента с геометрическим орнаментом типа «кирпичная кладка». Ромбы отделены друг от друга красными линиями. Под лентой опять проходит черная полоса с белыми перлами, затем красная линия. Еще ниже — поверхность с белым ганчевым грунтом. Как и на других фрагментах живописи, красочный слой здесь очень плохой сохранности.

На стенке алтаря и бордюре подиума роспись сохранилась плохо — в виде бесформенных пятен на ганчевом грунте.

Аналогичные композиционные сюжеты мы находим в росписях храма II в Пенджикенте. В боковых стенках ниши в северной капелле представлено несколько стоящих фигур — три с одной стороны и четыре с другой. В глубине ниши находилось изображение четверорукой богини, сидящей на спине фантастического животного (5, с. 77). Похожая композиция имела и в главном зале этого храма (6, табл. XVII), где на пилонах у входа в целлу изображены фигуры мужчин. На пристенках в обоих случаях помещены по три стоящие фигуры, из которых ближайшая к божееству гораздо меньше остальных. Росписи датируются VI в. (5, с. 78). Эти фигуры определены исследователями как донаторы, поклоняющиеся божееству, расположенному в центре композиции (5, с. 78). На росписи главного зала храма II в Пенджикенте видно, что в руках одного из персонажей имеется жертвенник. Более поздние композиции такого рода широко представлены в культовых сценах в парадных залах домов Пенджикента.

Полный сюжет росписи в описываемом помещении сложно воссоздать по сохранившимся фрагментам. Опираясь на вышеизложенные аналогии, можно предположить, что на стенах прохода помещения изображены донаторы, поклоняющиеся боже-

ву, изображение которого, вероятно, располагалось напротив входа в северной стене помещения. Согласно другой версии, донаторы поклоняются огню, находящемуся на подиуме, и одновременно божеству, которое олицетворяется огнем. Характерным отличием от вышеназванных примеров является то, что в центральном помещении целлы в Джартепе II сюжеты с донаторами расположены в проходе. Кроме того, росписи на стенках алтаря пока не имеют аналогов в раннесредневековой культовой архитектуре Средней Азии.

Сюжеты росписи и наличие алтаря оправдывают наименование помещения № 5 — целла. Последняя открыта в зал как ниша, не имея двери в проходе.

Помещение № 6 расположено к западу от целлы. Их соединяет арочный проход, который мы описывали выше. Это помещение имеет прямоугольную форму (3×2,05 м). Поверхности стен тщательно оштукатурены, местами имеют невыразительные фрагменты росписи. В южной части расположен второй проход, который ведет в зал. Ширина прохода 1,30 м, длина проема 1,75 м. В южном конце прохода на уровне пола расположены отверстия для деревянного порога, диаметром 17 см. Здесь же сохранились отпечатки косяка дверной коробки. Высота отпечатка 2,1 м. В этом помещении тоже имеется суфа-подиум шириной 1,58 м, высотой 40 см, являющаяся как бы продолжением подиума в целле.

Стратиграфия заполнения в этом помещении в отличие от целлы характеризуется тем, что здесь над полом прослеживается прослойка органических остатков коричневого цвета. На полу помещения у южного прохода и за пределами помещения в зале было найдено много керамики хозяйственно-бытового назначения. Стена в юго-восточном углу сильно прокалена, здесь же на полу обнаружены зола и мелкие фрагменты костей животных. Наличие всего этого показывает, что данное помещение имело два периода жизни. Небрежное использование помещения нельзя считать первоначальным, поскольку на стенах есть следы живописи. Если на первом этапе функционально оно служило как дополнительное помещение при проведении религиозных ритуалов в целле, то на втором этапе — как жилое.

К востоку от целлы расположено четырехугольное помещение № 4 (3,50×2,32 м). Стены тщательно оштукатурены. В южной части помещения расположен проход, ведущий в зал, шириной 1,40 м, длина проема 2 м. Заполнение помещения состоит из натеков лесса над полом. Пол из утрамбованного лесса имеет светло-коричневый цвет. Керамические или какие-либо другие находки в этом помещении отсутствуют. Оно, как и целла, не имело дверей в проходе и открыто в зал, т. е. было дополнительным помещением к целле. Если все это суммировать, то целла имела два дополнительных боковых помещения (или представляла собой тройную целлу).

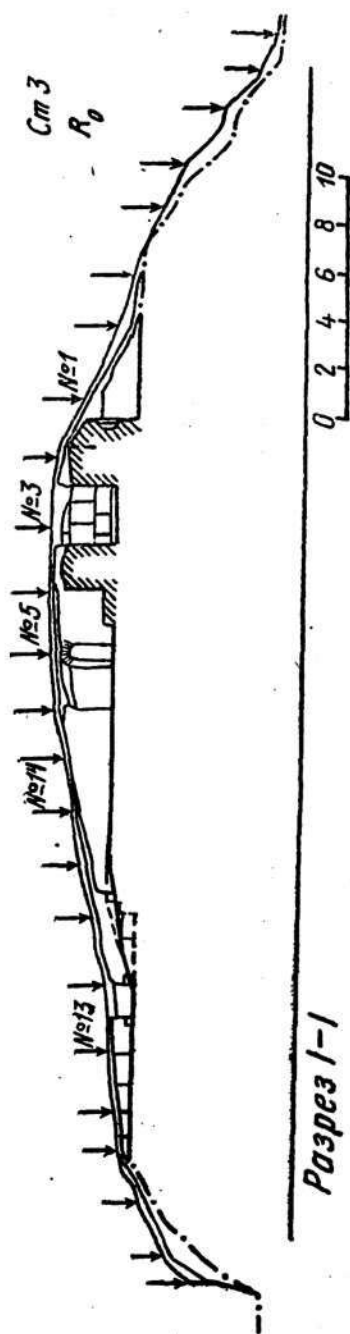

Рис. 2. Разрез по линии I—I.

Все описанные помещения связаны с залом ($10,3 \times 7,30$ м) (рис. 2). Последний с южной стороны открыт и ограничен краем платформы. Южнее пол ниже. По оси север-юг с незначительным отклонением имеется пандус шириной 1,70 м, длиной 2,50 м, высотой 1,14 м. В южном конце пандуса на полу вестибюля прослеживается галечный настил длиной 0,52 м. Стены зала тщательно оштукатурены, имеют косые насечки для лучшего сцепления со штукатуркой, были покрыты живописью. На северной стене между двумя проходами в целлу и западное помещение сохранились следы росписи.

В верхней части заполнения зала прослеживается слой из фрагментов пахсы, сырцового кирпича, истлевшего дерева. Ниже лежит толстый слой натека. Над полом местами наблюдаются органические остатки. У прохода из зала в помещение № 6 на полу обнаружена керамика времени позднейшего обживания. У восточной стены над полом найдено семь небольших фрагментов росписи. Здесь красочный слой сохранился лучше, чем на стене, по-видимому, вследствие большей защищенности от влаги, распространявшейся главным образом по поверхности стен, а также, может быть, потому, что упавшие куски были засыпаны лессом завала. На фрагментах сохранились изображения части круга перлов, характерных для узоров одежды. Можно говорить о том, что роспись зала была сюжетной, однако она почти полностью разрушена и воссоздать что-либо совершенно невозможно.

В южной части зала на полу прослеживаются следы двух баз колонн, размерами приблизительно 1×1 м.

Как указывалось выше, весь комплекс, т. е. зал и целла с боковыми помещениями, окружен обводным ко-

ридором, состоящим из нескольких коридоров, из которых сохранились западный, северный и частично восточный.

Западный коридор ориентирован по линии север—юг. Длина его 8,70 м, ширина понизу 1 м. Верхняя часть стены, размытая атмосферными осадками, имеет неровную поверхность. Она переходит в свод, который прослеживался на всем протяжении коридора. От свода сохранилась только пята, высота от пола до пяты 1,80 м. Свод был сложен из сырцового кирпича. Южный конец этой части коридора расширяется и имеет четырехугольный план (4,50×2 м). Проход из коридора в эту часть заложен кирпичной кладкой, которая начинается на высоте 0,42 м от уровня пола. На этой же высоте расположен второй пол западного коридора. Западная стена коридора состоит из двух частей: пахсовая имеет толщину 1,50 м; с внешней стороны расположена стена из сырцового кирпича нижнего строительного периода, толщиной 1,20 м. Южный конец коридора имеет проход шириной 1,10 м, длина проема 1,30 м. В проходе были двойные двери, от которых сохранились четыре отверстия от порогов, причем в южном конце имеются уступы от створок дверей. Диаметр северных отверстий 0,20 м, глубина 24 см. Южные отверстия имеют диаметр 0,17 м, глубина 0,21 м. В верхней части заполнения западного коридора прослеживаются фрагменты сырцового кирпича, ниже до уровня второго пола отмечается натека. Такая же картина наблюдается между полами. Над вторым полом — лесс вперемешку с керамикой, костями животных, органическими остатками и золой. По-видимому, на втором этапе эта часть коридора функционировала как жилое помещение.

Северная часть обводного коридора сохранилась в длину на 13,8 м, ширина 2,40 м. Она состоит из двух частей: толщина пахсовой 1,35 м, кирпичной 1,40 м. Здесь, как и в западной части коридора, имеется два пола; второй пол расположен на высоте 40 см от основного. Заполнение северного коридора состоит из фрагментов пахсы и сырцового кирпича в верхней части. Ниже наблюдается мощный слой натека, еще ниже, над вторым полом, прослеживается темно-коричневая полоса с золой, керамикой и органическими остатками. Между полами заполнение состоит из натека. В юго-восточной части коридора на уровне второго пола сохранились следы очага.

В связи с понижением холма в восточной части от расположенного здесь коридора сохранился южный конец. Западная стена коридора имеет длину 3,40 м, северная 1,25 м, южная 2,50 м, восточная не сохранилась. Здесь, по всей видимости, коридор тоже расширялся, как в южном конце западного коридора. Проход коридора расположен в южной части. Ширина его 1 м, длина проема 1,50 м.

В южной части холма находится вестибюль, который играл роль распределителя всего архитектурного комплекса. Как было отмечено, из этого вестибюля можно было попасть в зал и обвод-

ной коридор. Кроме того, два прохода ведут отсюда в помещения за пределами обводного коридора. Вестибюль расположен перпендикулярно центральной оси, ориентирован по оси восток—запад. Длина его 16,75 м. Стены вестибюля сохранились не полностью. В связи с понижением холма южная часть помещения отсутствует. Трудно судить о наличии в этой части вестибюля стен, но можно с уверенностью сказать, что здесь был основной вход здания. Пол вестибюля расположен ниже пола зала на 1,40 м. Так как уровень пола проходов, ведущих в обводной коридор, находится на одном уровне с залом, соответственно, со стороны вестибюля имеются лестницы. Они пристроены к северным углам вестибюля и сделаны из сырцового кирпича. Обе лестницы ориентированы по оси север—юг. Северо-восточная лестница имеет длину 1,70 м, ширину 1,22 м, сохранилась одна ступенька. Северо-западная лестница имеет длину 1,73 м, ширину 1,35 м, сохранилась тоже только одна ступенька. Полы проходов, ведущих в периферийные помещения, расположены на одном уровне с полом вестибюля. Ширина западного прохода 1,20 м, длина проема 1,30 м. В восточном конце этого прохода сохранились отверстия от порога, диаметром 17 см. Ширина восточного прохода 1,30 м, ширина проема 2,80 м.

Между пандусом и северо-восточной лестницей на полу была обнаружена мусорная свалка из керамики, металлических изделий, костей животных и органических остатков.

За пределами обводного коридора с западной и северной сторон расположено еще несколько помещений. Входные проемы западной группы помещений обращены на запад. В северных помещениях входные проемы не сохранились, по всей видимости, они были расположены в их северной части. Можно предположить, что памятник имел еще один обводной коридор по периметру, в который можно было попасть через восточный и западный проходы вестибюля. Восточные помещения за пределами обводного коридора (если они существовали) не сохранились.

Ближайшим к западному проходу является помещение № 12, в котором частично сохранились лишь северная и восточная стены. Северная стена прослеживается на расстоянии 2,65 м. На восточном конце этой стены, т. е. в северо-восточном углу помещения находится проход шириной 1,10 м. На южном конце восточной стены имеется след очага.

Этот проход ведет в помещение № 11, расположенное к северу от помещения № 12. Форма его прямоугольная (4,20×3,65 м), в северо-восточной части имеется прямоугольный выступ.

Помещение № 8 расположено к северу от комнаты № 11, имеет прямоугольную форму (4,40×3,95 м), ориентировано по оси восток—запад. Южная и северная стены пристроены к западной стене. В последней сохранился проход высотой 1,53 м, шириной 1,15 м. Верхняя часть прохода имеет арочное перекрытие, длина проема 1 м. По всей видимости, этот проход функционировал в

нижних строительных периодах. Посередине западной стены помещения имеется вход шириной 1,15 м, толщина этой стены не устанавливается.

Дальше к северу расположено помещение № 9. Оно тоже имеет прямоугольную форму (4,40×2,60 м) и ориентировано по оси восток—запад. Здесь, как и в помещении № 8, северная и южная стены также пристроены к восточной стене. В последней сохранился проход, использовавшийся в нижних строительных периодах. Внутри он упирается в паховую стену обводного коридора, которая пристроена к этой стене с восточной стороны. Проход расположен по основной оси помещения, имеет высоту 2 м, ширину 1 м, длина проема до паховой стены 1,33 м. Верх прохода заканчивается арочным перекрытием. В юго-западном углу помещения расположен проход 1,2 м. Толщина западной стены не устанавливается.

Помещение № 10, расположенное к северу от комнаты № 9, имеет вытянутую форму (4,30×3,73 м). Проход находится в юго-западном углу, ширина 1,34 м.

В северной части памятника, за пределами обводного коридора расположено два помещения. Северные стены их не сохранились. Южная — это стена нижнего строительного периода, сложенная из сырцового кирпича. Остальные стены пристроены к ней.

В юго-восточном углу помещения № 2 (4,08×3,28 м) сохранилась невысокая суфа (1,42×0,90×0,21 м) из сырцового кирпича. К востоку от него расположено помещение № 1 (3,80×2,10 м). В середине южной стены на высоте 0,63 м от уровня пола расположена ниша высотой 33 см, шириной 1 м и глубиной 0,45 м. Нижняя часть ниши плоская, переходящая в сводчатый верх. В этой нише было обнаружено несколько фрагментов керамики.

Анализ керамических материалов поможет при определении хронологии раскопанного здания.

Кружки представлены четырьмя экземплярами (рис. 3, 1—4). Первые две имеют округлое тулово с выделенным, слегка расширяющимся венчиком. У первой кружки тулово отделено от горла небольшим выступом, а у второй — просто прочерчена линия. Оба экземпляра имеют пластинчатую кольцевидную ручку, прикрепленную в месте соединения корпуса и горла. У двух других кружек (рис. 3, 3—4) цилиндрическое, слегка расширяющееся вверх тулово. В нижней части корпуса стенки образуют уступ наружу и, плавно изгибаясь, переходят в опрокинутый усеченный конус. Ручка сохранилась только у одного экземпляра. Она имеет кольцевидную форму, в сечении пластинчатая, нижний ее конец прикреплен к стенке.

Кружки с характерными признаками выявлены в слоях VIII в. в Согде (7, с. 177—201, табл. 2, 6 а) и Семиречье (8, с. 146—148, р. 2).

Два венчика принадлежат водоносным кувшинам (рис. 3, 5—6), формы которых начали распространяться в Согде со вто-

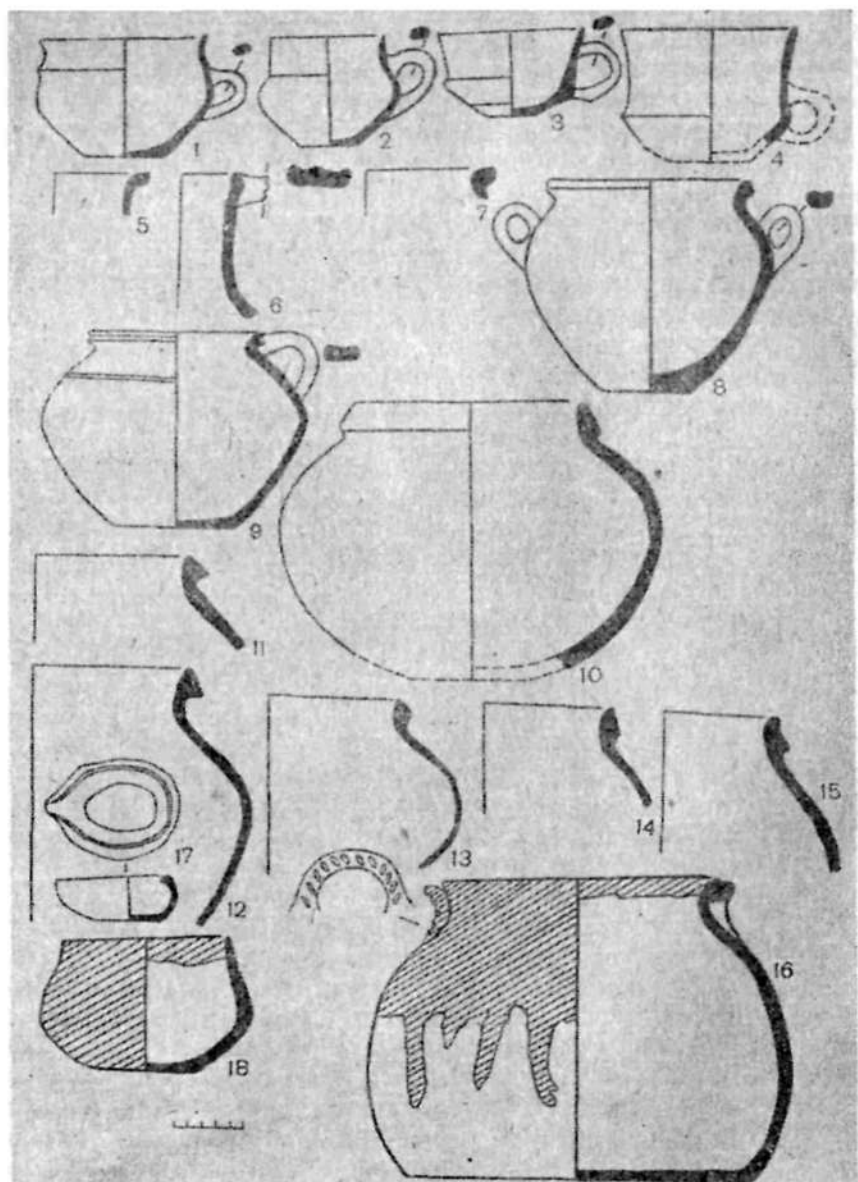

Рис. 3. Керамические материалы.

рой половины VII в., а с начала VIII в. они стали ведущими (9, с. 37, р. 3).

Два из трех экземпляров широкогорлых сосудов (рис. 3, 7—9) дают археологически целую форму. Первый целый сосуд имеет слегка отогнутый венчик с подтреугольной профилировкой. Тулово сужается ко дну, на широкой части — две петлевидные ручки, пластинчатые в сечении. Изготовлен на гончарном круге. Второй сосуд тоже имеет отогнутый венчик с желобком на внешней стороне. У тулова более выпуклая и приземистая форма, оно сужается от середины к шейке и дну. На верхней части тулова — желобок. С одной стороны сосуда — ручка, начинающаяся с венчика. На противоположной стороне, на уровне желобка, т. е. в верхней части тулова, имеется отверстие от рожка, сам рожок не сохранился. Аналогичные сосуды характерны для слоев конца VII—VIII вв. памятников Согда (10, с. 271, рис. 7).

Формы венчиков станковых котлов почти одинаковы (рис. 3, 10—15), т. е. прямые с подтреугольными в сечении, тулова шаровидные. Поверхности их закопчены. Сосуды покрыты красным и розовым ангобами. Аналогичные котлы характерны для Согда второй половины VIII в. (10, с. 272, рис. 10, с. 288, рис. 29, 11, 12).

К этому же периоду относится и светильник, изготовленный лепным способом, покрытый светлым ангобом (11, с. 161, рис. 63, табл. XI, 7; 12, с. 140, рис. 9).

Керамика в основном датируется VIII в., частично — второй половиной VIII в. Для определения датировки верхнего строительного периода памятника большое значение имеют и металлические изделия, обнаруженные при раскопках. Конечно, в рамках данной статьи сложно рассмотреть все археологические материалы, которые дают возможность конкретизировать датировку памятника.

Переходя к анализу архитектурной типологии, отметим, что в последнее время в литературе появилось много исследований, рассматривающих разные аспекты архитектуры храмов Древнего Востока. Сложилось четкое представление о классических формах культовых сооружений.

Храм представляет собой специфический вид здания, по архитектуре восходящий к определенным типам, которые развивались в течение длительного времени. Храмовую архитектуру Согда нельзя рассматривать в отрыве от монументального зодчества Востока. Для всех культовых сооружений можно найти соответствия в зодчестве других стран. Ближайшим прототипом согдийских храмов является монументальная архитектура Бактрии эллинистического и кушанского периодов, которая создавалась, в свою очередь, под влиянием греческой и древневосточной традиций (13, с. 16).

Сложившаяся композиционная схема — целла и зал, объединенные коридором, портик или вестибюль, расположенные друг за другом на одной оси — присутствует на многих культовых памятниках широкого хронологического диапазона: от ахеменидской

эпохи (храм в Сузах) (14, s. 266—269, abb. 38) до храмов огня современных зороастрийцев (15, s. 148).

Кроме того, сходные планы жилых домов (Ай-Ханум, загородный дом в Дильберджине, Дальверзинтепа) (16, с. 5—47, рис. 1; 17, с. 199, рис. 15 и 26) показывают характерность их элементов не только для культовых, но и для светских построек. Однако в храмах, в отличие от жилых построек, коридоры, как и в Джартепе II, являются только обводными, не связывающими какие-либо помещения, поскольку в них нет проходов, кроме двух торцовых. Исследователями отмечено, что истоки генезиса буддийских храмов с аналогичной схемой следует искать в среднеазиатско-иранской архитектуре (18, с. 227—231).

Конечно, трудно в рамках этой работы рассмотреть все типологические особенности культовой архитектуры. В связи с планом здания в Джартепе II надо обратиться к вопросу о храмах с так называемой тройной целлой, связь которых с согдийской храмовой архитектурой отмечалась в литературе (19, с. 52—64). Можно назвать ряд памятников, генезис плана которых прослеживается в месопотамской архитектурной традиции (20, с. 1; 21, с. 166, рис. 79).

В период эллинизма аналогичные святилища с боковыми помещениями имеют храм Окса (конец IV—III вв. до н. э.—II—III вв. н. э. (22, р. 1)), храм Ай-Ханум (первая половина III в. до н. э. (23, р. 27)) и храм в Персеполе (III в. до н. э. (14, abb. 24)). В более ранний период, в ахеменидскую эпоху аналогичную схему имел храм в Бард-и Нишанде (14, abb. 37). Архитектурная идея трехчастной целлы, возможно, представлена в памятнике кушанской эпохи Халчаяне (24).

Аналогичную схему имеют храмы, расположенные на территории Согда. Святилище храма Еркургана (III—VI вв.) в третьем периоде (во второй половине V в.) двумя поперечными стенами делится на три помещения (25, с. 137). Пенджикентские храмы (V—VIII вв.) по местоположению наиболее близки к храму на Джартепе II. Кроме того, они являются непосредственными хронологическими предшественниками джартепинского храма. Здесь во время четвертого периода (VI в.) в храме II, в кладках северной и южной стен обходной галереи было оставлено незначительное пространство, роль которого остается неясной, хотя в целом эта планировка напоминает схему тройной целлы (26, р. 5). Своеобразной чертой пенджикентских и джартепинских храмов является наличие залов без стен со стороны входа и узкие пандусы. Эта черта показывает родственную связь храмов друг с другом и отличает их от остальных культовых сооружений.

Культовый характер центральной части здания не вызывает сомнений, однако и в жилищах Согда были помещения, в которых совершали обряды. Поэтому возникает вопрос, не имеем ли мы дело с культовой частью дворца или замка? Однако такой большой зал мог принадлежать лишь дворцу правителя высокого

ранга (ср. дворец Даваштича в Пенджикенте (27), дворец афшинов в Шахристане (28) и дворец бухархуддатов в Варахше (29)). Между тем, на небольшом, удаленном от столиц поселении такой дворец вряд ли мог существовать. Кроме того, у дворца, помимо культово-парадной, имелись бы обширные жилые, хозяйственные, оборонительные части, а в Джартепе II, судя по плану Г. В. Григорьева, снятому тогда, когда памятник был еще в хорошем состоянии, нет достаточного места для дворца с множеством разнообразных помещений.

Древние согдийские архитекторы в канонических рамках культовой архитектуры умело комбинировали традиционные элементы, решая при этом каждый раз свои специфические задачи. Эти задачи были связаны с особенностями культа в Согде.

К сожалению, вопрос, какому именно культу был посвящен описываемый храм, остался неясным, но тот факт, что в целле джартепинского храма имелся алтарь для огня, дает новый материал для понимания характера местного культа. Хотя ярко выраженного алтаря огня не было найдено в согдийских храмах, это еще не говорит об их отсутствии. Например, в храме Еркургана в третьем периоде (вторая половина V в.) появился стационарный алтарь огня (25, с. 137). В Пенджикенте к южному фасаду платформы храма I в середине V в. было пристроено помещение, стены которого покрыты многослойной штукатуркой и окрашены черной краской, три верхних пола несли следы сильного горения огня. Тут же была вырыта яма, где хранилась чистая зола (13, с. 11—12). Это свидетельствует о том, что в пенджикентских храмах наряду с основным ритуалом, совершаемым перед изображением богов, ко второй половине V в. добавился новый обряд, связанный с выносом огня (13, с. 22). Но уже в VI в. Еркурганский храм вообще перестал функционировать (25, с. 139), а в Пенджикенте заложена камера для огня (13, с. 13). Все это, по мнению исследователей, было связано со вторжением эфталитов в Согд. В дальнейшем в пенджикентских храмах вплоть до завоевания арабов придерживались более ранних форм ритуалов, т. е. почитание богов в их изображениях (13, с. 25), что не соответствовало ортодоксальному зороастризму сасанидского Ирана. Правда, и в то время, и позже в памятниках изобразительного искусства Согда (настенные росписи, оссуарии и пр.) можно найти много примеров изображений ритуалов с алтарями огня.

При изучении джартепинского памятника возникает ощущение, что он являлся храмом огня приверженцев зороастрийских канонов, где в центральной части святилища напрочь отсутствовали скульптурные изваяния, характерные для согдийских храмов. Но так как этот храм возник в первой половине VIII в., то говорить о влиянии сасанидского Ирана на Согд не приходится. Что касается отсутствия скульптурных ниш в джартепинском храме, то оно было продиктовано исторической ситуацией, возникшей

после разгрома самаркандских храмов и уничтожения всех идов Кутейбой ибн Муслимом в 712 г. (34, с. 29; 31, II, 1245—1246).

Функционально и в планировочном отношении центральный комплекс храма мы можем сопоставить с храмами типа «агиарна» современных зороастрийцев Индии и Ирана. Роль «адуриана» — помещения, где в основном хранился огонь, играла комната № 6, которая со стороны зала имела двери. Целла и зал, видимо, представляли «дари-мехр», где огонь выносился во время религиозных ритуалов. Восточное же помещение, вероятно, служило сокровищницей храма.

Наиболее важным вопросом является определение времени возникновения и обстоятельств постройки храма. Как отмечалось выше, керамические материалы в основном датируются VIII в. Этот факт свидетельствует о том, что раскопанный храм был построен во время походов арабов на территории Согда. Для такого смелого шага нужна была политическая стабильность в Согде, которая возникла с приходом к власти в качестве наместника Мавераннахра Насра ибн Саййара (738—748 гг.) (32, с. 155). Главным историческим событием, которое можно рассматривать как предпосылку к решению жителей Варагсара построить храм, на наш взгляд, является заключение договора в 741 г. между Насром и эмигрировавшими к тюркам согдийцами. В этом договоре согдийцами было поставлено несколько условий, одно из которых гласит, что после возвращения на родину не должны подвергаться «наказанию те, кто был мусульманином, но отпал от ислама» (31, II, 1717). Все эти условия были приняты Насром, и после заключения договора согдийцы вернулись на родину (32, с. 156). Эти факты показывают, что политика Насра давала возможность некоторым согдийцам оставаться в прежней вере.

Подтверждением тому являются результаты археологических работ на городищах Афрасиаба и Пенджикента, где после некоторого запустения были восстановлены парадные залы, домашние святилища и даже частично функционировал второй храм в Пенджикенте (13, с. 20—26; 33, с. 20).

Другим важным фактом, объясняющим постройку храма в этот беспокойный период, является то обстоятельство, что Варагсар (где находится наш храм) играл значительную роль в жизни Самарканда. Как известно, здесь располагалась плотина, дающая начало каналу Даргом, который, в свою очередь, снабжал водой Самарканд. По-видимому, по договоренности жители Варагсара должны были заботиться об исправности этой плотины и за это были освобождены от подушной подати (34, с. 133). То же было и в самом Самарканде. По сведению Ибн Хаукаля, за состоянием свинцового водопровода Джуи-Арзиз наблюдали огнепоклонники (35, с. 15). Эти работы составляли их натуральную

повинность, за которую они также были освобождены от подушной подати (34, с. 136).

Описанная культовая архитектура в большинстве случаев характерна для городских храмов. Тот факт, что такой сравнительно большой храм расположен в сельской местности, пока является исключительным случаем. Но если предположить, что этот памятник являлся центральным храмом рустака и учесть, что он располагался на расстоянии, однодневного караванного перехода из Самарканда в Пенджикент, то наличие такого большого храма не вызывает удивления. Допустимо и то, что данный храм мог быть посвящен реке Зарафшан. Но почему именно здесь? По всей видимости, при постройке храма учитывалось то обстоятельство, что в данной местности Зарафшан спускается с горных склонов на равнину, и здесь же берет начало канал Даргом. Вероятно, этим можно объяснить терпимость арабов к постройке нового храма, так как от жителей Варагсара зависела судьба водоснабжения Самарканда. Население, связанное с ирригацией, очевидно, имело некоторые привилегии. Можно также предположить, что между арабами и жителями Варагсара существовал договор, в рамках которого последние имели возможность построить новый храм.

В связи с новой идеологической обстановкой в Средней Азии в 50—60-е годы VIII в. происходила исламизация населения, которая связана с восстанием Абу Муслима и образованием Аббасидского халифата. По всей видимости, эти обстоятельства повлияли и на жизнь джартепинского храма, который перестал функционировать. Анализ всех археологических находок и дальнейшие раскопки храма дадут новые сведения для изучения мировоззрения, искусства, культуры и архитектуры раннесредневекового Согда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердимуратов А. Э. О работах Ургутского отряда//АО 1986. М., 1988.
2. Григорьев Г. В. Дневник за 1940 г. Научно-ведомственный архив Самаркандского Гос. музея-заповедника. Дело № 576.
3. Григорьев Г. В. Отчет по составлению археологической карты Самаркандской группы памятников. Архив ЛОИА. Р-1, арх. 101.
4. Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
5. Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента//История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
6. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
7. Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв.//ТГЭ. Т. 5. Л., 1961.
8. Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины.//ТКАЭЭ. Т. 4. Фрунзе, 1960.
9. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента)//СА. 1981. № 2.

10. Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента//МИА. М.—Л., 1984. № 124.
11. Тереножкин А. М. Согд и Чач. Автореф. дис. ... к. ист. н.//КСИИМК. Вып. 33. 1950.
12. Бентович И. Б. Керамика Пенджикента//МИА. М.—Л., 1953. № 37
13. Шкода В. Г. Пенджикентские храмы и проблема религии Согда. Автореф. дис. ... к. ист. н. Л., 1986.
14. Schirpman K. Die iranischen Feuerheiligtümer. Berlin—New-York, 1971.
15. Gropp G. Die Funktion der Feuertemples der Zoroaster//Archaeologische Mitteilungen aus Iran. 1969. N. F. Bd. 2.
16. Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин (раскопки 1970—1973 гг.). М., 1977.
17. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
18. Литвинский Б. А.//НАА. 1981. № 1. Рец. на кн.: Franz H. G. Pagode, Turmtempel, Stupa, Studien zum Kultban des Buddhismus in Indien und Ostasien. Graz, 1978; Franz H. G. Von Gandhara bis Padan, Kultbauten des Buddhismus und Hinduismus in Süd und Zentralasien. Graz, 1979.
19. Шкода В. Г. Пенджикентские храмы и проблема религии Согда. Автореф. дис. ... к. ист. н. Л., 1986.
20. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Тахти-Сангин — Каменное городище//АРТ. Вып. 19. Душанбе, 1986.
21. Шуази О. История Архитектуры. Т. 1. М., 1937.
22. Пичикян И. Р. Композиция храма Окса в контексте архитектурных сооружений//МАЙКЦА. Вып. 12. М., 1987. С. 49—64.
23. Bepnard P. Les traditions Orientales dans l'architecture Greco-Bactrienne//JA. T. 264. F. 3—4, 1976.
24. Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии//ВДИ. 1973. № 1.
25. Сулейманов Р. Х. Храмовый комплекс Еркургана, предварительные результаты изучения//Городская культура Бактрии, Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987.
26. Skoda V. G. Le culte du feu dans les Sanctuaires de Pendžikent//Cultes et manuments reliquieux dans l'Asie centrale preislamique. Paris, 1987.
27. Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.
28. Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1976.
29. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
30. Ахмад ибн Йахйя ибн Джабир ал-Балазури. Завоевание Хорасана (Извлечение из сочинения «Футах ал-Булдан»)/Перевод, предисловие, комментарий и указатели Г. Гойбова. Душанбе, 1987.
31. История ат-Табари. Ташкент, 1987.
32. Джалилов А. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. Сталинабад, 1961.
33. Ахунбабаев Х. Г. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда//Городская культура Бактрии—Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987.
34. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. 1. М., 1963.
35. Бетгер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абул Касыма ибн Хаукаля//Труды САГУ. Новая серия. Вып. 25. Археология Средней Азии. Т. IV. Ташкент.

**РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЗАМОК САРАТЕПА
НА ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ г. САМАРКАНДА**

На юго-западной окраине г. Самарканда у кишлаков Ходжасаат и Саратепа, где развернулось строительство нового жилого массива, возвышались в полукилометре друг от друга два холма, исследование которых отряду Самаркандского рабада необходимо было провести в течение трех полевых сезонов. Один из холмов, одноименный кишлаку Саратепа, представлял собой подквадратную в плане возвышенность размерами 60×50 м, до 3 м высотой, постепенно возрастающей до 6 м в северо-восточной части. Площадь верхней части составляла примерно 10×10 м. Остальная часть тепа — ровная площадка, где жители близлежащих кишлаков проводили праздничные игры «козлодранье». Раньше площадка имела гораздо большие размеры; современные очертания она приняла после распахки окружающей местности под колхозные поля.

Тева находится на юго-западной окраине кишлака Саратепа, который возник здесь в первой половине нашего века. Легенда, передаваемая старейшинами кишлака, гласит о том, что современные жители являются потомками тех арабов, которые завоевали Самарканд в начале VIII в. н. э. Поселившиеся в городе арабы, сохраняя кочевнические традиции, постепенно мигрировали за его пределы. Первоначально они имели мазар на месте нынешнего парка культуры у современного дома офицеров, затем переселились на юго-запад (кишлак Бузи). Приблизительно в первой трети XX в. они обжили местность к востоку от древнего холма Саратепа (Лучший тепа), образовав одноименный кишлак. По рассказам стариков, к западу от тепа возвышалась широкая стена Вотерасп (Насыпь для лошадей), по которой еще в царское время патрулировала пролетка лошадей, южнее Саратепа (в 50—100 м) — невысокий двойной холм и в полукилометре — большое тепа Нагора (Барабан). Оба холма были распаханы, а в остатках оборонительной стены сделан арык для полива полей. Цепочка из ряда холмов тянулась и к северо-западу от Саратепа: с интервалом в полкилометра друг от друга у кишлака Ходжасаат — Заргартепа, у кишлака Арабхона — Арабмартепа, Чаштепа, Арабхонатепа. Располагаясь вдоль оборонительной стены Девори Киямат, они образовали цепочку раннефеодалных замков на границе самаркандских рустак с Придаргомской степью и служили дополнительной охраной подступов к городу в случае приближения врага из-за Даргома.

Изучение Саратепа начато в конце 1985 г., частично продолжено в конце 1986 г. и велось весь полевой сезон 1988 г. Раскоп решено было начать в северо-восточном, наиболее возвышенном месте тепа, где верхушка была ровно срезана в недавнем прош-

лом бульдозером (по сведениям местных жителей) на 1,5—2 м. После зачистки верхнего, плотно утрамбованного техникой слоя (10—15 см) появились контуры ряда прямоугольных помещений и пахсовых стен (рис. 1, II). Освободив помещения от заполнения под обмазкой пола, мы зачистили контуры новых помещений, аккуратно заложенных прямоугольным сырцовым кирпичом. Дополнительные зачистки западной, нарушенной бульдозером части склона, показали, что помещения нижнего яруса сохранились примерно на 2 м в высоту. Стало ясно, что раннесредневековый замок пережил как минимум два строительных периода. Даль-

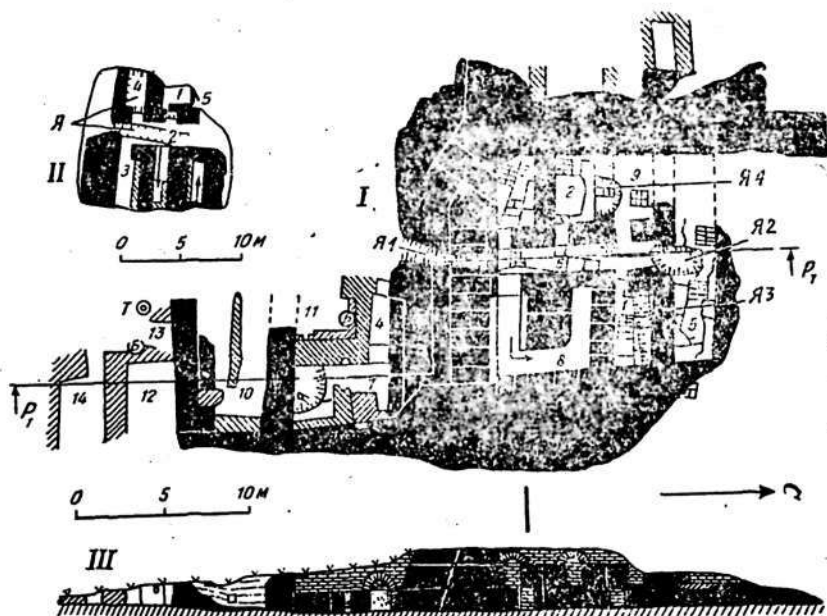

Рис. 1. Планы и разрез Саратепы.

нейшие раскопки показали, что в первый из них было начато строительство замка с гребенчатой планировкой первого этажа на невысокой (1,2 м) пахсовой платформе с основаниями под угловые башни и оборонительной стеной (рис. 1, I). Однако ниже уровня второго этажа строительство замка было приостановлено, помещения забутованы кирпичной кладкой, превратившей первый этаж замка в платформу для замка второго строительного периода. Сохранившийся участок первого этажа второго строительного периода повторял в плане первый этаж замка первого строительного периода. С южной и западной сторон замка открылись дворовые постройки, которые стали основой разросшегося к югу от замка поселения.

I строительный период (рис. 1, I). Замок построен на ровной площадке на пахсовой платформе высотой 1—1,2 м (высота одного пахсового блока). Платформа выложена длинными прямоугольными пахсовыми блоками различной длины, которые перемежаются вставками ($0,9 \times 1—1,2 \times 1,2$ м) из сырцового кирпича ($45—48 \times 25—28 \times 7—10$ см) (рис. 1, III). Крупные швы между блоками создавали подвижный характер платформе при землетрясении (1). Между платформой и пахсовым основанием стен первого этажа замка использована прослойка из сырцового прямоугольного кирпича ($45—48 \times 28 \times 7—10$ см) для защиты от горизонтальных толчков (2, с. 24). От замка I строительного периода сохранились первый этаж, имеющий гребенчато-коридорную планировку, часть оборонительной стены у юго-восточного угла замка и несколько помещений дворцовых построек. Вход в замок находился в его северо-западном углу и вел в помещение № 5 длиной 12 м и шириной 2,3 м. От середины помещения с севера на юг проходит центральный осевой сводчатый коридор № 6 длиной 9 м и шириной 1,5 м, от которого в обе стороны сводчатые проходы ведут в коридорообразные помещения № 1, 2, 3, 9 и пандусный подъем № 8 на второй этаж. В западной части замка располагались помещения № 2, 3, 9. С восточной стороны северо-коридора находились помещения № 1 и пандусный коридор № 8. Размеры помещений № 1, 2, 3, 9 одинаковы: длина 4,3 м, ширина 2,3 м, только в помещении № 3 юго-западный угол заложен пахсой, так как он попадал под основание юго-западной угловой башни замка. Пандусный подъем занимает юго-восточный угол замка. Ширина его $1,3—1,35$ м, он сводчатый, винтообразный. Подъем был выложен в два приема. Второй слой укладывался сверху вниз и не был доложен полностью; на неровной его поверхности осталось несколько отпечатков босых детских ног. Помещения замка были возведены на высоту 2—2,2 м; пандусный коридор стоял еще без свода; по углам замка на эту же высоту были возведены пахсовые основания под башни и пристроена оборонительная стена двора, когда строительство было приостановлено и начата забутовка всех помещений сырцовым кирпичом на глиняном растворе. О том, что замок не был достроен, свидетельствует и то, что ни в одном из помещений нет обмазок полов, в помещениях была сделана подсыпка из рыхлой глины прямо на поверхность платформы, и рыхлая земля попала в пахсовые швы платформы. Закладка помещений сделана сырцовым кирпичом ($47—48 \times 29—30 \times 9—10$ см).

Единственным признаком обживания был временный очаг в северо-восточном углу коридора № 6, в остальных помещениях ни очагов, ни суф, ни культурного слоя на полах нет. При разборке кирпичной закладки замка не было обнаружено ни одного фрагмента керамики. В северо-восточной части помещения № 5 с северо-запада на юго-восток через всю забутовку и платформу замка шла широкая вертикальная трещина, возникшая уже в то

время, когда замок I строительного периода использовался в качестве платформы. Это след землетрясения или сильного удара в северо-западную часть замка. Забутовка помещений была нарушена поздними ямами № 2, 4, 5 и двумя грабительскими лазами № 1 и 3, заполненными рыхлой землей, золой и керамикой X в. н. э. В одной из ям были найдены монета неизвестного ихшида (первая половина VII в.) и монета Тархуна (700—710 гг. н. э.).

Итак, в I строительный период на пахсовой платформе высотой в 1—1,2 м были выстроены помещения первого этажа на высоту 2—2,2 м квадратного в плане замка (18×18 м), с предполагаемым входом в северо-западном углу, с гребенчатой планировкой комнат, винтообразным пандусным подъемом на второй этаж, основаниями под башни и часть оборонительной стены двора со стеной, делившей двор на две части, и несколько помещений у входа в замок. Датирующий материал периода строительства (не считая раннесредневекового прямоугольного кирпича) замка отсутствует, поздние ямы, прорезавшие замок, имеют керамику X в. и переотложенные монеты первой половины VII—начала VIII в. н. э.

II строительный период (рис. 1, II) характеризуется преобразованием первого этажа замка I строительного периода в платформу для замка II периода и возведением на ней новых помещений. Все коридоры и помещения были забутованы, общая площадь несколько увеличена, для чего внешние стены первоначального замка были обложены пахсовой «рубашкой» толщиной 2,6 м. В результате получилась квадратная в плане платформа размерами поверху 23—24×23—24 м и высотой 3,5 м. Понизу размеры ее составляют приблизительно 25×25 м. Первый этаж нового замка имел гребенчато-коридорную планировку, аналогичную планировке замка I периода. Как уже говорилось, верхняя часть построек была снята строительной техникой на 1,5—2 м, поэтому высота сохранившихся стен всего 0,7 м. Стены помещений сложены из пахсы блоками 1,02—1,15 м. Центральное осевое помещение № 2 имело с обеих сторон коридорообразные помещения и пандусный подъем на второй этаж. Помещение № 1 сохранилось очень незначительно. В его проходе обнаружена согдийская монета Вархумана (657—675 гг. н. э.) вместе с фрагментом керамики X в. Это зольные слои хозяйственной ямы, захватившей часть помещений № 1 и 4. От комнаты № 5, расположенной к северу от помещения № 1, сохранился только юго-восточный угол. Помещение № 4 почти полностью было занято мусорной ямой с керамикой X в. в зольных слоях. Под ямой X в. сохранился участок рыхло-комковатого слоя с небольшим количеством неполливной керамики, относящегося ко времени обживания замка. От помещения № 5, расположенного к северу от комнаты № 1, сохранился только юго-восточный угол площадью 0,2×0,5 м. Центральный коридор № 2 имел три уровня полов и камышовую истлевшую подстилку. Над вторым полом обнаружено два оча-

та — один у западной стены, а другой на полу напротив прохода в помещение № 3. Над верхним, третьим полом — два очажных пятна у прохода в помещение № 1. В заполнении между полами собрана неполированная керамика. Восточная половина помещения нарушена мусорными слоями с керамикой X в. Над непотревоженными участками полов прослеживались довольно значительные натежные слои, говорящие о периоде заброса помещения. С восточной стороны комнаты № 2 сохранились помещения № 3 и пандусный коридор, ведущий на второй этаж. Помещение № 3 имеет три уровня полов и очаги над каждым из них. Заполнение между полами — сплошь мягкая зола с большим количеством неполированной керамики. Помещение имело явно кухонное назначение. Пандусный коридор на второй этаж — винтообразной формы, как и пандус замка I строительного периода.

В отличие от помещений I строительного периода, во II строительный период размеры их несколько изменены. Осевой центральный коридор сделан более широким — 1,95—2 м, а комнаты — уже, 1,7—1,75 м. Увеличена ширина коридора пандусного подъема на второй этаж. Застраивался и двор. Пристройки лепятся с южной стороны к платформе. Часть двора была разделена стенами из пахсы и прямоугольного раннесредневекового сырцового кирпича зеленоватого цвета (47—48×25×10 см) на несколько помещений. Входом в жилые помещения № 7 и 7а служил узкий сводчатый коридор № 4. Комната № 11 с суфами и очагами служила для приготовления пищи и имела отдельный вход. Узкое длинное помещение № 10, возможно, было хранилищем. Пространство от входа в комнату № 4 до юго-западного угла платформы на всю высоту тепа представляло собой наложение двора. Помещения № 7 и 7а имели два уровня полов. Между помещениями была деревянная дверь — в стенах видны углубления для крепления ее деревянных частей. В комнате № 7 имелись суфа и две ниши: одна над суфой глубиной 0,35 м, высотой 0,5 м и шириной 0,8 м; другая в северной стене помещения, размерами 0,45×0,44×0,25 м. Северной стеной помещения служила наклонная поверхность южного фаса платформы замка. Основания обеих ниш выложены жженой битой плиткой (22×?×3 см). Такими же обломками плиток вымощен уровень второго пола в обеих комнатах. Несколько целых плиток (22—25×36×3 см) были использованы для ремонта низа южной стены помещения № 7а. В это время суфа была срезана и сделан второй пол. Обе ниши относятся к этому периоду. На нижнем полу зачищено очажное пятно, расположенное у западной стены у входа в помещение. На втором полу был устроен очаг у северной стены вблизи входа, над очагом в стене имелась вертикальная вырезка дымохода. Над вторым полом образовался двадцатисантиметровый слой натеков: вероятно, в это время была разрушена кровля у западной стены обоих помещений. Пол третьего, последнего периода обживания помещения № 7 располагался на высоте 1 м от

уровня первого пола. В это время перегородка между помещениями была разрушена и из двух сделано одно, прямоугольное в плане. Над его полом в северной половине до верха платформы был свален бой из сырцового кирпича и крупных кусков пахсы с керамикой X в. В юго-западной части помещения заполнение прорезала большая мусорная яма, в которой также собрана керамика X в.

Спустя какое-то время после выкладки второго пола в помещении № 7 были проведены перестроечные работы и в комнатах № 10 и 11. Южная стена помещения № 11 была срублена, помещение № 10 в длину перегороджено узкой стеной из зеленоватого сырцового кирпича ($45 \times 25 \times 8 - 9$ см). В результате получился дворик с очагами у южной его стены. С этого времени и до середины XI в. здесь наслаивались уровни двора, который был слегка расширен к югу за счет сноса южной узкой стены из зеленоватого сырцового кирпича. Южной стеной двора стала слегка подрубленная южная стена бывшего помещения № 10, за которой также располагались жилые постройки прилегающего к замку поселения. Два из трех вскрытых здесь помещения — № 13 и 14 — более ранние и относятся к концу VIII — началу IX в. В комнате № 13 на полу у одного из очагов найдена монета Аббасидов конца VIII — начала IX в., а в проходе помещения № 14 — монета Гассана б. Аббасидов 820—21 гг. н. э. самаркандского чекана. Комната № 13 являлась кухней с тандыром и несколькими очагами; возможно, это была часть дворика с летней кухней. Сохранность южной части помещений плохая, высота стен не превышает 5—10 см. Комната № 12 более поздняя, она облицована изнутри жженым кирпичом ($19 - 20 \times 19 - 20 \times 3 - 3,5$ см) и имела когда-то обмазку ганчем. Заполнение составляла рыхлая земля с керамикой X в. Пол, выложенный таким кирпичом, нами не вскрывался. Скорее всего эту комнату, построенную в одно время с помещением № 14, в X в. облицевали кирпичом, не изменяя ее планировки. В верхних слоях помещения № 13 также встречались фрагменты керамики X в. Уровни полов комнат № 13 и 14 синхронны нижним полам помещений № 7, 10, 11, поэтому мы склонны датировать их концом VIII — началом IX в.

Итак, во II строительном периоде был возведен замок с гребенчато-коридорной планировкой первого этажа на высокой платформе. Во дворе пристроен жилой комплекс, а за стенами его к югу стало расти поселение. Следует выделить третий период обживания Саратепы как поселения без феодального замка. С X в. замок изрезан мусорными ямами и явно заброшен. Обживались помещения к югу от оборонительной стены и, возможно, у входа в замок. Между платформой замка и поселением долгое время функционировал двор. С его многочисленных уровней собрана керамика X — первой половины XI в. н. э. Двор, вероятно, относился к постройкам у входа в бывший замок — к помеще-

ниям у западного подножия платформы, которые до нашего времени не сохранились.

Первой половиной XI в. жизнь поселения не ограничивается — редкие находки керамики XII в. в подъемном материале и монета второй половины XII в. у входа в замок свидетельствуют о том, что жизнь средневекового поселения Саратепа еще продолжалась. Отдельные фрагменты керамики XII в. обнаружены И. Д. Иваницким в древнем русле канала, проходившего от сухого в настоящее время сая Курукдисар вдоль поселения керамиков ахеменидского времени, мимо замка Саратепа в сторону современного кишлака Саратепа.

Датирующий материал I строительного периода. В помещениях замка I строительного периода не обнаружено ни одного фрагмента керамики. Прямоугольный кирпич (47—48×25—30×8—10 см) характерен для длительного периода раннего средневековья. Относительной датировке может служить нумизматический материал, обнаруженный в мусорных ямах X в., если предположить, что эти монеты в виде переотложенного материала, взятого из более ранних слоев Саратепа, попали в мусорные ямы. Это монета неизвестного ихшида первой половины VII в., монета Вархумана (657—675 гг.) и монета Тархуна (700—710 гг.).

Датирующий материал II строительного периода. Этим материалом является керамика из заполнения помещений № 3, 10, 11. Между вторым и третьим полами комнаты № 3 собран комплекс неполивной керамики середины — второй половины VIII в. н. э. (рис. 2, 1—4, 6—8, 11, 12).

Кружки (рис. 2, 2, 6, 7, 8). Наиболее ранний фрагмент с хорошо промешанным тестом кремового цвета, вертикально поставленной горловиной, округлым плечиком, переходящим в конусовидное тулово. Плечико украшено штампованным орнаментом в виде плода граната. Кружка светлоангобирована и посыпана слюдой (3, с. 138; 4, с. 213; 5, с. 93). Остальные кружки сделаны из хорошо отмученной глины, черепок тонкий, ровно обожженный. Формовка сосудов очень аккуратная. Размеры кружек стандартны: высота 10—14 см, диаметр венчика 11—14 см, дна — 5—6 см. Снаружи и внутри сосуды покрыты светлым ангобом. Аналоги их в Пянджикенте датируются VII—VIII вв. При сравнении с кружками из комплексов керамики рядом расположенного памятника Заргартепа (6, рис. 15, 2, 4; рис. 16, 1, 2; рис. 17, 1; рис. 18, 1) кружка со штампованным орнаментом и посыпкой слюдой является более ранней и датируется концом VII — началом VIII в. н. э., в то время как остальные сосуды близки к кружкам из комплексов керамики Заргартепа и датируются второй половиной VIII в. Над третьим полом помещений Саратепа найдены фрагменты кружек со срезами по тулову, датируются концом VIII — первой половиной IX в.

Горшки. Мелкие светлые снаружи горшочки (рис. 2, 1, 12) изготовлены из теста хорошего качества. Один сосуд (рис. 2, 12).

имеет орнамент из вертикальных прочерченно-вдавленных полос. Сосуд такого типа найден на Заргартепе (6, рис. 15, 1; рис. 16, 3). Датируется серединой VIII — концом VIII в. н. э.

Кувшины (рис. 2, 3, 4, 11). Интересен узкогорлый сосуд с ручкой (рис. 2, 11). Имеет тесто кремового цвета и светлый ангоб снаружи. Горловина внутри перекрыта ситечком. Вероятно, кувшин использовался в качестве лейки. Широкогорлый сосуд (рис. 2, 3, 4) имеет яйцевидное тулово, украшенное в верхней

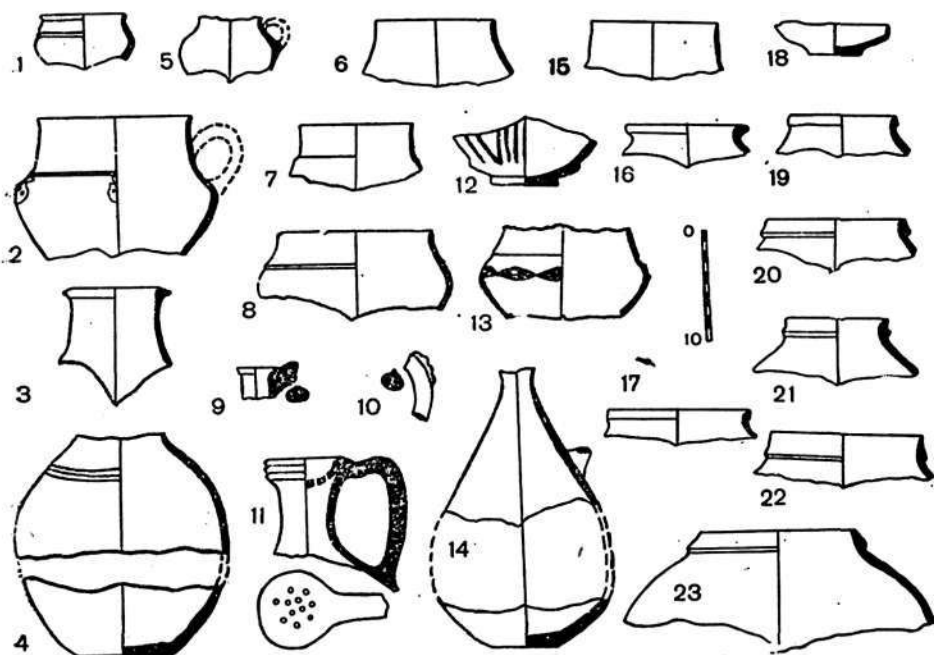

Рис. 2. Керамика Саратепе VIII — первой половины IX в. н. э.

части пояском из процарапанных параллельных линий. Дно утолщенное, плоское, устойчивое, горловина выделена пояском. Этот кувшин идет в комплексе с кружками и датируется тем же временем. Аналогичные сосуды обнаружены на Заргартепе в комплексе керамики второй половины VIII в. (6, рис. 15, 9, 10).

Хумы. Фрагменты двух донеч, найденные между вторым и третьим полами помещения № 3, имеют диаметры 26 и 28 см, пористое от растительных добавок тесто неравномерного обжига и высветленную поверхность.

Керамика VIII в. обнаружена в небольшом количестве в помещении № 10 (рис. 2, 10) и на полу помещения № 11 у суфы (рис. 2, 9). Это светлоангобированная ручка кувшина с налетом в виде гривы коня, чашечка (рис. 2, 10), высветленная снаружи и посыпанная слюдой, несколько фрагментов стеклянных кружек

из голубого стекла, небольшой горшочек, высветленный снаружи; фрагменты светлоангобированного кувшина (рис. 2, 9) и донца хума с наполнителем из дробленого сланца.

Часть керамики VIII в. собрана из верхнего слоя тепа, который был открыт при планировании бульдозером верха тепа. Керамика из пандусного коридора, помещений и мусорных ям была разнесена и впрессована в верхний слой помещений № 2, 3, пандусный коридор. Небольшой комплекс керамики собран над третьим полом помещения № 2 (рис. 2, 5, 13—23). Это фрагмент кружки (рис. 2, 13) со срезами по тулову, светлой внешней поверхностью, датируемый концом VIII — серединой IX в., фрагмент кружки, донце чирага, покрытого светло-зеленой глазурью, фрагмент чашечки с белой, плохого качества глазурью и расплывающимися зеленовато-голубыми пятнами. Поливная керамика такого типа характерна для первой половины IX в. (7, с. 42, 44). К концу VIII — середине IX в. н. э. относится часть керамики из коридора пандусного подъема замка. Это фрагменты двух кружек (рис. 2, 5, 15), покрытых светло-желтоватым ангобом, горшочек (рис. 2, 22) с ангобом такого же цвета. Для этого времени характерны горшки и котлы с аналогичной формой венчика (6, рис. 17, рис. 18, 6), из верхнего слоя тепа — светильник (рис. 2, 18) в виде площадки из светлой глины, узкогорлый кувшин каплевидной формы, горшки и котлы с вертикально поставленной горловиной (рис. 2, 14, 17, 19—23), аналогичные найденным на Заргартепа (6, рис. 1, 6, 7, 18).

Керамика конца VIII — начала IX в., обнаруженная в помещениях № 10 и 11, свидетельствует о появлении жилых построек во дворе во второй половине VIII — конце VIII в. Монеты династии Аббасидов датируют постройки за пределами двора концом VIII — первой четвертью IX в. н. э.

Керамика X в. собрана в мусорных ямах и грабительских лазах, прорезавших здание замка, в помещении № 10, в наслоении двора. В самых верхних слоях двора собрана керамика первой половины XI в. Наиболее ранняя в этих комплексах — керамика с зеленой поливой по процарапанному орнаменту (рис. 3, 1, 2) и керамика с трехцветной росписью желтого, зеленого и фиолетово-коричневого цветов (рис. 3, 3). Была распространена в Согде во второй половине IX—X вв. (7, с. 51). Коса, тарелки, лаганы с красно-коричневой точечной техникой по белому подглазурному ангобу (рис. 3, 4) распространились в конце IX и бытовали весь X в. (7, с. 56). К этому времени относится и керамика с эпиграфическим орнаментом (рис. 3, 5) (7, с. 53). Большое количество фрагментов керамики с черным эпиграфическим орнаментом по белому подглазурному ангобу и черно-точечным заполнением в красном контуре фигур, заполняющих промежутки между буквами, обнаружено в заполнении грабительского лаза № 1 (рис. 3, 6) и уровней двора (рис. 3, 7, 9). Появился в X в. и исчез в конце его орнамент в красно-коричневых и оливковых тонах с точеч-

ным узором в полосах (7). Фрагменты чаш (рис. 3, 12, 13), коса (рис. 3, 10) найдены в заполнении лаза № 1 и урвней двора замка. Второй половиной X — первой половиной XI в. датируется фрагмент коса с изображением вихревой розетки из заполнения лаза № 1 (рис. 3, 15) (7, с. 58). К этому времени относится и фрагмент лагана с орнаментом в виде оливково-зеленых пальметт с вкраплениями красно-коричневого цвета (7, с. 59; рис. 3, 8). Он найден у тандыра в верхнем слое двора. Наблюдается разнообразие в формах венчиков котлов (рис. 3, 16, 17). Боль-

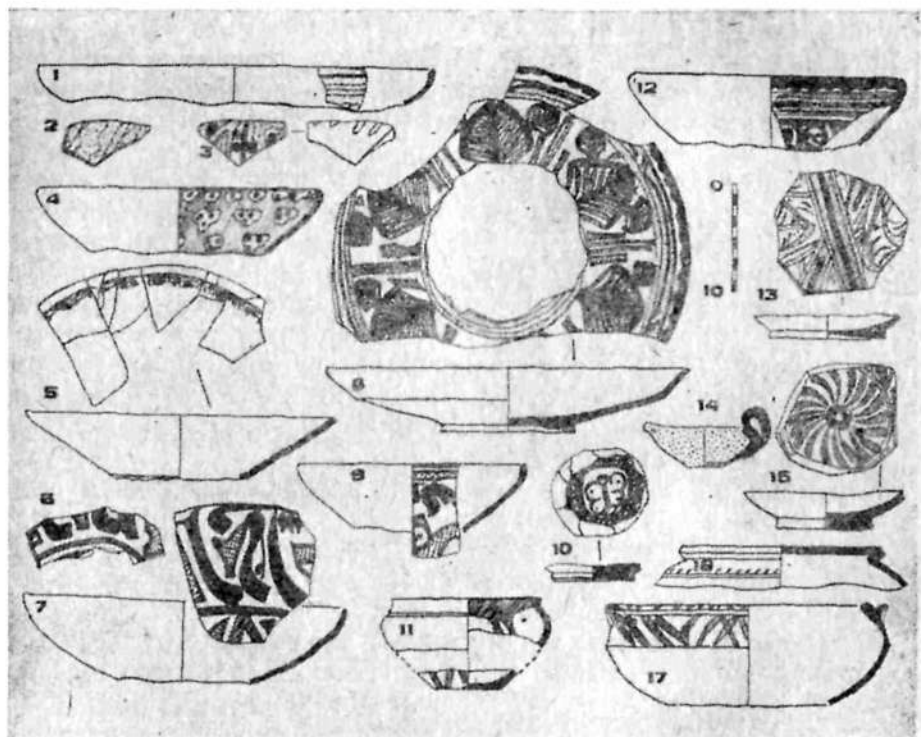

Рис. 3. Керамика Саратепа X в. н. э.

шинство из них находят аналогии с котлами из Афрасиаба (8, с. 46), имеют петлеобразные или ушкообразные ручки, некоторые из них (рис. 3, 17) украшены красноангобной росписью, некоторые (рис. 3, 16) — узором насечкой по тулову. Красноангобная роспись по тулову использовалась и на горшках (рис. 3, 11). В целом комплексы керамики датируются второй половиной IX — первой половиной XI в. Наличие многочисленных ям в помещениях замка свидетельствует о том, что в это время он был уже необитаем; жизнь сосредоточилась в поселении, примыкающем к замку.

Саратепа являлся одним из феодальных замков, вытянувшихся цепочкой вдоль юго-западной окраины рабада Самарканда. Во второй половине VIII в. вдоль линии этих тепа была выстроена оборонительная стена Девори Киямат (9, с. 135; 10, с. 100). Точно датировать строительство замка Саратепа нельзя из-за полного отсутствия синхронного датирующего материала. Приблизительная датировка возможна по переотложенным согдийским монетам неизвестного ихшида, Вархумана и Тархуна, которые скорее всего попали в мусорные ямы X в. из более ранних слоев близлежащей местности. Можно предположить, что замок Саратепа строился не ранее середины VII в. н. э. Учитывая то, что даже в подъемном материале нет керамики первой половины VII в., но имеется небольшое количество неполивной керамики конца VII в., можно приблизительно датировать строительство Саратепа концом VII в. Находки в ямах переотложенных монет дают возможность предположить наличие вблизи Саратепа небольшого поселения, возникшего ранее замка. Возможно, двойной невысокий холм южнее Саратепа (распаханный под поля) и являл собой остатки поселения VII в. Строительство замка велось на ровной лессовой площадке; платформа была сделана невысокой и имела, вероятно, только антисейсмический характер. Блочная система платформы и вкладыши в нее из сырцового кирпича вместе с прослойкой из сырцового кирпича между платформой и стенами замка предохраняли его от вертикальных и горизонтальных колебаний почвы при землетрясениях (2, с. 24). По углам замка из пахсы сделаны основания под башни, помещения которых предполагалось возвести с уровня второго этажа.

Гребенчатая планировка первого этажа находит ближайшую аналогию в замке Заргартепа, расположенном в полукилометре к северо-западу от Саратепа. Замки с коридорообразными помещениями были распространены в это время по всей Средней Азии: в Хорезме (11), Сурхандарье (12), Каршинском оазисе (13, 14, 15, 16), Усрушане (17, 18, 19, 20). Наиболее близок рассматриваемый памятник к усрушанскому замку Тирмизактепа. Замок Саратепа, судя по отсутствию жилых слоев в помещениях I строительного периода, не был достроен. Особенно ясно это видно в пандусном коридоре, где хорошо сохранившиеся пяты свода были заложены сырцовой кладкой. Сводчатое перекрытие пандусного подъема на второй этаж не было выложено, в то время как своды проходов во все помещения и в пандусный коридор были возведены и прекрасно сохранились. Основания под угловые башни видны в юго-западном и юго-восточном углах замка под «рубашкой» платформы II строительного периода. На этом этапе строительство замка было внезапно приостановлено, и недостроенное здание стали забутовывать, превращая его в платформу для строительства на нем нового замка с точно такой же планировкой первого этажа.

Предлогом для такой перестройки могло послужить лишь очень серьезное основание. Им могла стать надвигающаяся угроза арабского завоевания Самарканда: замок Саратепа, строившийся как жилой, был поднят на высокий стилобат для придания большей обороноспособности. Если принять эту версию, то строительство замка II строительного периода должно было начаться в правление Тархуна (700—710 гг. н. э.). Недостроенные помещения замка были забутованы и одеты снаружи в пахсовую «рубашку». Двор замка успели перегородить только одной стеной с востока на запад. Не исключается и такой вариант, что замок достраивался уже после завоевания арабами Самарканда. При сравнении планировок первых этажей рядом расположенных замков Саратепа и Заргартепа становится очевидной почти полная их идентичность. Помещения замка Заргартепа служили жильем для воинов, защищавших замок от завоевателей. Каждое из них было обособленным, имело деревянные двери и обязательно очаг. В Саратепа (II строительный период) же, несмотря на аналогичную планировку, помещения не имели закрывающихся дверей и носили ярко выраженный хозяйственный характер. Помещение у пандусного подъема служило кухней, где долгое время готовили пищу, здесь же оставляя всю золу вместе с битой посудой. В центральном осевом коридоре пол был устлан толстым слоем камышовых циновок. По нашему мнению, замок успел выполнить задачу задержки арабских завоевателей у пригородов Самарканда и во второй половине VIII в. уже использовался как жилой феодальный комплекс. В это время застраивался жилыми постройками двор замка, достраивалась (или ремонтировалась) сырцовым прямоугольным кирпичом зеленоватого цвета южная часть оборонительной стены двора. За пределами оборонительной стены в конце VIII — начале IX в. стало расти поселение. Почти полное отсутствие керамики середины — второй половины IX в., натечные слои в помещениях № 7 и 7а и наличие двух больших грабительских лазов, прорезавших всю платформу замка, дают возможность предположить, что в это время замок и дворовые постройки были покинуты жителями. Это связано скорее всего с тем, что с 70-х гг. IX в. в Мавераннахре начались непрерывные феодальные междоусобицы, а также активные набеги со стороны соседних кочевых племен (21, с. 159—160).

С X в. н. э. началось интенсивное обживание поселения за южной оборонительной стеной замка, пришедшего в полный упадок. Грабительские лазы использовались в качестве мусорных ям, дополнительно было вырыто еще несколько ям, занявших практически всю территорию бывшего замка. Между ним и поселением долгое время (X — середина XI в.) функционировал двор с тандырами и очагами. Маленький коридор № 4 использовался как подвал. Наслоения двора постепенно поднялись до верха платформы. Верхние слои, как уже упоминалось, были снесены бульдозером, но изредка в подъемном материале встреча-

лась керамика XII в., а у разрушенного входа в замок найден посеребренный дирхем династии Караханидов второй половины XII в. (позже 1160 г. н. э.). Это свидетельствует о том, что жизнь поселения продолжалась до XIII в. н. э.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедева Т. И. Заргартепе//Археологические исследования на новостройках Узбекистана. Ташкент.
2. Бачинский Н. М. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.—Л., 1949.
3. Бентович И. В. Керамика верхнего слоя Пянджикента//МИА. 124. Т. IV. М.—Л., 1964.
4. Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
5. Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу//ТОВЭ. Т II. Л., 1940.
6. Лебедева Т. И., Бурякова Э. Ю. Научный отчет за 1987 г. Архив Института археологии АН РУз.
7. Шишкина Г. В. Глазуванная керамика Согда. Ташкент, 1979.
8. Шарахимов Ш., Пидаев Ш. Р. Кухонная керамика Афрасиаба//Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент. 1975.
9. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. М.
10. История Самарканда. Ташкент, 1969.
11. Неразик Е. Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма. М., 1966.
12. Альбаум Л. И. Раскопки замка Зангтепа//ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
13. Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—IV вв.). Ташкент, 1977.
14. Алимов У. Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе//ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
15. Букинич Л. Л. Руины двух раннесредневековых поселений близ Карши//ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
16. Кабанов С. К. Руины поселения III—IV вв. в долине Кашкадарьи//ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965.
17. Негматов Н., Зеймаль Т. И. Раскопки на Тирмизактепа. Вып. 1. Сталинабад, 1961.
18. Негматов Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе, 1975.
19. Негматов Н., Зеймаль Т. И. Уструшанский замок в Шахристане//СА. Вып. 2. М., 1959.
20. Пулатов У. П. Чильхуждра. Душанбе, 1975.
21. Гафуров Б. Г. История таджикского народа. М., 1952.

К. АЛИМОВ, Х. ДУКЕ

КАВАРДАНСКИЙ НАУС

В 1985 г. специальный отряд Шаш-Илакской экспедиции Института археологии АН УзССР продолжил исследование каварданского могильника, начатое в предыдущие годы (2, с. 52—58; 3, с. 201—209). Могильник расположен в 25 км к востоку от Таш-

* Определение согдийских монет выполнено автором, мусульманских — Б. Д. Кочневым.

кента, в 6 км от города Янгибазар, на северной окраине селения Кавардан, где в 1972 г. Шаш-Илакский отряд открыл, а в 1973—1974 гг. провел археологические исследования городища Кавардан (5, с. 457; 6, с. 86—99; 7, с. 30). Древнейшие слои памятника отнесены ко времени конца Каунчи I и II (II в. до н. э.—начало IV в. н. э.).

Могильник Кавардан насчитывает более 1000 курганов, форма их округлая с лессовыми насыпями диаметром 0,7—18 м, высотой 0,5—3,1 м. Они расположены большей частью цепочками в двух—трех метрах друг от друга, а иногда вплотную один к другому. В 1985 г. раскопано 8 курганов: 7 из них содержали глубокие катакомбы с поперечными дролиосами, один представлял наземное сооружение — наус.

Наус расположен в 500 м к северу от городища Кавардан. Холм диаметром 18 м и высотой 2,7 м.

Под насыпью было сооружение типа науса, построенное на материковом лессе. Нaus представляет собой округлое сооружение, стены которого выложены из сырцовых кирпичей желтоватого и серого цветов. Расположение кирпичей чередуется: один ряд серого цвета, под ним желтоватого и т. д. Кирпичи серого цвета — маленького формата; расположены плашмя и в ширину. Размеры их разные: ширина 10—13 см, толщина 6—7 см. Размеры сохранившихся желтых кирпичей: $46 \times 21 \times 11$ —12 см. Они также положены плашмя, но в длину. Нaus ориентирован по оси север—юг. Размеры науса: длина с севера на юг 5,7 м, ширина с запада на восток 5,2 м, сохранившаяся высота стен 1,85 м. Толщина стен: северной, южной и восточной — 1,1 м, западной 1,3 м. Вход сводчатой формы — в западной части науса. Длина входа 2,1 м, ширина 0,7 м, высота 0,9 м. Снаружи он выделен выступающим порталом. Ширина портала 2,3 м, длина правой щеки 0,75 м, левой 0,95 м. Высота портала 1,1 м. Вход приводил в квадратное помещение ($1,25 \times 1,25$ м), с трех сторон окруженное стенами. Пол и стены помещения заложены прямоугольными сырцовыми кирпичами ($48 \times 28 \times 12$ см). Кирпичи покрыты глиняной обмазкой толщиной 5—7 см. На полу и в стенах помещения расчищено множество раздробленных человеческих костей, остатки двух черепов во фрагментах, отдельные кости животных, обломки оссуария, внутри которого оказались измельченные человеческие кости, в том числе от черепа. Вследствие плотности грунта оссуарий сохранился очень плохо и распался на множество мелких фрагментов. Кроме того на полу помещения найдены железная круглая поясная пряжка с откидным язычком, большая круглая пастовая бусина, 15 фрагментов хума, обгоревшие семена (проса?) и широкогорлый кувшин, изготовленный на гончарном круге, с широким дном, почти округлым туловом, невысокой шейкой с отогнутым наружу венчиком. Петлеобразная ручка прикреплена к туловищу, наружная поверхность которого имеет го-

горизонтальное рифление. Кувшин покрыт красновато-розовым ангобом. Высота сосуда 15 см, диаметр венчика 9 см, донца 8 см.

Наус, как и инвентарь, найденный в нем, находит наиболее близкие параллели среди наусов и инвентаря из Туябугузского и отчасти Пскентского могильников (1, с. 71—79; 4, с. 131—136). Туябугузские наусы имели округлую форму в плане, но сложенные из пахсы и сырцового кирпича, а в стенах камеры находились ниши, которые не встречаются в вышеописанном наусе из Кавардана. Вместе с тем весь инвентарь, в том числе и кувшин, аналогичен инвентарю из Туябугузских наусов (1, с. 71—79; 8, с. 167). В Пскентском могильнике стены ряда наусов сложены в нижней части из пахсовых блоков, в верхней — из сырцовых кирпичей различных размеров (от 45×24×8 см до 52×27×10 см). Вдоль стен камеры находились суфы. Один из раскопанных наусов — юртообразной формы, нижняя его часть выложена из пахсы, а верхняя — мелкими пахсовыми блоками. Вместе с тем эти наусы имеют некоторые черты сходства с каварданским наусом. Так, они имели округлую форму, в некоторых из них прямоугольная или квадратная в плане камера. Вход — с выступающим порталом.

Наус из Кавардана находит близкие аналогии среди материалов из Пянджикентского некрополя. Здесь часть наусов также сложена из сырцовых кирпичей, а внутренние помещения в плане приближаются к квадрату. Но пянджикентские наусы часто имеют суфы или ниши, которые, как указывалось выше, в наусе из Кавардана не встречаются.

Недавно в районе Кавардана У. Алимов и К. Алимов исследовали еще 6 наусов. Некоторые из них представляли собой округлые в плане сооружения. В нижней части стены выложены из пахсы, в верхней — из сырцовых кирпичей крупного формата. Ряд кирпичей имел различные клейма с геометрическим орнаментом. Часть наусов по своим конструктивным особенностям близка к описанному наусу из Кавардана, но были встречены и оригинальные сооружения (3, с. 201—209). К какому времени относятся погребальные сооружения, приведенные в качестве аналога? Туябугузские наусы датируются VII—VIII вв. (1, с. 79), пскентские — серединой I тысячелетия н. э., Пянджикентский некрополь — второй половиной VII—VIII вв. (9, с. 95). Таким образом, каварданский наус относится, скорее всего, к VI — началу VIII в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агзамходжаев Т. Туябугузские наусы//ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
2. Алимов К. Памятники скотоводов Чача (Курганы каунчинской культуры в окрестностях Кавардана)//Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979.
3. Алимов У., Алимов К. Погребальные сооружения Кавардана//ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983.
4. Буряков Ю. Ф. Пскентские наусы//СА. М., 1968. № 3.

5. Буряков Ю. Ф., Ростовцев О. М., Левен Г. Д. Работы Шашилакского отряда//АО 1972. М., 1973.
6. Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975.
7. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
8. Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971.
9. Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пянджикентский некрополь//МИА. М., 1953. № 37.

М. ПАРДАЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА РАСУЛБАЙКУЛТЕПА

В 1983 г. Джизакский отряд Института археологии АН УзССР продолжил работы по составлению свода памятников бассейна нижнего течения р. Санзар. В результате обследований был выявлен ряд памятников эпохи раннего и развитого средневековья, сосредоточенных в основном на территории совхоза Коммунизм Джизакского района.

В археологическом плане данная местность изучена слабо. В 1956 г. Махан-Дарьинский археологический отряд во главе с Я. Г. Гулямовым проводил попутные маршрутные обследования на некоторых памятниках Джизакского района (1, с. 92). В 1967 г. Джизакский отряд института истории и археологии АН УзССР проводил разведывательные работы в зоне Джизакского водохранилища. Зафиксирован 21 археологический памятник ранне-средневекового и средневекового времени, несколько курганов и оссуарных погребений V—VI вв. (2, с. 331).

В связи с отсутствием на поверхности всех памятников данной местности подъемного материала, необходимостью их датировки и составления стратиграфической колонки для памятников Джизакского оазиса было решено на одном из таких объектов заложить шурф. Для этой цели было выбрано Расулбайкултепа, расположенное на восточной окраине кишлака Калия в 1,2 км к западу от центрального городища одного из рустакв средневековой Уструшаны Фекнана-Калиятапа.

Расулбайкултепа представляет собой холм прямоугольной в плане формы (60×70 м), с крутыми склонами и высотой 10 м. Памятник значительно поврежден во время земельных работ. Шурф заложен на северном склоне на 4,3 м ниже уровня репера по вершине холма, ориентирован по сторонам света и доведен до материка на глубине 13,2 м (рис. 1). Под дерновым слоем оказался сорока-пятидесятисантиметровый слой (IX ярус) комковатой структуры, под ним — сплошной строительный завал. Уже с границы X—XI ярусов зафиксированы остатки стены из сырцового кирпича (27×46×7 см; 29×47×8 см; 30—31×49—

50×9—10 см). Стена и прилегающие к ней слои располагались на плотном серо-зеленоватом грунте мощностью 50—60 см. Нижние грани стены довольно ровные, четко выделяется уровень пола. Наибольшая высота сохранившейся части — 1,7—1,8 м. В стену сверху от несохранившегося выше уровня культурного горизонта опущена мусорная яма глубиной 1,7 м, шириной 50—60 см. Заполнение ее состоит из рыхлого грунта, с незначительным количеством керамики VII—VIII вв., обломков сырцовых кирпичей и костей животных. К вскрытому углу стен примыкает с од-

*Расулбайкултепа
стр. шурф*

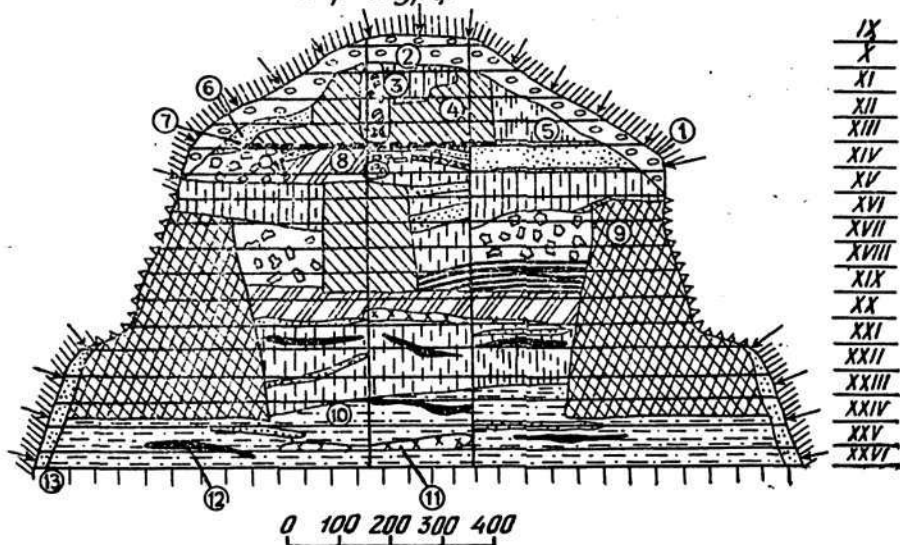

Рис. 1. Развертка шурфа. Условные обозначения:

1 — дерновый слой; 2 — оплыв; 3 — рыхлый грунт; 4 — стена из сырцовых кирпичей; 5 — обожженный слой; 6 — зола; 7 — уровень пола; 8 — плотный серо-зеленоватый грунт; 9 — крепостная стена; 10 — уплотненный культурный слой; 11 — органические остатки; 12 — горелый слой; 13 — материк.

ной стороны зольная прослойка, с другой — слой обожженной земли красного цвета. Из-за идентичности полученных по всему уровню стен и из опущенной сверху мусорной ямы керамических материалов мы условно относим весь комплекс керамики к I строительному периоду.

Керамический материал из XI—XIII ярусов представлен следующими формами: узкогорлыми кувшинами, горшками, котлами, хумча, сковородками, жаровнями (рис. 2, 1—12). Вся керамика изготовлена лепным способом, из плохо отмученной глины с покрытием коричневым (или темно-коричневым), реже светлым ангобом. Обжиг чаще неравномерный. В тесте черепка имеются примеси шамота, дресвы, песка. Подобная посуда характерна

для археологических комплексов Уструшаны (3, с. 184, табл. XVI), Согда (4, с. 105, рис. 2), Бухары (5, с. 81) и датируется VII—VIII вв. Согласно аналогиям, мы датируем I строительный горизонт этим же периодом.

С конца XIII по начало XV яруса шел разнородный слой, включающий зольно-пепельный слой, охватывающий весь запад-

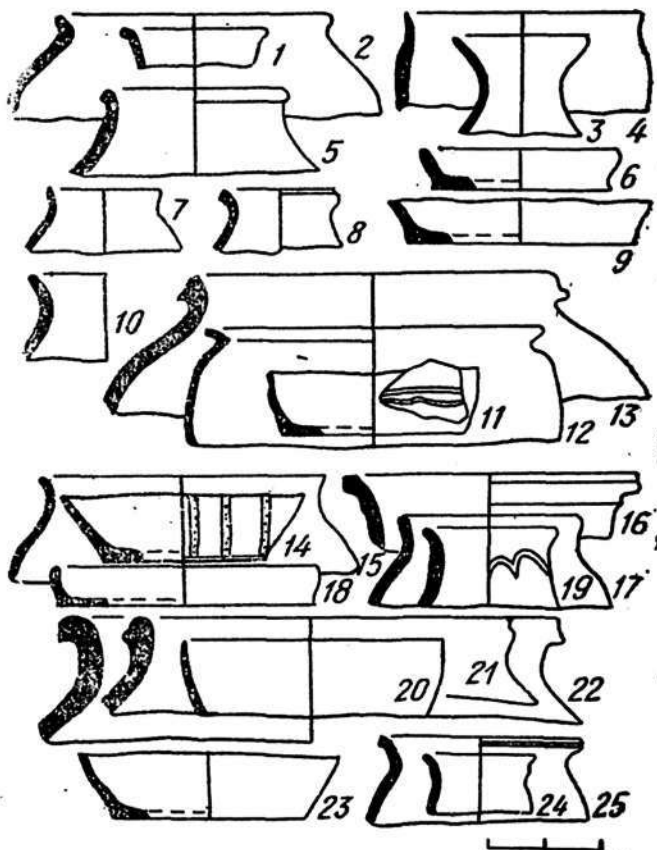

Рис. 2. Керамика Расулбайкултепа.

ный срез, слой завала, слой плотного грунта зеленого цвета, прослойка щебня и яма глубиной 50 см и шириной 60 см.

В этих слоях найдено несколько фрагментов лепной керамики грубой выделки. II строительный горизонт отмечен с начала XV по XIX ярус, где прослежен угол помещения, стены которого сооружены из пахсы, воздвигнутой, как и в I строительном горизонте, на слое плотного серо-зеленоватого грунта. Далее в срезе шурфа отмечались плотный влажный слой с кусками сырца, за-

вал средней плотности, зола, горелый слой. Из II строительного горизонта получены керамические материалы, представленные лепными хумами, горшками (на одном из них под горловиной имеется круглое отверстие для подвешивания сосуда), котлы (рис. 2, 15). Очень редко встречается посуда гончарного производства: бокалообразный сосуд (рис. 3, 2) со стенками, лощеными по вертикали, и узкогорлый кувшин (рис. 3, 7).

Эти сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины розового цвета с равномерным обжигом, покрыты темно-коричневым ангобом. Подобные сосуды широко распространены в керамике Уструшаны (6, с. 72), Согда (7, с. 63), Чача (8, с. 67, 75, 93), Бухары (9, с. 92), Северной Бактрии (10, с. 322) и памятниках каунчинской культуры, которые датированы с V—VI по VI—VII вв. Согласно аналогиям и стратиграфии, II строительный горизонт датирован нами VI—VII вв.

В XVI—XXIV ярусах зафиксирована крепостная стена из пахсовых блоков в комбинации с сырцовыми кирпичами ($50 \times 29 \times 9$; $52 \times 30 \times 10$; $54 \times 32 \times 11$ см), отнесенная нами к III строительному горизонту. Сохранившаяся высота стены 4,3 м, толщина в нижней части около 4 м. Крепостная стена воздвигнута над уплотненным культурным слоем, насыщенным горелыми и органическими прослойками с небольшим количеством керамики.

Ведущими формами керамики III строительного горизонта являлись горшки, разнообразные по формам и размерам. Диаметр их устья — 11—26 см. Они имеют полусферическое, грушевидное и округлое тулова, с плавно поднимающимися стенками. Горловина четко отличается от тулова, венчик отогнут наружу, все горшки лепные, изготовлены из плохо отмученной розовой глины с примесями шамота, дресвы, песка (рис. 3, 19—20).

Узкогорлые кувшины с туловом грушевидной формы, тонкими стенками, венчик в профиле округлый, чуть заостренный, отогнутый наружу (рис. 3, 13). В этом же керамическом комплексе отмечены котлы с намеченными ручками (рис. 3, 17).

Среди кухонной посуды встречена также плоская, круглой формы сковородка-жаровня, изготовленная из светло-розовой глины. Она неглубокая, с прямым округлым венчиком, диаметр устья и донца 24 см (рис. 2, 18).

Тагора — толстостенная, хорошо обожженная, покрытая красно-коричневым ангобом (рис. 3, 23).

Миска встречена в единственном экземпляре, имеет отогнутый с внутренней стороны венчик подтреугольной в разрезе формы и уплощенное тулово.

У хумчей — отогнутые наружу валикообразные в разрезе венчики диаметром 26—30 см. Встречаются также образцы с ангобным покрытием с обеих сторон или вертикальными подтеками по внешней поверхности (рис. 2, 14). Применялся ангоб коричневого, красного и розового оттенков.

Керамика нижних слоев Расулбайкултепа (XXI—XXIV ярусы) имеет большое сходство с керамическими материалами каунчинской культуры, датируемыми III—V вв. (11, с. 16, 138). Аналогичные хумы, котлы и кувшины были найдены на городище Афрасиаб (12, с. 70), в Бухаре (13, с. 63) и на Парманкултепа (14, с. 123), где они датируются III—IV вв. Исходя из стратиграфической колонки шурфа и приведенных аналогов, керамику III строительного горизонта и возведение крепостного сооружения

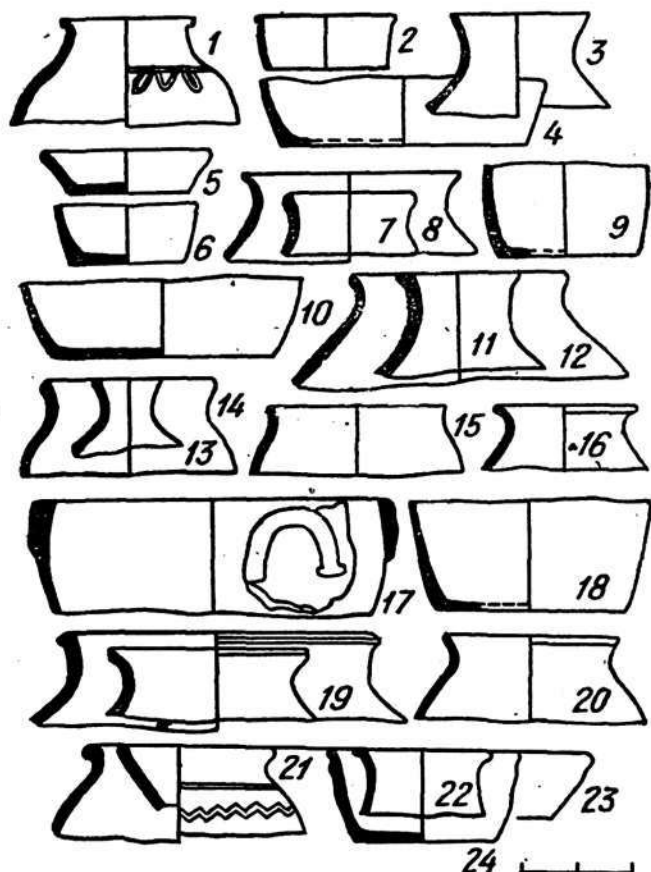

Рис. 3. Керамика Расулбайкултепа.

можно отнести к IV—V вв. Ниже XXVI яруса начинается материковый слой, состоящий из песчанистого грунта темно-желтого цвета, зафиксированный на глубину 20 см. Под крепостной стеной в слое уплотненной мелкокомковатой земли, насыщенной горелыми и органическими прослойками, обнаружено лишь несколько фрагментов красноглиняных и сероглиняных сосудов.

— Таким образом, керамика всех строительных горизонтов Расулбайкултепа принципиально не отличается как по типам форм посуды, так и по технике изготовления.

На основании предварительных исследований Расулбайкултепа выявлено три этапа обживания памятника. Начало обживания и нижний строительный горизонт датируются IV—V вв. н. э.; средний строительный горизонт — в пределах VI—VII вв.; верхний строительный горизонт — VII—VIII вв.

В дальнейшем в процессе разностороннего изучения памятников Джизакского оазиса, возможно, будет разрабатываться проблема генезиса и эволюции раннесредневековых поселений в контактной зоне земледельцев и скотоводов Северо-Западной Уст-рушаны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гулямов Я. Г. Кладбище Кулпи-сар//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
2. Касымов М. Р. Археологические работы в Узбекистане//АО 1967. М., 1968.
3. Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.
4. Брусенко Л. Г. Остатки монументального здания I в. н. э. на Афрасиабе//Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973.
5. Абдиримов Р. К изучению памятника Аксачтепа//ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.
6. Бердимуратов А., Пардаев М. Замок Кингиртепа//ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.
7. Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. Ташкент, 1981.
8. Филанович М. И. Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
9. Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Д., Адылов Ш. Керамика нижних слоев Бухары (Опыт предварительной периодизации)//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
10. Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.//МИА СССР. Вып. 66. М.—Л., 1958.
11. Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971.
12. Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973.
13. Мухамеджанов А. Р. Стратиграфический раскоп на цитадели Бухары//ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983.
14. Усманова З. И. К стратиграфии Парманкульта//ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983.

Г. И. БОГОМОЛОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОДЕЖДЕ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЧАЧА

Одежда как компонент материальной культуры и быта любой общности несет, с одной стороны, яркие признаки этнической принадлежности, с другой, является индикатором социальной

дифференциации общества. Безусловно, в одежде народов Средней Азии происходили постоянные изменения, как в любом другом явлении культуры и быта. В то же время здесь устойчиво сохранялись элементы, несущие черты старых традиций и этнической принадлежности. Так, характеризуя сюнну, китайские информаторы подчеркивали, что они носят одежду, отличную от той, которая распространена в Среднем государстве, и даже видели в этом источник нравственной силы (1, с. 185).

У народов Средней Азии общность традиции оказалась в преобладании туникообразного покрова наплечной одежды. Эта же общность сказывалась в покрое поясной одежды, форме головных уборов, обуви и даже в преобладании определенной цветовой гаммы (расцветок) тканей (2, с. 6).

Сведений о том, какова была одежда населения раннесредневекового Чача, почти нет. Находок самой одежды мало, обычно это небольшие фрагменты из культурного слоя или погребений. Тем не менее лауну можно заполнить с помощью археологических источников. Это изображения на оссуариях, терракотовых плакетках, бронзовых пластинках, монетах Чача и изображение чачев на росписи Афрасиаба. На городище Канка при вскрытии раннесредневековых напластований зафиксированы остатки одежды. В одном случае (Р № 10) — это плотное полотно рубахи (?) с грубой шерстяной веревкой. На другом объекте (Р № 12 — жилой комплекс VI—VII вв.) найдены остатки верхней одежды белого цвета из полотна и шелка. Характерны шелковая основа и уток из льна, а также фрагменты с разными швами: с короткими стежками и более грубых швов — с длинными. Кроме шелковых бытовали шерстяные и хлопчатобумажные ткани, на что косвенно указывают находки семян хлопка среди жертвоприношений в канкинском храме V—VI вв. Известно также, что арабские источники отмечают палатки и кожаную одежду среди предметов, вывозимых из Чача.

Находки ткацких грузил почти в каждом домовладении говорят о развитии ткачества как наиболее широко распространенного вида производства. Как свидетельствуют источники, вплоть до XX в. в Средней Азии ткачество резко преобладало, в нем было занято наибольшее количество ремесленников (3, с. 9). Но из этого не следует, что основным производителем тканей до XII—XIII вв. являлся город (4, с. 270). Находки ткацких грузил и в городе, и в сельских поселениях указывают на то, что это было одно из самых распространенных домашних ремесел.

Мужская одежда, видимо, состояла из рубахи свободного покроя и широких штанов. Иногда сверху надевали халат с длинными узкими рукавами. На оссуарии из Туябугуза (5, с. 119) до обжига были прочерчены человеческие фигуры, сохранившиеся не полностью. Первый персонаж был одет в длинный халат, спускавшийся до колен и перетянутый в поясе широким ремнем. Последний украшен кольцевыми вдавлениями, имитировавшими, веро-

ятно, крупные круглые нашивные бляшки. На ногах — мягкие сапоги с округлыми носками (рис. 1, 3). Второй персонаж одет в рубаху, свободно опущенную на бедра, и широкие, сужавшиеся к щиколоткам шаровары.

Ряд персонажей терракоты (всадники, барабанщик) с городища Канка одеты в халаты с длинными узкими рукавами и полами, отделанными мехом или тканью другого вида. Как считают исследователи, насечки на плечах персонажей изображают складки тяжелой ткани. Аналогичный прием наблюдается при передаче одежды в коропластике Согда (6, с. 36; 7, с. 49). Согласно Танским поэтическим произведениям, музыканты и танцоры из Чача одеты в одежды с узкими рукавами, с поясами, украшенными серебром.

Судя по образцам мелкой пластики Чача, в период раннего средневековья распашная одежда в регионе была представлена халатами двух типов: с пришитым воротником и двухсторонними отворотами треугольной формы или однобортным; с широким вырезом ворота, достоящим до линии груди и обшиваемым простроченной планкой.

Видимо, с VI в. в Ташкентском оазисе начала распространяться одежда тюркского покроя. Последнее проявилось в появлении изображений персонажей в однобортном халате с запахом на правую сторону или двухсторонним отворотом треугольной формы. Верхняя одежда (халат) оторочивалась тканью другого вида или мехом. Халат достигал колен. С одной стороны иногда делался глубокий разрез для удобства в верховой езде, как это показано на бронзовой бляшке с цитадели Канки, изображающей всадника (8, с. 72—74). В халат второго типа одет терракотовый музыкант (VI—VII вв.) с городища Канка. Оба типа одежды, видимо, сосуществовали.

Любопытные данные о древнечачской одежде обнаруживаются в китайском материале. Так, на поливном кувшине (фляге) VI в. изображена труппа западных актеров из пяти человек (10, цветная вклейка). Подобные сцены могли служить иллюстрацией к стихам китайских поэтов, воспевавших музыку и танцы соседних народов. Вместе с тем в этих стихах описывалась одежда актеров, выступавших в костюмах, традиционных для регионов, откуда происходили танцы. Извлечения из китайских хроник позволяют наметить несколько путей проникновения в Китай музыки и танцев соседних народов. Нередко они попадали вместе с караванами купцов либо в качестве свадебных или дипломатических даров. Причем в последнем случае подчеркивалась обученность актеров тому или иному танцу. Из танцев среднеазиатских народов были популярны хусюанью (происходящий из Самарканда) и хутэн и чжэчжи (из Чача).

Юношей из Ташкента (Шиго) люди видят редко,
Танцует на короточках перед винной чашей и носится,
словно птица.

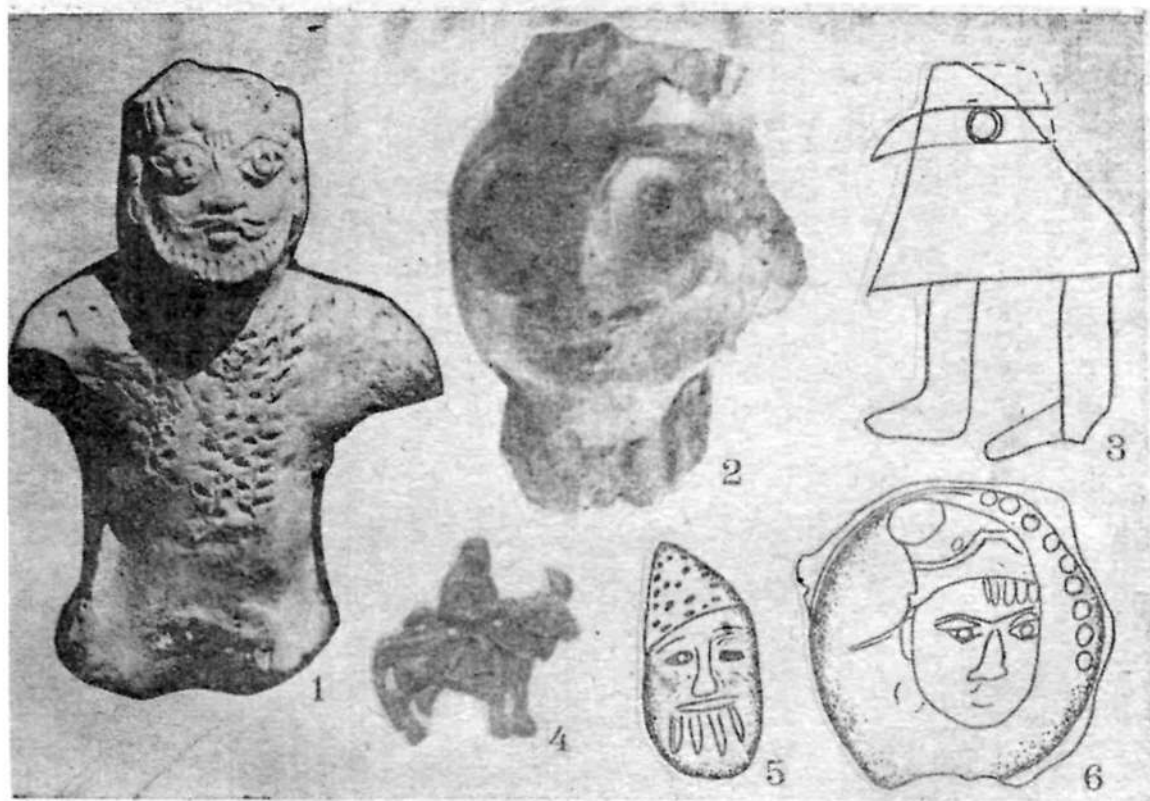

Рис. 1.

Тканая иноземная шапка, торчит острый ее конец,
 Хуское платье тонкой шерстяной ткани, маленькие рукава,
 Отбросил блюдо с виноградом,
 Поглядел на запад и вспомнил родные места,
 куда далека дорога.
 Прыгает, крутится, позванивает драгоценный пояс,
 Ногами выделяет всяческие коленца — расшитые
 сапоги мягки,
 Сидящие вокруг не болтают, все глазами впились (9, с. 130).

Отметим описанную поэтом одежду танцора — хуское (иноземное) платье из тонкой шерстяной ткани с маленькими (т. е. узкими) рукавами, отличными от широких рукавов традиционного китайского костюма, остроконечную шапку и драгоценный пояс (по-видимому, серебряный, так как серебро очень высоко котирировалось в Китае). Иллюстрацией приведенному отрывку (в переводе Б. Л. Рифтина) служит сцена на поливном кувшине VI в. из Китая, где одни актеры одеты в халаты с треугольными отворотами, другие — в халаты с широким вырезом, доходящим до линии груди. Силуэт выреза подчеркнут обшитой простроченной планкой. Халаты всех персонажей опускаются ниже колен, что вынуждает танцора подоткнуть полы халата за пояс (10, цветная вклейка).

Схожие данные дает другой танский поэт Ли Дуань в стихотворении «Танцор хутэньу».

Кожа его, как яшма, нос, словно шило, тонкий.
 Легкая одежда из белой ткани подвернута спереди и
 сзади,
 Один конец длинного пояса, разрисованного виноградом,
 свешивается вниз,
 Перед пологом на коленях стоит, говорит на своем
 языке.
 Подбирает полу*, засучивает (?) рукава, танцует
 перед господином.

* * *

Колышутся брови, в движении глаза, прыгает
 на цветном войлоке,
 Красный пот струями течет, шапка с жемчугом съехала
 набекрень,
 Пьян, уже наклоняется на восток, сгибается к западу он,
 Пара сапог мягка, истоптала все перед лампой.
 Ходит по кругу, бешено скачет с музыкой в ритм,
 Вывернуты руки, сжата талия, сам, словно изогнутая луна (9, с. 130).

Этот же сюжет развивается в поливной погребальной статуэтке из Китая, датированной 723 г. н. э. (11, цветная вклейка), по которой хорошо видно сосуществование обоих типов халатов. Танцор одет в рубаху прямого покроя с воротником-стойкой и широкие штаны, заправленные в мягкие сапоги. Поверх рубахи —

* То есть подтыкает полу халата за пояс.

халат с широким вырезом. Музыкант, аккомпанирующий ему на липе (лютне), одет в двубортный темно-коричневый халат с треугольными отворотами красного цвета. У всех актеров одинаковые головные уборы — конические колпаки мягких очертаний, загнутые конусом вперед, и кожаные сапоги красного цвета с широкими голенищами (9, с. 125; 11, цветная вклейка).

Б. Л. Рифтин отмечает устойчивость традиции, по которой «одежда танцоров и в эпоху Сун не потеряла своего первоначального вида: танцующие надевали одежды с узкими рукавами, отделанные серебром пояса, остроконечные шапки с загнутыми полями, к которым были привешаны колокольчики». Иногда шапки украшались вышитыми цветами или жемчугом (9, с. 132).

Археологические материалы из Ташкентской области позволяют предположить бытование в период раннего средневековья по крайней мере двух типов головных уборов. Наиболее распространенным был, видимо, конический колпак, который в зависимости от материала имел мягкие очертания (шерсть, сукно) или загнутые поля (войлок). На одной из монет VII—VIII вв. с городища Канка представлен правитель в островерхом колпаке (12, с. 33, рис. 1, 8), на другой монете на голове правителя — высокий конический колпак мягких очертаний (12, с. 33, рис. 1, 3). Иногда конус колпака чуть сдвинут на бок и загнут вперед (рис. 1, 6). Чачские терракоты также указывают на бытование таких колпаков. Островерхий колпак надет на мужскую голову, завершающую ручку погребушки VI в. с городища Канка (рис. 1, 5). Поверхность шапки покрыта мелкими точечными углублениями. Видимо, этим приемом мастер хотел передать фактуру материала, из которого изготовлен головной убор. Как уже отмечалось, на бытование конических шапок указывают описания танскими поэтами ташкентских танцев «хутэньу» и «чжечжи», исполнители которых носили остроконические тканые шапки (9, с. 130).

Иногда, судя по канкинским монетам, конический колпак украшался рогами или полумесяцем, покоящимся на шаре. На одной из чачских монет зафиксирован даже трехрогий колпак (12, рис. 1, 21). Островерхий колпак был, видимо, наиболее распространенной формой головного убора, имевшей глубокие корни в культурной традиции региона. Достаточно указать на сведения письменных источников о саках-тиграхауда, т. е. «носящих остроконечную шапку» (13, с. 47).

Второй тип головного убора — плоская шапочка, о бытовании которой свидетельствует анализ атрибутов одежды персонажей чачской терракоты. Так, найденная в пригороде городища Канка терракотовая мужская голова с крупной поделки (ручка крышки оссуария) была покрыта небольшой шапочкой с невысокой тульей и плоским верхом (рис. 1, 2). Тулья шапочки, видимо, декорировались нашивными пластинками в виде крупной розетки с полумесяцем под ней, а по бокам — пластинками в виде рас-

тительных побегов. В другом случае (терракотовый всадник, фигурка барабанщика) по бокам розетки находились крылья. Согласно китайским источникам, шапки украшались вышитыми цветами или жемчугом (9, с. 132).

Женская одежда не менее разнообразна, чем мужская. Изучение корoplastики региона позволяет говорить о бытовании коротких и длинных платьев, различных по материалу (легкие и тяжелые ткани), покрою и декоративной отделке. Видимо, наиболее характерен туникообразный покрой платья без воротника, с «глухим» воротом или коротким разрезом. Так, на терракотовом фризе из окрестностей городища Канка изображена лютнистка, одетая в короткое платье до колен и сапожки с отворотами (рис. 2, 12). Платье украшено короткими насечками понизу (возможно, это бахрома подола) и по плечам. В последнем случае они передают складки тяжелой ткани (14, с. 45, 15, 22—23). Отметим фигурку бегущего козла в медальоне на подоле платья. На наш взгляд, этим приемом мастер стремился показать, в какую дорогую ткань одет персонаж. В одежды из такой ткани с изображением животных одет целый ряд персонажей на росписях Афрасиаба (16, табл. VI, XXX).

Несколько иной тип одежды представлен на бронзовой пластинке из Тойтепе, где изображена жрица, как считал М. Е. Массон, в кофточке с короткими, но широкими рукавами и в расширяющейся книзу складчатой юбке (17, с. 53). На наш взгляд, это платье с опущенной (низкой) талией. Подчеркивается легкость ткани, через которую проступают формы тела. На плечи накинута длинный перекрученный шарф, который, охватывая верхнюю часть рук, ниже локтей свободно опускается вдоль тела (рис. 2, 3). Изображение «жрицы» на тойтепинской пластинке напоминает образ арфистки из росписей Пенджикента или жриц с серебряного кувшина V—VI вв. из Эрмитажа (18, с. 79). Возможно, в такое же платье (или жакет с юбкой, как у тойтепинской жрицы) одета женская фигура на оссуарии из Чанги (19, с. 114—115). Причем дополнительным элементом костюма является длинный узкий шарф с расширяющимся концом, оформленным в виде двух языков. Длина шарфа, если соизмерить его с человеческой фигурой, была более 3 метров (рис. 2, 4). Правда, неясно, как его носили: на плечах или голове, используя как покрывало.

Видимо, наряду с длинными платьями с опущенной (низкой) талией бытовали длиннопалые халаты с длинными узкими рукавами. Дополнял костюм широкий пояс, который надевался поверх платья или халата. Данных о нем пока мало. Он отчетливо виден на терракотовой фигурке лютнистки (Канка) и тойтепинском изображении жрицы (рис. 2, 2—3).

В стихотворении танского поэта Бо Цзюй-и «Танцовщица чжэ-чжи» дается описание исполнительницы ташкентского танца:

Всколыхнулись одежды из фиолетового флера,
начался танец чжэчжи.

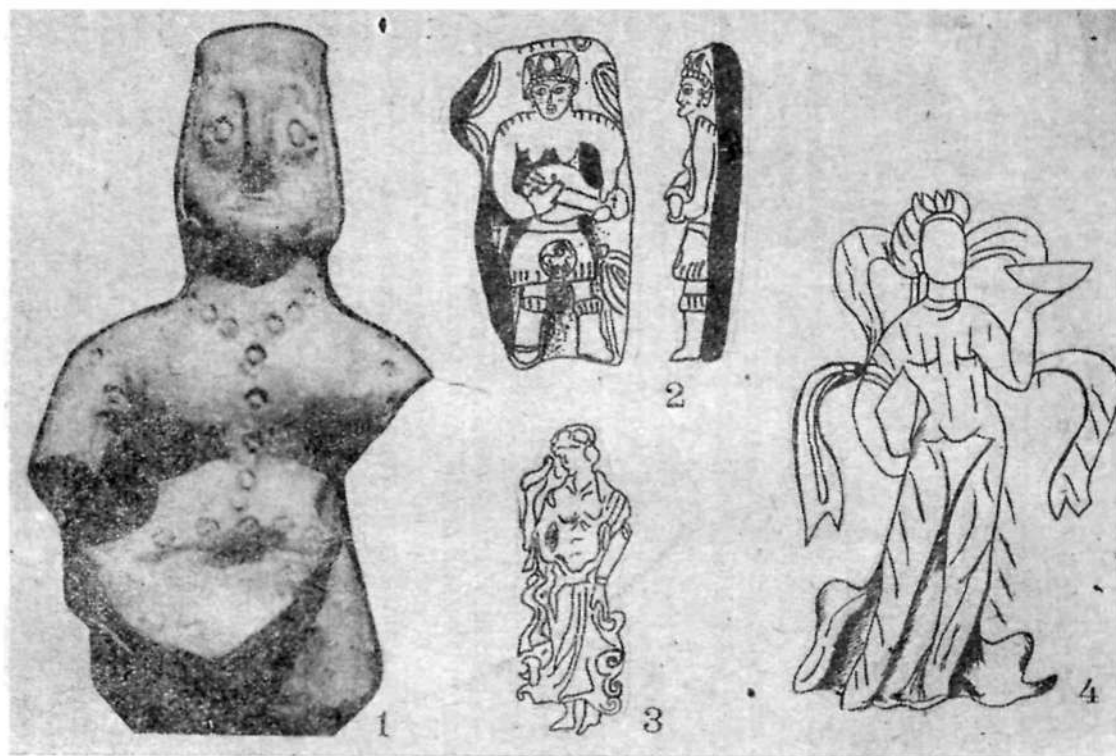

Рис. 2.

Пояс свисает, перламутром украшены бедра,
цветная талия высока.

Шапка вертится, звенят золотые колокольчики,
мелькает белоснежное лицо (9, с. 131).

Женский головной убор отличался от мужского. Невысокая плоская шапочка с наушниками, опущенными до подбородка, укрывает голову женской фигурки с курильницей с городища Канка (рис. 2, 1). Возможно, на схожие плоские шапочки, только без наушников, в отдельных случаях нашивались пластинки в виде розетки с крыльями по бокам (как у лютнистки с терракотового фриза) (15, с. 23).

О шапках, которые надевались исполнительницами ташкентского танца и украшались серебряными или золотыми колокольчиками, сообщают танские поэты (9, с. 131).

Таково краткое описание одежды раннесредневекового Чача, где в основном использованы материалы мелкой пластики, каждый из предметов которой вносит дополнительные штрихи к характеристике ташкентского костюма. Одежда Чача обнаруживает близость к общесреднеазиатским образцам, тенденцию к культурной интеграции и в то же время сохранение ряда своеобразных черт, которые прослеживаются в этнографическом материале Фергано-Ташкентского региона (20, с. 139—156).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крюков М. В., Переломов М. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
2. Лобачева Н. П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана//Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.
3. Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958.
4. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
5. Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.
6. Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962.
7. Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977.
8. Богомолов Г. И. Изображения всадников с городища Канка//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
9. Рифтин Б. Л. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая//Проблемы востоковедения. 1960. № 5.
10. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
11. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII—XII). М., 1984.
12. Ртвеладзе Э. В. Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача//ОНУ. 1982. № 8.
13. История народов Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 1950.
14. Абдуллаев К. А. Уникальная находка терракотового фриза//ОНУ. 1974. № 2.
15. Буряков Ю. Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса. Ташкент, 1978.
16. Альбаум Л. И. Живопись Афраснаба. Ташкент, 1975.

17. Массон М. Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
18. Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
19. Буряков Ю. Ф., Богомоллов Г. И. К семантике изображений на оссуарии из кишлака Чанги//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
20. Рассудова Р. Я. Сравнительная характеристика мужской одежды населения Фергано-Ташкентского региона (XIX—XX вв.)//Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.

Б. АБДУЛГАЗИЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

МАРХАМАТСКОГО РАЙОНА АНДИЖАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В Мархаматском районе находятся остатки столичного центра древней Ферганы — городища Мингтепа (Мархамат), через который проходил Великий шелковый путь. Сплошное обследование имеет особую актуальность, потому что дает возможность охарактеризовать памятники этого района. Собранные материалы представляют собой базовый источник для составления свода археологических памятников Андижанской области.

Мархаматский район расположен в пойме на левом берегу нижнего течения Аравансая, в южной части Андижанской области, в 25 км южнее областного центра — г. Андижана. Территория района представляет собой равнину, окаймленную полукольцом с юго-запада и юго-востока Палванташской адырной грядой. Основным водным источником является Аравансай.

Памятники располагаются отдельными группами-микрооазами, концентрируясь вокруг наиболее крупного, и занимают не только равнину, но и адыры, пригодные для земледелия. Центром района являлось городище Мингтепа, вокруг которого было сосредоточено наибольшее количество памятников, ныне полностью уничтоженных.

Городище Мингтепа впервые было зафиксировано в 1939 г. М. Е. Массоном (14, с. 154—155). В 1950 г. Памиро-Ферганская экспедиция под руководством А. Н. Бернштама проводила на городище археологические раскопки. Внутри городища было заложено три стратиграфических раскопа, а также вскрыта оборонительная башня на крепостной стене. В результате установлено, что расцвет жизни городища приходится на II в. до н. э. — II в. н. э. (3, с. 224—230). В дальнейшем, проведя археологические исследования в Фергане и на основе анализа китайских хроник (4, с. 165), А. Н. Бернштам локализовал столицу государства Давань Эрши на развалинах городища Мингтепа (3, с. 228). К изучению Мингтепа обращались и другие исследователи. В 1973 г. на одном из холмов внутри городища был заложен стратиграфический раскоп Ю. А. Заднепровским (9, с. 480—481), а в 1986 г.

~~Б. Х. Матбабаевым. Была получена расписная и крашеная керамика шурабашатского типа — эпохи ранней античности.~~

Большие работы по исследованию археологических памятников района были проделаны в 1956 г. В. И. Козенковой. Ею проводились раскопки на Мархаматском и Токузбулакском могильниках (12, с. 57, 60—61).

В 1973 г. Ю. А. Заднепровским зафиксировано поселение Мунчактепе, расположенное в 8 км юго-западнее городища Мингтепа (9, с. 481). На Лумбитепа был заложен шурф, вскрыт верхний слой, датируемый ранним средневековьем. Шурф до материка доведен не был (там же, с. 480).

Сплошное обследование археологических памятников Мархаматского района было начато в 1981 г. в связи с составлением Свода памятников. Производились картографирование, топографическая съемка памятников, при наличии обнажений культурных слоев — зачистки и черчение разрезов, на отдельных памятниках закладывались шурфы. Датировались памятники на основе подъемного материала и результатов раскопок.

Памятники концентрировались вокруг городищ и поселений типа замков и усадеб.

В районе исследовано более 40 памятников (рис. 1), отличающихся друг от друга планировкой и площадью. Основную массу составляют отдельно стоящие тепа площадью 0,01—0,05 га. Выделяются городища и усадьбы разной величины. В связи с этим важно классифицировать их по типам для определения функционального назначения.

Типологическая классификация памятников Ферганы приводилась в работах ряда авторов. На основе внешних признаков — величины и планировки — выделялись типы городских и сельских поселений (12, с. 59; 3, с. 217—218; 13, с. 146—147; 8, с. 307—308, 312—313; 5, с. 13), а по данным археологических раскопок — функциональное назначение некоторых типов (7, с. 109—114). В целом же типология поселений Ферганы разработана недостаточно полно. По мере накопления новых материалов в нее могут быть внесены дополнения и изменения. Более значительные результаты получены при археологических исследованиях других областей Средней Азии.

На основе результатов исследований памятников древней Бактрии Э. В. Ртвеладзе отмечает как основной признак города трехчастное деление: цитадель, собственно город, «пригород» (19, с. 25), что было характерно и для средневекового города. По данным В. И. Распоповой, цитадель в городе занимает незначительную площадь (18, с. 23), а по результатам работ Ю. Ф. Бурякова в Шаше, не превышает 25% общей площади (6, с. 11). Для сельских поселений, как считают исследователи, характерны замки и усадьбы (17, с. 121—122, 132; 18, с. 24). В монографии В. А. Нильсена одна глава посвящена сельским поселениям, которые он подразделяет на замки, кешки феодалов и жилища про-

стых крестьян (16, с. 186—189) и отмечает их характерные признаки. В отдельных монографиях рассматриваются сельские поселения поры поздней античности и раннего средневековья Южного Согда (10, 11) и афригидского Хорезма (15), в числе которых авторы выделяют несколько типов: замки, усадьбы и отдельно стоящие дома. Характеристика типов усадеб и кешков феодалов

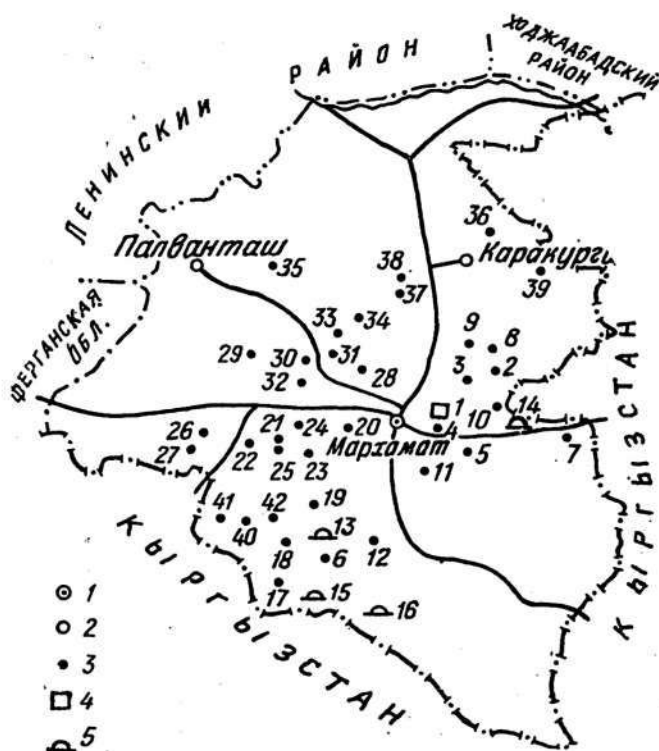

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников Мархаматского района. Условные обозначения:

1 — современный город; 2 — современный населенный пункт, 3 — городище; 4 — поселения; 5 — могильники.

VI—VII вв. Южного Туркменистана дана Г. А. Пугаченковой (17).

Учитывая опыт археологов и свои наблюдения, автор подразделяет исследованные памятники Мархаматского района на следующие категории: города; сельские поселения; крепости, убежища; погребальные памятники. Деление это условное, поскольку только после раскопок можно определить назначение памятника. Здесь не приводится и раздельная типология по хронологическим периодам по той причине, что они не всегда отличаются по внешним признакам.

К категории городов отнесены поселения правильной прямоугольной формы с четко выраженной системой фортификации и цитаделью. В районе имеется только один город — Мингтепа, площадью около 40 га, второй по величине город Ферганы (после Шурабашата).

Сельские поселения многочисленны, подразделяются на два типа. Первый тип — поселение с замком (тепа с площадкой) площадью 0,4—0,8 га. Поселение квадратной или прямоугольной в плане формы, возвышается над окружающей местностью на 2—10 м, окружено стеной, въезд пандусный. С одной стороны или в центре (Нортэпа-1) либо в одном из углов (Лумбитэпа) расположен холм — руины замка прямоугольной или округлой формы, также обнесенные толстой стеной. Вокруг таких усадеб располагались на расстоянии 100—500 м небольшие тепа — руины домов. Второй тип — отдельно стоящий дом. По величине и форме подразделяется на два варианта. Первый — дом-массив площадью 0,2—1,2 га, прямоугольной или округлой в плане формы, высотой 4—10 м, с крутыми склонами и сравнительно ровной верхней площадкой, с пандусным въездом. Второй, наиболее многочисленный — поселения различных форм и величин: овальные, круглые, прямоугольные высотой 2—5 м, площадью 0,01—0,2 га. Назначение их разное. Раскопки, проведенные на ряде поселений Ферганы, показывают, что это укрепленные дома внутри мощной (толщиной до 5—7 м) обводной стены типа небольших замков, усадеб, сигнальных башен, культовые сооружения.

Крепости, убежища площадью 0,5—2 га, прямоугольной или подтреугольной формы, укрепленные, с башнями по углам и на пролетах стен. Один въезд — с проходом в стене или пандусный — фланкирован башней с одной или двух сторон. Валы стен высотой 2—5 м, внутреннее пространство без видимых следов застроек. Расположены на окраинах земледельческого оазиса как укрепления, сторожевые посты (Караулота), охраняющие подступы со стороны адыров и гор, или в центре земледельческих микрооазисов как крепости-убежища на случай осады (Баховидинтепа). Видимо, они могли быть и караван-сараями, так как расположены на магистральных торговых путях.

Погребальные памятники. Имеются курганные могильники с земляной насыпью округлой формы (диаметром 19—30 м, высотой 1—1,5 м) или с каменной насыпью (диаметром 4—10 м, высотой 0,2—1 м), погребения в грунтовых ямах с труположением и сопровождающим инвентарем, состоящим из керамических сосудов и украшений. Имеются отдельные находки погребений в оссуариях, свидетельствующие о существовании и маздеистского обряда захоронения (Лумбитэпа).

Приведем краткую характеристику исследованных памятников с указанием их расположения относительно городища Мингтепа, а также административные деления.

1. Мингтепа — городище, расположенное на восточной окраине

г. Мархамат. Прямоугольной формы, площадью около 40 га, с мощной системой оборонительных сооружений: цитаделью, крепостными стенами, фланкированными башнями. Внутри городища выделяются крупные тепа — остатки древних построек. В городище вело четверо ворот. В настоящее время сильно разрушено — южная стена спланирована, из 16 тепа сохранилось только два. Датируется IV в. до н. э. — I—IX вв. н. э.

2. Алитепа — замок с поселением, расположен в 2 км к северо-востоку от городища Мингтепа, в плане прямоугольной формы (60×115 м), двухъярусный, с более возвышенной частью (замком) в центре. Общая высота памятника 9—10 см. Датируется III в. до н. э. — I—VIII вв. н. э.

3. Юлбарстепа — замок, находится в 4 км северо-западнее городища Мингтепа на территории колхоза им. Свердлова, в махалля Ташюлы. Памятник прямоугольной формы с оплывшими углами, ориентированными по сторонам света. Размеры по основанию 40×80 м. Верхняя площадка прямоугольной формы — 18×22 м, высотой 6 м. Датируется III—V вв. н. э.

Вокруг Юлбарстепа были расположены более 10 небольших тепа различных форм и величин: прямоугольные (размерами 15×20, 20×25 м), округлые (диаметром 20—25 м, высотой от 2 до 5 м). Видимо, они представляли собой отдельно стоявшие дома. В настоящее время все они разрушены.

Подъемный материал — красноангобированная керамика с лощением, чаши с перегибистым туловом, кружки с петлевидной ручкой, с непрочным красным ангобом и безангобные. Датируются III в. до н. э. — I—VIII вв. н. э.

4. Группа памятников из 21 тепа находится южнее городища Мингтепа, на территории колхоза им. Свердлова. Тепа небольшие, различных форм и величин: прямоугольные (размерами 15×20, 20×25 м), округлые (диаметром 20—25 м, высотой 2—4 м). Впервые зарегистрированы в 1956 г. В. И. Козенковой. Большинство из описанных тепе ныне не существует.

Подъемный материал — красноангобированная керамика с лощением. Датируется III в. до н. э. — I—VIII вв. н. э.

5. Базарбаши — отдельно стоявший дом в 3 км юго-восточнее городища Мингтепа, на территории колхоза им. Свердлова, на южной окраине к. Базарбаши. Памятник прямоугольной формы (18×25 м), высотой 2,5—3 м.

Подъемный материал — красноангобированная керамика. Датируется III—IV вв. н. э.

6. Джингиртепа находится на территории колхоза им. Свердлова, к югу от г. Мархамат, на первой гряде адыров, на естественной скале прямоугольной формы, размерами 20×40 м, с крутым северным, почти отвесно спускающимся в низину склоном. Возможно, это был замок, выполнявший функции сторожевого сигнального поста, откуда хорошо просматривалась долина, а также плато, простирающееся к югу.

Подъемный материал — поливная гончарная и лепная расписная керамика, характерная для эпохи Караханидов. Датируется IX—XII вв.

7. Караулота — крепость, расположенная на территории колхоза им. Свердлова, в 6 км восточнее городища Мингтепа, на первой адырной гряде. Планировка его подчинена естественному рельефу местности. Укрепление окружено крепостными стенами подтреугольной формы с башнями по углам, самая высокая из которых (10 м) — северо-восточная. Въезд в западной стороне между двумя башнями. Внутреннее пространство без видимых следов построек. Размеры: длина 100 м, ширина 40 м.

Подъемный материал — красноангобированная керамика с процарапанным орнаментом. Датируется III в. до н. э.— V в. н. э.

8. Нортепа-1, поселение с замком, в 4 км к северо-востоку от городища Мингтепа. Памятник подпрямоугольной формы (47×74 м). В южной части возвышается холм — руины замка квадратной в плане формы с длиной сторон 17 м, высотой 10 м, с крутыми северо-восточным и северо-западным склонами. Подъемный материал — красноангобированная керамика с лощением, есть с процарапанным орнаментом. Датируется III—II вв. до н. э.— IV в. н. э.

9. Нортепа-2 — замок, расположенный в 500 м западнее Нортепа-1. Округлой формы диаметром 70 м понизу, высотой 10 м. Памятник полностью разрушен. Обнаружены врытые в землю огромные хумы (высотой до 150 см) с широким устьем, характерные для первых вв. до н. э. и первых вв. н. э. Датируется III—II вв. до н. э.— IV в. н. э.

20. Мазартепа — поселение с замком, находится в 5 км к северо-востоку от городища Мингтепа. Поселение — прямоугольной формы (70×100 м), ориентировано по линии север—юг, сильно уплощено, высотой 2 м, с остатками замка в южной части. Замок — прямоугольной формы (18×30 м), возвышается над поселением на 1 м. На поселении — современное мусульманское кладбище.

Подъемный материал — красноангобированная керамика. Датируется I—IV вв. н. э.

11. Акмачит — дом-массив на территории колхоза им. Калинина, на южном берегу Южного Ферганского канала. Поселение — прямоугольной формы (50×60 м), высотой 4 м, сильно разрушено. О земледельческом характере занятий населения свидетельствуют находки огромных хумов, каменных зернотерок.

Подъемный материал — красноангобированная керамика, в том числе чаша, украшенная процарапанным орнаментом с изображением стилизованного дерева. Датируется III—II вв. до н. э.— III—IV вв. н. э.

12. Мунчактепа — дом-массив в колхозе им. Свердлова, в 4—5 км южнее городища Мингтепа. Сильно разрушено планировочными работами на полях. Датируется I—IV вв. н. э.

13. Мархаматский могильник находится в 4 км юго-западнее городища Мингтепа. Насчитывает более 50 курганов, расположенных группами на расстоянии 1,5—2 км до самых предгорных адыров. Насыпи — высотой 0,2—1 м из крупных валунов и гальки диаметром от 4 до 8—10 м. Исследован В. И. Козенковой в 1956 г. Раскопаны 7 курганов, погребения в грунтовых ямах, на спине (12, с. 60—61). Датируются I—IV вв. н. э.

14. Могильник Чиян — на территории колхоза им. Свердлова, в к. Чиян, к востоку от городища Мингтепа. Могильник состоит из девяти курганов, расположенных цепочкой. Насыпи — земляные с небольшими камнями. Диаметр курганов от 19 до 30 м, высота 1,0—1,5 м. Все курганы в центре имеют грабительские дудки. Памятник исследован В. И. Козенковой в 1956 г.

15. Могильник Токузбулак-1 — на территории колхоза им. Свердлова. Состоит из 12 курганов. Высота насыпей 20—30 см; диаметр 4—6 м. Насыпи плоские, из камней. Исследованы В. И. Козенковой в 1956 г. Произведены раскопки трех курганов, в которых погребения совершены в грунтовых ямах, без вещей.

16. Могильник Токузбулак-2 отстоит от могильника Токузбулак-1 на расстоянии 4 км. Состоит из 17 курганов с плоскими каменными насыпями высотой 25—30 см, диаметром 4—6 м. Зафиксирован В. И. Кощенковой в 1956 г. Раскопки не производились.

17. Группа памятников из 30 тепа — отдельно стоявшие дома на территории колхоза им. Калинина. Поселения небольшие, различных форм и величин: прямоугольные (15×20, 20×25 м); округлые (диаметром 15—25 м); высотой 3—4 м.

Подъемный материал — красноангобированная керамика с лощением и процарапанным орнаментом. Датируется III—II вв. до н. э. — IV в. н. э.

18. Безымянное тепа — отдельно стоящий дом, на территории колхоза им. Калинина, округлой формы, площадью 1 га. Ныне памятник полностью разрушен. Подъемный материал — глазурованная керамика караханидского периода. Датируется IX—XII вв.

19. Группа из 4 тепа — отдельные дома, на территории колхоза им. Калинина. Небольшие поселения округлой формы, сильно разрушены, общей площадью 0,2 га. Датируются IX—X вв.

20. Лумбитепа — поселение с замком, расположенное в 6 км западнее городища Мингтепа, на территории колхоза им. Калинина. Поселение прямоугольной формы (65×90 м), ориентированное по линии запад—восток, с ровной верхней площадкой высотой 7 м, с крутыми склонами, более пологими в северо-восточном углу, где, видимо, был пандусный въезд. В юго-восточном углу поселения выделяется прямоугольный холм — руины замка (15×18 м) с крутыми склонами высотой 3 м. С трех сторон — южной, северной и западной — памятник сильно разрушен, обнажилась внешняя стена, возведенная из сырцовых кирпичей. Сильно

пострадал и замок — в центре местными жителями вырыта яма круглой формы диаметром 3 м, глубиной 2 м.

Вокруг Лумбитепе, по сообщению местных жителей, находилось около 10 небольших тепа разной формы и величины: округлые (диаметром 20—30 м), прямоугольные (размерами 20×30, 25×30 м), высотой 3—5 м, отстоящие друг от друга на расстоянии 50—200 м. В восточном направлении, в сторону городища Мингтепа, цепочкой тянулись бугры примерно такой величины, как вышеописанные. Ныне все они разрушены.

С 1988 г. на Лумбитепе ведутся раскопки. На западном склоне заложен шурф, доведенный до материка. Установлено, что Лумбитепе — это укрепленное многослойное поселение с четырьмя строительными горизонтами. Первоначальное поселение возникло в III—IV вв. н. э. В верхнем горизонте (VIII в. н. э.), вскрыты более 20 помещений и большой двор, расположенные к северу и западу от замка. Комплекс керамики верхнего горизонта не отличается большим разнообразием форм, превалирует лепная посуда. Характерны чаши (чаши-кружки) с волнистым бортиком и преломлением тулова, дисковидные налеты над ручками кружек и кувшинов, котлы с наклепными ручками подковообразной формы с миндалевидными углублениями в основании. Этот комплекс находит аналогии в керамике верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.) (2, с. 282, рис. 21, с. 290, рис. 30, 32), а котлы — в керамике Семиречья (VII—VIII вв.) (1, с. 79, рис. 2). Отдельные находки поливной и штампованной керамики в замке позволяют сделать предположение о его обживании в X—XII вв.

21. Кургантепа (Казантепа) — замок, расположенный на территории колхоза им. Калинина, в 4 км юго-западнее Лумбитепе. Поселение подпрямоугольной формы с длиной сторон по верхней части 30 и 35 м, высотой 6—7 м. В верхней части в микрорельефе по периметру прослеживаются остатки строений в виде вала с небольшим двориком в центре с входом в западной стороне. Датируется V—VIII вв. н. э.

22. Безымянное поселение-1 — отдельно стоящий дом, в 300—400 м западнее Кургантепа, имеет с ним одинаковые размеры. Ныне почти полностью разрушено. Подъемный материал — гончарная красноангобированная керамика, в том числе чаши с перегибистым туловом, стенки сосудов с процарапанным орнаментом, жернов ручной мельницы диаметром 35 см. Датируется V—VI вв. н. э.

23. Безымянное поселение-2 — отдельно стоящий дом, в 1,5 км к юго-востоку от Кургантепа. Небольшое, округлой формы (диаметром 15—25 м понизу) с прямоугольной верхней площадкой с длиной сторон 10—12 м, высотой 6 м. Склоны крутые, юго-западный — пологий.

Подъемный материал — гончарная красноангобированная керамика, чаши с перегибистым туловом. Датируется первыми веками н. э.

24. Мазартепа — отдельно стоящий дом, расположен в 1,5 км западнее Лумбитепа, на территории колхоза им. Ильича. Округлой формы (диаметром 50 м), сильно уплощенное, в южной части выделяется невысокий холм — руины кешка прямоугольной формы размерами 12×25 м, высотой 1 м. Поселение занято современным мусульманским кладбищем.

Подъемный материал — красноангобированная керамика. Датируется первыми веками н. э.

25. Группа памятников из трех тепа — отдельно стоящие дома, расположенные на территории колхоза им. Ильича, около к. Шукурмерген. Тепа — небольшие, округлой формы (диаметром 15—20 м), высотой 2—3 м, находятся друг от друга на расстоянии 100—150 м.

Подъемный материал — красноангобированная керамика. Датируется III—IV вв. н. э.

26. Баховодинтепа — крепость, в 10 км западнее городища Мингтепа, на территории колхоза им. Ильича. Окружена оборонительной стеной прямоугольной формы с длиной сторон 80 м, высотой 6 м, с оборонительной башней в юго-западном углу. В северо-западном углу находятся руины замка. Внутри крепости следов других строений в микрорельефе не прослеживается. Видимо, рядом с Баховодинтепа находилось поселение, о чем свидетельствуют находки керамики во время земляных работ.

Подъемный материал — гончарная керамика с тусклым красным ангобом и безангобная с ангобными полосами красного цвета вдоль тулова сосудов. Датируется III—VI вв. н. э.

27. Группа из 8 тепа располагалась вокруг Баховодинтепа на расстоянии 300—500 м. Представляла собой отдельно стоящие дома, из которых сохранилось только два, находившихся южнее крепости и, судя по подъемному материалу, существовавших одновременно с ней.

28. Група памятников из 13 тепа — отдельно стоящие дома, расположенные в к. Найман, на территории колхоза им. Энгельса. Небольшие поселения — округлой формы, общей площадью 1,3 га. В настоящее время все они разрушены. Исследованы В. И. Козенковой в 1956 г. Датируются III в. до н. э. — IV в. н. э.

29. Группа из 2 тепа находится на территории колхоза им. Ильича, в 6 км западнее городища Мингтепа. Поселения округлой формы (диаметром 20—25 м), высотой 4—5 м. На них — современное мусульманское кладбище.

Подъемный материал — красноангобированная керамика. Датируется I—IV вв. н. э.

30. Шорттепа — группа из 5 тепа, расположена на территории колхоза «Пахтакор», в 2 км севернее города Мархамат. Поселения отстоят друг от друга на 200—300 м. Они небольшие, плоские, округлой формы (диаметром 30—50 м), высотой 2—2,5 м. Все заняты современным мусульманским кладбищем.

Подъемный материал — красноангобированная керамика. Датируется первыми веками н. э.

31. Безымянное тепа (Мазартепа-1) на территории колхоза «Пахтакор», в 600 м юго-восточнее вышеописанного поселения. Памятник небольшой, округлой формы (диаметром 20—40 м), высотой 2 м, сильно разрушен.

Подъемный материал — красноангобированная керамика. Датируется первыми веками н. э.

32. Муминбайтепа — крепость, расположенная севернее г. Тулга, на территории колхоза «Пахтакор». Прямоугольной формы (80×90 м), с оборонительными башнями в углах и на пролетах стен, с входом в северной стене и замком в северо-восточном углу высотой 6 м. Внутри крепости следов строений в микрорельефе не прослеживается. В 50—100 м к югу и западу от крепости имеются небольшие плоские возвышения, возможно, остатки массива жилых сооружений.

Подъемный материал — красноангобированная керамика. Датируется первыми веками н. э.

33. Мазартепа-2 расположено в 1,5 км восточнее от крепости Муминбайтепа. Поселение прямоугольной формы (40×50 м), высотой 6 м. Юго-восточная сторона более пологая, здесь выделяется шлейф, вероятно, остатки пандуса.

Подъемный материал — красноангобированная керамика. Датируется первыми веками н. э.

34. Группа из 7 тепа расположена на территории колхоза им. Комсомола. Памятники находятся друг от друга на расстоянии 100—150 м, небольшие, округлой формы, высотой 3—5 м, общей площадью 0,5 га. Датируются III в. до н. э.— IV в. н. э.

35. Аралтепа — на территории совхоза «60 лет комсомола», в 9 км к северо-западу от городища Мингтепа, на восточной оконечности адырной гряды, протянувшейся с запада на восток, начиная от поселка Палванташ. Поселение состоит из трех расположенных цепочкой бугров, из которых сохранился только самый крупный, находившийся посередине — Аралтепа. Это памятник неправильной прямоугольной формы, с величиной сторон: западной — 44 м, восточной — 50 м, северной — 70 м, южной — 50 м, высотой 15 м. Склоны поселения очень крутые, с юго-восточной пологой стороной со шлейфом, где в рельефе замечен пандусный въезд и провал небольшого двора. В 1981 г. на южном склоне был заложен шурф. Выявлено два строительных горизонта с общей толщиной культурного слоя 5 м. Установлено, что поселение было окружено толстой (6 м) внешней стеной с внутрискладным коридором-галереей шириной 1,2 м. Керамический материал обоих строительных горизонтов больших различий не имеет и состоит из гончарных красноангобированных сосудов с вертикальным полосчатым лощением, лепных мисок с включением в тесто шамота и дресвы, очажной подставки, находящихся аналогии в памятниках шурабашатской культуры первых вв. н. э. Наличие

среди подъемного материала керамики V—VI и XV вв. свидетельствует о продолжительности обживания Аралтепа. Датируется II в. до н. э.— VIII и XV вв.

36. Каракурбан находится в одноименном кишлаке, на территории совхоза «50 лет Октября», в 6 км восточнее городища Мингтепа. Поселение округлой формы диаметром по подножию 90—120 м, высотой 10—12 м, с ровной верхней площадкой длиной 30 м, шириной 32 м, с крутым северо-восточным и пологим юго-западным склонами. Датируется III—II вв. до н. э.— IV—VI вв. н. э.

37. Чангалмазар и группа из 19 тепа расположены на территории совхоза «50 лет Октября», в 4 км севернее городища Мингтепа. Памятники небольшие, округлой формы. Самый крупный из них — Чангалмазар, по форме — тепа с площадкой размерами 35×55 м. В северо-восточной части — руины замка прямоугольной формы (в верхней части 12×15 м), высотой 6 м. Датируется III—VI вв. н. э.

38. Безымянное тепа на территории совхоза «60 лет комсомола», в 500 м севернее поселения Чангалмазар. Памятник прямоугольной формы размерами 36×46 м, высотой 2,5—3 м, со сравнительно ровной верхней поверхностью, слегка возвышающейся в северную сторону. Памятник со всех сторон разрушен.

Подъемный материал — красноангобированная керамика. Датируется III—VI вв. н. э.

39. Кизылаяк расположен в одноименном кишлаке, на территории совхоза «50 лет Октября», в 7 км севернее городища Мингтепа. Поселение сильно разрушено при проведении дороги, верхняя часть асфальтирована для сушки хлопка. Первоначально имело округлую форму (диаметром 50—60 м), высотой 6 м (сохранилось в высоту на 3 м). В разрезе видны сырцовые кирпичи, видимо, внешней стены. Памятник представляет собой остатки поселения усадебного типа. Датируется V—VIII вв. н. э.

40. Группа из 5 тепа — на территории совхоза им. Ленина. Памятники небольшие, удлиненной формы, площадью по 0,03 га, высотой 2—3 м. Датируются III—II вв. до н. э.— IV в. н. э.

41. Кургантепа — на территории колхоза им. Ленина. Поселение небольшое, треугольной формы, высотой 1,5—2 м, площадью 0,03 га. Датируется VIII—X вв.

42. Безымянное тепа на территории колхоза им. Ленина. Удлиненной формы, площадью 0,03 га, высотой 2 м. Датируется VIII—X вв.

Итак, подводя итоги исследований археологических памятников Мархаматского района, следует отметить, что освоение его оседло-земледельческими племенами относится к середине I тысячелетия до н. э. Расцвет обживания района связан с античным периодом, о чем свидетельствуют статистические данные: наибольшее количество исследованных памятников — 31 — относится к этому периоду. К эпохе раннего средневековья число памятни-

ков уменьшилось почти вдвое (17), что отмечается и в других местностях Средней Азии.

Исследованный район в древности являлся, видимо, отдельной административной единицей с центром в городище Мингтепа и системой укреплений на окраинах (крепости Караулота, Джингиртепа и др.), охранявших подступы к земледельческому оазису, как это было и в других районах Ферганы (7, с. 115).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байпаков К. М. Керамика средневекового Кулана//Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
2. Бентович И. Б. Керамика нижнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.)//МИА. 1964. № 124.
3. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая//МИА. 1952. № 26.
4. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. 2. М.—Л., 1950.
5. Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
6. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
7. Горбунова Н. Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования)//СА. 1977. № 3.
8. Заднепровский Ю. А. Фергана//Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
9. Заднепровский Ю. А., Дружинина Е. В. Работы Ферганской экспедиции//АО 1973. М., 1974.
10. Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977.
11. Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. Ташкент, 1981.
12. Козенкова В. И. Археологические работы в Андижанской области//КСИИМК. Вып. 76. 1959.
13. Латынин Б. А. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г.//АСГЭ. Вып. 3. 1961.
14. Массон М. Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976.
15. Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
16. Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966.
17. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//ТЮТАКЭ. Т. 6. М., 1958.
18. Распопова В. И. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового Согда//УСА. Вып. 4. 1979.
19. Ртвеладзе Э. В. К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сурхандарьинской области//Древний город. Средней Азии. Тезисы докладов. Л., 1973.

ЗАМЕТКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ НУМИЗМАТИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ. ЧАСТЬ II (КАРАХАНИДЫ, ВЕЛИКИЕ СЕЛЬДЖУКИ)

Монеты Кадыр-хана II

Первым из Караханидов, кто помещал на монетах титул Кадыр-хан, был Йусуф б. Харун. Как свидетельствуют рукописные источники, подтверждаемые нумизматическими данными, Йусуф скончался в 423/1032 г. Однако в течение нескольких последующих лет титул Кадыр-хан продолжал помещаться на некоторых выпущенных в пределах Ферганы монетах, данные о которых сведены для наглядности в таблицу*.

Как видно по данным таблицы, на монетах 425—30/1033—39 гг. упомянуты Кадыр-хан, Тонга-хан, Куч-тегин, Сулайман и Малик. По мнению Б. А. Литвинского, титул Куч-тегин носил Мухаммад б. Наср б. Али (5, с. 116—117), нами же было доказано, что Тонга-хан-Мухаммад б. ал-Хасан, Сулайман б. Шихаб ад-Даула — родной брат последнего, а также покойного Кадыр-хана Йусуфа. Малик же есть второе имя (прозвище?) Караханида Аббаса б. Мухаммада б. Насра (6, с. 120, сл.; 7, с. 371), фигурирующего на монетах Ахсикета 426—28/1034—37, 430/1038—39 гг. и Касана 427/1035—36, 429/1037—38, 430/1038—39 гг. как Муизз ад-Даула Абу-л-Музаффар Малик или Малик б. Сайф ад-Даула. По поводу титула Кадыр-хан существуют три точки зрения.

По мнению М. Н. Федорова, Мухаммад б. Наср и Аббас не желали признавать себя вассалами кого-либо из сыновей Кадыр-хана, но в то же время опасались «открыто заявлять о своем неповиновении кашгарскому правящему дому», а потому упоминали на монетах их покойного отца, чтобы продемонстрировать «преданность», «видимость лояльности» этому дому, оставаясь при том «самостоятельными», «фактически независимыми», ибо никто из здравствующих ханов сюзеренами не называли (3, с. 226;

* Приведенные в таблице монеты см.: № 1, 2, 9, 11 (1, с. 925, № 384f; с. 925, № 384q; с. 851, № 384h; с. 851, № 384i), № 3 (2, с. 115—116, № 222), № 4, 7 — собрание отдела нумизматики Гос. музея изобразительных искусств (ГМИИ) в Москве, планшеты 77; № 5 — из находок В. Д. Горячевой в Узгенде (1972 г.); № 6 — коллекция В. В. Жучерова (Ташкент); № 8, 13, 14 — дирхемы из клада с Северного Ферганского канала, хранятся в Институте археологии АН РУз (далее ИА Уз), инв. № 2193, 2178, 2135, 2291, 2349, 2350; № 10, 17, 18 — дирхемы из того же клада, опубликованные М. Н. Федоровым (3, с. 222—224); № 12 — коллекция А. А. Койфмана (г. Мытищи Моск. обл.); № 15 — опубликован М. Н. Федоровым (4, с. 137, № 12), но с неверной датой 419 г. х.; № 16 — дирхем из Бешиктепинского клада, хранящегося в Гос. музее истории культуры и искусства РУз (далее МИКИ) в Самарканде, КП 4340; № 19 — собрание Кокандского городского краеведческого музея, б/н; № 20 (4, с. 137, № 10).

№ п/п	Год выпуска	Место выпуска	Название монеты	Л. ст. поле	Об. ст.	
					Поле	Круг. лег.
1.	425	Узгенд	дир- хем	Хашим	Ал-Муаййид ал- Адл Куч-тегин	—
2.	"	"	"	"	Насирал-Хакк	—
3.	"	"	фельс	Кадыр-хакан	Кадыр-хан Ал-Малик ал- Музаффар	Ал-Амир ал-Ад- жалл Сулайман б. Шихаб ад-Даула
4.	426	Ахсикет	"	Муизз ад- Даула	Кадыр-хан	Ал-Амир ал-Ад- жалл ас-Сайинд Малик б. Сайф ад-Даула Маула Амир ал-Муминин
5.	"	Узгенд	"	Кадыр-хакан	Ал-Малик ал- Музаффар	Ал-Амир ал-Ад- жалл Сулайман б. Шихаб ад-Даула Маула Амир ал- Муминин
6.	427	Ахсикет	дир- хем	Кадыр-хакан, Хасан (?)	Муизз ад-Даула Абу-л-Музаффар Малик	—
7.	"	"	фельс	Муизз ад- Даула	Кадыр-хан	как № 4
8.	"	Касан	дир- хем	Кадыр-хакан	Муизз ад-Даула Абу-л- Музаффар Малик	—
9.	427(?)	Узгенд	"	—	Насир ал-Хакк Кадыр-хакан	—
10.	428	Ахсикет	"	Кадыр-хакан	Муизз ад-Даула Абу-л-Музаффар Малик	—
11.	"	Узгенд	"	—	Ал-Малик ал-Адил Кадыр-хакан	—
12.	422	Ахсикет	"	—	Ал-Малик ал-Адил Тонга-хан	—
13.	"	Касан	"	—	Муизз ад-Даула Абу-л-Музаффар Малик	—
14.	"	Узгенд	"	—	Ал-Малик ал-Адил Кадыр-хакан	—
15.	"	"	фельс	—	Кадыр-хакан	Ал-Амир ал-Ад- жалл Кадыр-хан Сулайман (?) Мау- ла Амир ал-Му- минин
16.	"	Ахсикет	дир- хем	—	Ал-Малик ал- Муаййид ал-Адил Тонга-хан	
17.	430	"	"	—	Муиззад-Даула Абу-л-Музаффар Малик	

№ п/п	Год выпус- ка	Место выпуска	Назва- ние мо- нет	Л. ст. поде	Об. ст	
					Поле	Круг, лег.
18.	.	Касан	.	—	.	
19.	.	Узгенд	.	—	Ал-Малик ал-Адил	
20.	.	"	.	—	Кадыр (?)-хакан Ал-Малик ал- Муаййид Тонга-хан	

8, с. 48). Прием этот, уверяет М. Н. Федоров, не нов. Прецеденты не названы, но речь идет, несомненно, о более ранних случаях, объясненных опять же М. Н. Федоровым.

Так, начертанное уйгурским письмом имя Наср и лакаб Насир ал-Хакк, помещавшиеся на монетах после смерти Насра б. Али (403/1012—13 г.), М. Н. Федоров приписывает именно последнему, полагая, что Мухаммад б. Али, не желая признавать своим сюзереном живого Ахмада б. Али, предпочел объявить себя вассалом покойного Насра, «оставаясь фактически самостоятельным» (9, с. 108; 10, с. 166; 11, с. 138). При этом М. Н. Федоров даже не задумался над тем, каким же образом сюзереном Мухаммада мог считаться упомянутый после него Наср. Кроме того, Р. Фасмер еще в 1930 г. в слове, прежде воспринимавшемся как начертанное уйгурским письмом «Наср», усмотрел арабское «Мухаммад», которому резчик штемпеля придал сходство с уйгурской надписью (12, с. 192). Тот же исследователь лакаб Насир ал-Хакк с полным основанием приписывал не Насру б. Али, а Ахмаду б. Али. В его правоте убеждают надписи дирхемов Куз Орду 405/1014—15 г. (Кутб ад-Даула Насир ал-Хакк Кара-хакан Ахмад б. Али), где лакаб Насир ал-Хакк находится между именем Ахмада б. Али и неоспоримо принадлежавшим ему же лакабом Кутб ад-Даула, так что не может относиться ни к кому, кроме Ахмада (13, с. 221—222). Следовательно, нет никаких оснований считать, будто Мухаммад б. Али помещал на монетах имя или лакаб своего усопшего брата.

Лакаб Насир ал-Хакк фигурирует также на саганианских дирхемах 416—17/1025—27 гг. М. Н. Федоров и в данном случае предположил, что владелец Саганиана, признавая себя вассалом покойного Насра, отделался пустой формальностью, «оставаясь фактически свободным» (14, с. 195—196). Между тем, лакаб Насир ал-Хакк не принадлежал Насру б. Али, во второй же четверти XI в. такое почетное прозвание наверняка было у Кадыр-хана Йусуфа, поэтому Е. А. Давидович заключила, что на саганианских монетах упомянут именно последний (15, с. 85). Судя по монетам, тот же лакаб принадлежал в это время и Али б. ал-Хасану или Мухаммаду б. ал-Хасану (6, с. 133—134). Независимо от того, кто конкретно назван Насир ал-Хакк Ханом на дирхе-

мах Саганиана, ясно, что носителем этой титулатуры был кто-то из здравствующих Караханидов.

Таким образом, покойного Насра б. Али на самом деле никто на монетах не упоминал — ни как сюзерена, ни в каком-либо ином качестве.

Очень плохо согласуются с точкой зрения М. Н. Федорова те из привлеченных им самим узгендских монет 425—29/1033—38 гг., в надписях которых фигурирует только Кадыр-хан. Ощукая, вероятно, шаткость своей позиции, М. Н. Федоров, чтобы как-то спасти положение, пытается помешанное на этих дирхемах слово

وح связать с Куч-тегином Мухаммадом б. Насром. Он считает «весьма правдоподобным» осторожное допущение Б. А. Литвинского (читавшего титул كچ نكين как Кич-тегин) о возможных колебаниях при написании слова Кич (قچ или كچ), возникших «в связи с неуверенностью резчика штампа при передаче арабской графикой малознакомого ему тюркского слова» (5, с. 117, примеч. 2). Касающееся одной-единственной монеты, такое объяснение в свое время было допустимо. Но М. Н. Федорову теперь известно значительное число дирхемов со словом 'وح' причем чеканенных на разных монетных дворах — в Узгенде и Маргинане.

М. Н. Федорову известно также, что титул Куч-тегин (Кюч-тегин) передан на монетах всегда в форме كچ نكين. Казалось бы, нумизмат, знакомый с самими этими монетами, а не только с их публикациями, не мог пройти мимо такой важной детали, как наличие слова وح на дирхемах, которые несут титул كچ نكين, а значит, не мог допустить и мысли о том, что وح — это искаженное тем же мастером كچ. И все же М. Н. Федоров считает возможным сопоставлять كچ и وح. Впрочем, с легкостью приняв это тождество, он с той же легкостью от него в сущности отказывается, допуская, что وح — это فتح («фатх» — «победа»), а не قچ (Кич), причем пытается уверить читателя, будто «это слово... так или иначе связано с личностью Мухаммада ибн Насра: мы уже встречали его на реверсе монет Узгенда 421—423 гг. х.» (8, с. 46). При этом М. Н. Федоров не объясняет, почему Мухаммад счел необходимым маскироваться словом «фатх» и каким образом средневековый потребитель мог догадаться, что в 421—28/1030—37 гг. за этим словом

скрывался Мухаммад б. Наср, а в 430/1038—39 гг.— кто-то другой (данное слово стоит на узгендских дирхемах Тонга-хана 430/1038—39 г., свидетельствующих, как утверждает М. Н. Федоров буквально на следующей странице, о том, что «Мухаммад ибн Наср потерял Узгенд») (8, с. 48). Очевидно, поиски связи вполне нейтрального слова «фатх» с чьей-либо личностью малопродуктивны, а значит, на тех монетах, где кроме этого слова стоит только титулатура Кадыр-хана, упомянут лишь сам Кадыр-хан и больше никто. А коль скоро это так, то всю группу монет (если принять постулируемое М. Н. Федоровым равенство Кадыр-хан = Йусуф б. Харун) следовало бы считать целиком «мемориальной», «заупокойной», своего рода нумизматической фикцией, отражающей лишь небытие, в то время как все бесчисленные караханидские монеты конца X — начала XIII в. чутко реагировали на быстро меняющееся бытие. Словом, весь известный караханидский (и не только караханидский) материал никак не подтверждает мысль М. Н. Федорова о возможности и тем более традиционности упоминания усопших государей.

Итак, от «заупокойной», «некротической» гипотезы следует, очевидно, отказаться. Ее шаткость и неубедительность ощущала, похоже, и Е. А. Давидович, когда предполагала, что упоминание Кадыр-хана на дирхеме 427/1035—36 г. объясняется употреблением при чеканке старого реверсного штемпеля (16, с. 69, примеч. 9). Располагая значительно большим материалом, включая монеты с титулом Кадыр-хан на лицевой стороне, несущей дату, необходимо искать иное объяснение. Нами было высказано предположение, что после смерти Йусуфа б. Харуна этот титул перешел к его брату Сулайману б. Харуну/Хасану (7, с. 371). Попытаемся его обосновать.

Имя Сулаймана б. Харуна в наличных рукописных источниках вообще не фигурирует, выявить его нам удалось только благодаря монетам, на которых он упомянут как Сулайман б. Шихаб ад-Даула, Сулайман б. Харун или просто Сулайман. Это ахикетские дирхемы 417/1026—27 г. и фельсы 422/1030—31 г., фельсы Кубы 420/1029 г., узгендские дирхемы 416/1025—26 г. и фельсы 419/1028, 421/1030 или 422/1030—31, 425/1033—34 и 426/1034—35 гг.* Судя по этим монетам, власть Сулаймана распространялась на три крупнейших города Ферганы, а если учесть, что среди них столичный Узгенд, то, вероятно, и на всю область. Одновременно, хотя и не всегда в те же годы, в ряде ферганских городов, включая Узгенд, чеканились монеты с титулатурой Мухаммада б. Насра (5, с. 118; 16, с. 70), причем Мухаммад никогда не фигурирует на тех монетах, где стоит имя Сулаймана.

* Фельс Узгенда 419/1028 г. хранится в Гос. историческом музее Кыргызстана (КП 2647), узгендский фельс 421/1030 или 422/1030—31 г. — в Ошском областном историко-краеведческом музее-заповеднике (КП 186/252), остальные монеты см. в кн.: 7, с. 371 и табл. 1 в настоящей статье.

Это не обязательно является свидетельством многократного перехода Ферганы или ее отдельных округов и городов из рук в руки — от Мухаммада к Сулайману и обратно. Как показал анализ многочисленных караханидских монет конца X — первой половины XI в., в монетных легендах может быть опущено имя (титулатура) любого из членов феодальной иерархии, причем даже в тех случаях, когда признавались права непосредственного владельца на тот или иной удел либо сюзеренитет вышестоящего члена иерархии (17, с. 120—121). Значит, ферганские монеты с упоминанием то Мухаммада, то Сулаймана могут просто отражать разные уровни иерархии, не свидетельствуя прямо о том, кто из этих правителей занимает более высокую ступень иерархической лестницы. Однако происхождение Сулаймана, принадлежавшего, в отличие от Мухаммада, не просто к правящему дому, но к царствующей его ветви, а также его старшинство (он принадлежал к предыдущему по отношению к Мухаммаду поколению) не оставляют сомнений в том, что последний был его вассалом.

Этот вывод помогает выявить еще некоторые владения Сулаймана. Известны однотипные дирхемы 423/1031—32 г., битые в Риштане (18, с. 14, № 22) и Ходженде (ГЭ, инв. № 19217), с титулатурой Кадыр-хана Йусуфа (поле об. ст.: Насир ал-Хакк Малик ал-Машрик Кадыр-хакан) и двумя лакабами — Рукн ад-Даула (поле об. ст.) и Адуд ад-Даула (поле л. ст.). И тот, и другой М. Н. Федоров приписал Мухаммаду б. Насру (8, с. 48), принадлежность которому второго лакаба представляется почти несомненной: он встречается только на монетах, выпускавшихся во владениях Мухаммада, и почти всегда в сочетании с его титулом Куч-тегин. Несмотря на обилие лакабов на «ад-Даула» у Мухаммада б. Насра (Айн ад-Даула, Адуд ад-Даула, Сайф ад-Даула), крайне сомнительно, чтобы он использовал два однородных лакаба на одном монетном кружке. Гораздо более вероятно, что лакаб Рукн ад-Даула относится к его непосредственному сюзерену. Тот же лакаб помещен на дирхемах 41-г. х., битых в Кашгаре*, столице Кадыр-хана Йусуфа, часть прав на которую он передавал, очевидно, только ближайшим родственникам (кроме носителя лакаба Рукн ад-Даула может быть назван лишь старший сын Кадыр-хана Имад ад-Даула Чагры-тегин Сулайман б. Йусуф). Все сказанное подводит нас к выводу: непосредственным сюзереном Мухаммада б. Насра в Риштане и Ходженде был скорее всего Рукн ад-Даула Сулайман б. Харун.

Идентификация лакаба Рукн ад-Даула позволяет выявить и ранний тюркский титул Сулаймана. На одном уникальном дирхеме с плохо сохранившимися выпускными сведениями (4, с. 138, № 15) (он бит в Ходженде (?) в пределах 421—23/1030—32 гг. — судя по титулатуре) после Йусуфа б. Харуна (Насир ал-Хакк

* Монеты из Кульятинского клада, хранящегося в Музее истории народов Узбекистана (МИУз) в Ташкенте, инв. № 398/184—186.

Малик ал-Машрик Кадыр-хан) упомянут Арслан-тегин, а в поле л. ст. (т. е. на последнем месте) отойт лакаб Руки ад-Даула. По имеющимся данным, между Йусуфом б. Харуном и его родным братом Сулайманом не было никаких промежуточных инстанций, поэтому носителем лакаба Руки ад-Даула и титула Арслан-тегин должно быть одно лицо, т. е. Сулайман б. Харун. Этот титул вместе с титулатурой Кадыр-хана (Хан Малик ал-Машрик ва-с-Син) помещен на фельсе 419/1028 г., битом в Самарканде (МИКИ, КП 4085/1), куда, следовательно, на какое-то время распространилась власть Сулаймана.

Как видно из приведенных материалов, Сулайман б. Харун отнюдь не был мелким удельным владетелем и при жизни его брата Кадыр-хана. Когда владения последнего ограничивались западной частью Восточного Туркестана, Сулайман на какой-то срок получил часть прав на столицу этих владений, Кашгар. Когда же Йусуф захватил значительную часть принадлежавших Караханидам среднеазиатских территорий, Сулайман завладел Ферганой, Ходжендом и даже, на короткое время, Самаркандом.

По смерти Кадыр-хана Йусуфа б. Харуна, после которой ханами стали Али б. Хасан/Харун (Табгач Бугра-хан), Сулайман б. Йусуф (Арслан-хан) и Мухаммад б. Йусуф (Бугра-хан), передвижки в официальной иерархии не могли не коснуться и представителя той же семьи Сулаймана б. Харуна/Хасана. А уж коль скоро ханами стали даже его племянники, Сулайман и Мухаммад, тем более должен был получить (или присвоить) ханский титул Сулайман б. Харун. Поскольку же и до, и после кончины Йусуфа б. Харуна владения Сулаймана были сосредоточены в основном в Фергане, где после смерти Йусуфа вновь появляется титул Кадыр-хан, наиболее вероятным его носителем следует считать именно Сулаймана б. Харуна. К тому же выводу можно прийти и совершенно иным путем: на узгендских дирхемах 425—29/1033—38 гг. упомянут только Кадыр-хан, на фельсах же 425—26/1033—35 г., надписи которых должны в принципе отражать ту же ситуацию, стоит также имя Сулайман б. Шихаб ад-Даула, разъясняющее, следовательно, кому принадлежит этот титул. Наконец, в круг лег. об. ст. узгендского фельса 429/1037—38 г. после титула Кадыр-хан стоит (?) مان ... — скорее всего, это окончание имени Сулайман.

Пока не вполне ясна дата конца правления Кадыр-хана Сулаймана. Как видно из данных таблицы, с 429/1037—38 г. на монетах появляется титул Тонга-хан, который принадлежал брату Сулаймана, Мухаммаду б. ал-Хасану, правившему Ферганой, судя по монетам, до 440/1048—49 г. (7, с. 372). Если на одном из узгендских дирхемов 430/1038—39 г. (см. табл., № 19) действительно упомянут Кадыр-хан, то это может означать, что в этом году он был еще жив, а в 429—30/1037—39 гг. между Кадыр-ханом и Тонга-ханом шла борьба за Фергану. В 429/1037—38 г.

Тонга-хан овладел Ахсикетом, а в 430/1038—39 г. к нему перешла (после смерти или гибели Кадыр-хана?) ферганская столица, Узгенд. Впрочем, настаивать на данной версии не стоит, так как нельзя исключать и совмещение разновременных штампов.

Из всех известных нам сыновей Бугра-хана Харуна/Хасана старшим был, несомненно, Кадыр-хан Йусуф: он первым из них принял ханский титул. Следующими по старшинству были Мухаммад б. ал-Хасан, Али б. ал-Хасан и ал-Хусайн б. ал-Хасан, которые после смерти Арслан-хана Мансура (415/1024 г.) стали соответственно Тонга(Тоган)-ханом, (Арслан)-илеком и Йинал-тегином. Титул Арслан-тегин (рангом ниже последнего) принадлежал Сулайману б. Харуну/Хасану не только в 419/1028, но и в пределах 421—23/1030—32 гг., а это означает, что Сулайман был моложе всех перечисленных выше братьев (ясно также, что ал-Хусайн, о котором мы не знаем ничего определенного после 418/2027—28 г., оставался в живых еще в начале 420 гг. х., иначе Сулайман принял бы титул более высокий, чем Арслан-тегин). Невозможно пока установить «очередность» еще одного Хасанида — Ахмада б. ал-Хасана, известного только по монетам Кушаний 413—14/1022—24 гг.; очевидно, он, как и Сулайман, относился к числу самых младших сыновей Бугра-хана Харуна/Хасана; умершего в 382/992 г. Как показывают эти выкладки, к концу своего правления (429/1037—38 или 430/1038—39 гг.) Сулайман, пятый или шестой из известных сыновей Бугра-хана, не обязательно должен был достигнуть особо преклонных лет, тем более, что второй сын Харуна, Мухаммад, прожил до 440/1048—49 г.

Обосновывая принадлежность Сулайману б. Харуну на последнем этапе его карьеры титула Кадыр-хан, мы привели только аргументы «за». Есть ли аргументы «против»? К числу таковых, казалось бы, относится свидетельство газневидского историка Абу-л-Фадла Байхаки (очень хорошо осведомленного о караханидских делах первой половины XI в.) о том, что Айн ад-Даула, т. е. Мухаммад б. Наср, в 429/1038 г. сидел в Узгенде (19, с. 669, 682). Но это известие может относиться к тому времени, когда Сулайман умер или потерял Узгенд. Если же один из узгендских дирхемов 430/1038—39 г. (№ 19) действительно несет титул Кадыр-хакан и не чеканен старым реверсным штампом, то и в этом случае противоречие мнимое: обладать правами на Узгенд могли одновременно оба правителя, но на долю Сулаймана как сюзерена должен был приходиться больший объем прав (в частности за счет монетной регалии). Станным может показаться переход после смерти Йусуфа б. Харуна его лакаба и титула (Насир ал-Хакк Кадыр-хан) к другому государю — отчасти это, вероятно, и породило «некротическую» гипотезу М. Н. Федорова, даже не попытавшегося рассмотреть иные возможности. Между тем, правившие один за другим три последних караханидских владетеля Кашгара носили титул Арслан-хан (4, с. 133—135), одинаковые же лакабы типа Муаййид ал-Адл или Насир ал-Хакк

могли быть одновременно у родных братьев, переходить от отца к сыну и т. д. (например, Муаййид ал-Адл у Мухаммада б. Насра и Ибрахима б. Насра (5, с. 118—119), Насир ал-Хакк у Ибрахима б. Насра (1, с. 269, № 478—479) и Насра б. Ибрахима*). Наконец, на л. ст. ахсикетского дирхема 427/1035—36 г. (см. табл. 1, № 6) между двумя частями титула Кадыр-хакан помещены (одна над другой, между строками) три буквы ن س ح (или ر), которые, если их соединить, могут быть поняты как имя Хасан (ср. на дирхемах Хутлук Орду 425/1033—34 г.** слово Сахл, начертанное то как سهل, то ل ه س). Взаиморасположение имени и титула вполне позволяет отнести их к одному лицу, но тогда пришлось бы признать, что некий Кадыр-хакан Хасан, принадлежавший, как показывает наличие у него ханского титула, к Хасанидам, но никак не проявивший себя до смерти Кадыр-хана Йусуфа, после его кончины стал сюзереном Сулаймана б. Харуна (см. фельс Узгенда 426/1034—35 г.—табл. 1, № 5), который уже задолго до того был значительным удельным правителем. Это не вовсе невозможно, но крайне мало вероятно. Если все же буквы ن س ح и передают имя Хасан, то это имя скорее принадлежит какому-то менее значительному лицу, быть может, как-то связанному с деятельностью ахсикетского монетного двора.

Таким образом, мы не видим серьезных противоречий нашей точке зрения о принадлежности в 425—29/1033—38 гг. титула Кадыр-хан Сулайману б. Харуну. Конечно, и после всей приведенной аргументации ее нельзя считать окончательно доказанной (для этого потребовалась бы монета с легендой типа «Сулайман б. Харун Кадыр-хан»), но она во всяком случае лучше гипотезы М. Н. Федорова объясняет имеющиеся факты.

Был ли мерв «Вечно живым»?

В 1960 г. на городище Мунчактепа в Шурчинском районе Сурхандарьинской области археологом Д. П. Вархотовой был обнаружен клад серебряных монет (12 целых и 76 фрагментов). Изучавший их М. Н. Федоров установил, что это сельджукидские динары, изготовленные из сплава серебра и небольшого количества золота. По материалам этой небольшой находки М. Н. Федоров опубликовал три статьи (20, 21, 22), первая из которых посвящена динару, с его точки зрения, наиболее интересному. Год чеканки на монете не сохранился, но примерное время выпуска опре-

* Наличие лакаба Насир ал-Хакк у Ибрахима б. Насра открывают неизвестные бухарские дирхемы 432—33/1040—42 гг. из Бешиктепинского клада (МИКИ, КП 4340).

** Монеты из Бешиктепинского клада (МИКИ, КП 4340).

деляется благодаря упоминанию наряду с Санджаром б. Малик-шахом также его брата и сюзерена Мухаммада (498—511/1105—1118). Наименование монетного двора публикатор прочел как Мерв ал-Хайй (مرو الحى), объяснив это впервые встреченное на

монетах сочетание как «Мерв живущий, оживленный или вечно живой». Открытие данного эпитета представляет, по мнению открывателя, «большой научный интерес»: этим эпитетом «сельджукидская администрация стремилась подчеркнуть мощь, богатство и многолюдность главного города империи», а сам эпитет «является новым и очень красноречивым свидетельством того расцвета, который переживал Мерв в XI—XII вв.» (20, с. 125).

Такое истолкование уже само по себе возбуждает некоторые вопросы. Не совсем понятно; скажем, каким образом М. Н. Федоров догадался, что из всего спектра значений слова «хайй» (большого, чем им приведено) «сельджукидская администрация» имела в виду именно то, которое указывает на «оживленность». Не ясно также, почему наличие эпитета «ал-хайй» связано с расцветом Мерва именно при Сельджукидах (в таком случае и появление определения «латиф» на монетах Кашгара XIX в. следовало бы объяснить тем, что именно благодаря Якуб-беку Кашгар стал «приятным»). И уж совсем непонятно, каким образом присвоением эпитета **Мерву** можно было подчеркнуть «мощь, богатство и многолюдность главного города империи», каковым был тогда **Исфахан**.

Впрочем, гораздо важнее другое: представляющее «большой научный интерес» открытие базируется, как явствует из следующей (1967 г.) статьи М. Н. Федорова, на не вполне надежном чтении — отмечается «искаженное написание названия города» «с отклонениями от норм правописания» (21, с. 60). Такие оговорки настораживают, ибо уже известен случай, когда М. Н. Федоров открыл новый монетный двор, название которого выбито «несколько нестандартно», а после проверки самой монеты этот монетный двор пришлось «закрывать» (10, с. 158, 169; 23, с. 129). И достаточно обратиться к довольно добросовестной прорисовке, особенно четкой в статье 1963 г. (20, с. 121), чтобы убедиться: чтение «Мерв ал-Хайй» действительно более чем сомнительно. Окончательно убеждает в его невозможности обращение к самому динару, хранящемуся в Институте археологии АН РУз (инв. № 5255). Как оказалось, местом выпуска назван не Мерв ал-

Хайй, а **و لوالح** в чем нетрудно убедиться и по упомянутой прорисовке М. Н. Федорова. То же самое слово (правда, прочтенное публикатором как Абу-л-Фатх) помещено в верхней части поля л. ст.

Единственно возможное чтение данного слова — **Валвалидж**. Такое наименование (фигурирующее в рукописных источниках также в формах **Валвализ** и **Варвализ**) носил один из городов

Тохаристана, располагавшийся в долине Ак-Сарая (Кундуза), к востоку от Балха (24, с. 51). По данным «Худуд ал-алам» (X в.), Валвалидж при Саманидах был административным центром (касаба) Тохаристана (25, л. 216). Похоже, он сохранил то же значение и при Газневидах, в первой половине XI в., как можно понять из слов султана Масуда: «направляйтесь в Валвалидж и держите в руках Тохаристан» (19, с. 782). При Сельджукидах именем Валвалидж называлась также область, о значении которой можно судить хотя бы по тому, что султан Малик-шах пожаловал ее своему дяде Усману б. Дауду (26, с. 66). Таким образом, выпуск в Валвалидже собственной монеты удивлять не должен, хотя в списке денежных дворов государства Великих Сельджукидов (27, с. 152—153) Валвалидж не фигурирует. Значит, опубликованный М. Н. Федоровым динар представляет действительно немалый интерес, хотя открывает он не новый эпитет Мерва, а новый сельджукидский монетный двор.

Данный динар, как выясняется, не единственная монета Валвалиджа. В том же Шурчинском кладе есть обломок битого при Мухаммаде б. Малик-шахе динара другого типа с частично уцелевшим наименованием монетного двора — ... ولو, это, конечно, тот же Валвалидж, а не Мерв, как читал М. Н. Федоров (21, с. 62). Наконец, Т. Ходжаниязов издал динар Санджара 514/1120—21 г. (27, с. 92, № 325) с помещенным в верхней части по-

ля обеих сторон словом **لوالج**, которое он не понял и никак не связал с Валвалиджем. Да и не мудрено: в круговой легенде лицевой стороны местом выпуска назван Нишапур!

Случай этот, когда не просто на одном кружке, но на одной стороне монеты фигурируют два разных города, на первый взгляд кажется невероятным, но он не беспрецедентен. Благодаря любезности В. Н. Настича нам удалось ознакомиться с хранящимся в коллекции В. Мардаша (г. Фрунзе) фельсом Караханида Насра б. Али (ум. в 403/1012—13 г.), на котором уместилось только начало даты — слово «два». В типовом отношении он подобен фельсам Насра, битым в 390—91/999—1001 гг. (28, с. 62—63), так что должен датироваться 392/1001—02 г. Местом выпуска монет 390—91/999—1001 гг. в круг. лег. л. ст. названа Фергана, в поле л. ст. оно уточнено — здесь стоит слово «Ахсикет», на фельсе же 392/1001—02 г. вместо «Фергана» выбито «Узгенд», т. е. в надписях одной монеты упомянуты сразу два города — Ахсикет и Узгенд. Замена названия области (Фергана) именем ее тогдашней столицы (Узгенд) могла произойти по ошибке, которую понять, пожалуй, можно. Так, позднее Фергану называли иногда по наименованию ее столицы: в XVII в. Андижаном, в XIX в. Хокандом (29, с. 536). Отыскивая же «технические» причины появления уникального фельса, следует рассмотреть следующие теоретические возможности: фельсы чеканили в Узгенде для Ахси-

кета; в Узгенде готовили штемпеля для ахсикетских монет; в Ахсикете били монету для Узгенда; там делали штампы для узгендских фельсов. Две последние версии надо отклонить, так как Ахсикет хотя и был крупным городом, но там не стали бы производить ни штемпеля, ни монеты для Узгенда, который тогда являлся столицей не только Ферганы, но и всего огромного удела Насра. В 392/1001—02 г., как и в предшествующие годы, Фергана, судя по монетам, не делилась на уделы. В этих условиях в масштабах области можно было централизовать производство либо фельсов, либо штемпелей для них. Судя по тому, что при Насре фельсы чеканились помимо столичного Узгенда также в Кубе, Маргинане и Оше, централизации медной чеканки не было. Остается допустить, что централизованно осуществлялось изготовление штемпелей в Узгенде, где располагался самый продуктивный из ферганских монетных дворов и где имелся штат наиболее квалифицированных монетариев, в том числе резчиков штампов.

Таким образом, штемпеля уникального узгендско-ахсикетского фельса 392/1001—02 г. изготовили, как нам представляется, в Узгенде, откуда доставили в Ахсикет для эксплуатации. Нечто подобное имело место несколько позднее в другой области. Как нам удалось установить, штемпеля дирхемов, битых в 411/1020—21 г. в Будухкете, одном из испиджабских городов, резаны мастером монетного двора Испиджаба, работавшим в столице области (30, с. 54).

Случай с динаром Нишапура/Валвалиджа еще сложнее. Во-первых, эти города находились в разных областях (Нишапур — в Хорасане, Валвалидж — в Тохаристане), во-вторых — на огромном расстоянии друг от друга (между ними только по прямой около 900 км, тогда как между Ахсикетом и Узгендом примерно 150 км), в-третьих, столицей владений Санджара, от имени которого чеканен этот динар, был не Нишапур, а другой хорасанский город — Мерв. Впрочем, последнее обстоятельство не исключает возможность того, что в административном отношении Валвалидж подчинялся Нишапуру, где находился к тому же монетный двор, едва ли не самый продуктивный из всех монетных дворов Великих Сельджуков. Все сказанное позволяет предложить следующее объяснение появлению динара Нишапура/Валвалиджа 514/1120—21 г. Его штемпеля резаны на монетном дворе Нишапура (чье имя оказалось включено в легенду, вероятно, по ошибке, по недосмотру), но для выпуска динаров в Валвалидже. Само собой разумеется, такое объяснение может существовать пока лишь на правах рабочей гипотезы, требующей дальнейшей проверки. Вполне ощущая ее уязвимость, мы все же решаемся ее выдвинуть, во-первых, за неимением лучшего объяснения, во-вторых, в надежде, что ее появление побудит исследователей искать иные решения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Спб., 1896.
2. Насиш В. Н. Монетные находки с городища Красная Речка (1978—1983 гг.)//Красная Речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе, 1989.
3. Федоров М. Н. Ферганский клад караханидских дирхемов 1034—1043 гг.//СА. 1968. № 3.
4. Федоров М. Н. Очерк истории Восточных Караханидов конца X—начала XIII вв. по нумизматическим данным/Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.
- ✓ 5. Литвинский Б. А. Северная надпись в Варухском ущелье (Опыт исторического исследования по данным нумизматики)//КСИИМК. Вып. 61. М., 1956.
6. Кочнев Б. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 2 (Караханиды)//ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.
7. Кочнев Б. Д. Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов//Фольклор, литература и история Востока. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1984.
8. Федоров М. Н. Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента//ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964.
9. Федоров М. Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в.//Нумизматика и эпиграфика. Т. XIII. М., 1980.
10. Федоров М. Н. Ходжендский клад серебряных дирхемов второго десятилетия XI в.//Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971.
11. Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X—начале XI в. (Караханидские монеты как исторический источник)//Нумизматика и эпиграфика. Т. X. М., 1972.
12. Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarachaniden//Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. XXXIII. Berlin, 1930.
13. Кочнев Б. К. К идентификации некоторых раннекараханидских тигулов и лакабов//История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
14. Федоров М. Н. Нумизматические данные к истории Саганиана первой половины XI в.//ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
15. Давидович Е. А. Клад сганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник//Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. М., 1970.
16. Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах//Народы Азии и Африки. 1968. № 1.
17. Кочнев Б. Д. К методике исследования раннекараханидских монет как исторического источника//Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984.
18. Teyhid A. Musee Imperiale Ottoman. Section des Monnaies Musulmanes. Constantinople, 1903.
19. Байхаки Абул-Фазл. История Масуда (1030—1041)/Перевод с персидского, введение, комм. и прил. А. К. Арендса. Изд. 2-е, доп. М., 1969.
20. Федоров М. Н. Уникальный серебряный динар Султана Санджара из Сурхандарьинской области//ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
21. Федоров М. Н. Клад сельджукских серебряных динаров-шекасте из Южного Узбекистана//Эпиграфика Востока. XVIII. Л., 1967.
22. Федоров М. Н. К вопросу о «серебряном кризисе» и некоторых особенностях денежного обращения в государстве «Великих Сельджуков»//СА. 1971. № 1.
23. Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть I (Саманиды, Караханиды, Джаниды)//ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.

24. Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана//Соч. Т. VII. М., 1971.
25. Худуд ал-алем/Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
26. Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-селджукийа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулк ас-селджукийа) (Сообщения о Сельджукском государстве: Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях)/Изд. текста, пер., введ., примеч. и прил. З. М. Буниятова. М., 1980.
27. Ходжаниязов Т. Каталог монет государства Великих Сельджуков. Ашхабад, 1979.
28. Кочнев Б. Д. Новые данные о караханидском монетном дворе Ферганы//Сообщения Государственного Эрмитажа. XLIX. Л., 1984.
29. Бартольд В. В. Фергана//Соч. Т. III. М., 1965.
30. Кочнев Б. Д. Будухкет — новый казахстанский монетный двор (XI в.)//Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1986. № 1.

М. И. ФИЛАНОВИЧ

О ГОНЧАРНОМ РЕМЕСЛЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СТОЛИЦЫ ШАША

Столица средневекового Шаша Бинкат, локализованная на территории современного Ташкента, по описанию современников, была крупным ремесленным и торговым центром, интенсивно развивавшимся благодаря близости источников сырьевых ресурсов и рынков сбыта, главным образом в кочевой степи, а также благодаря оживленной транзитной торговле.

Город IX—XII вв. включал цитадель, территорию собственно города — шахристан и два рабада — внутренний и внешний, каждый из которых был огорожен отдельной стеной со многими воротами. Отмечается хорошее водоснабжение города, в котором через шахристан и рабады протекали каналы (1, с. 23). Средневековые авторы приводят обширный перечень предметов и товаров, производимых в городе и вывозившихся из него. В числе изделий бинкатских ремесленников Муккадаси особо отмечает шашскую посуду как «не имевшую себе равных» (2, с. 295).

В процессе многолетних археологических исследований на территории Ташкента собраны значительные и полные коллекции керамической посуды, в том числе выполненной на высоком технологическом и художественном уровне, что в полной мере подтвердило оценку современников (3). Трудно сказать, какой конкретно вид гончарных изделий имелся в виду, так как продукция керамиков Шаша весьма разнообразна, а орнаментация отличается исключительным богатством колорита и рисунка, неисчерпаемой фантазией мастеров, подчас превосходивших работу керамиков, например, самаркандской школы, характеризующейся высокими достоинствами.

Наиболее массовые сборы керамики на территории Ташкента относятся ко второй половине IX—X вв., когда произошел резкий

перелом в гончарном производстве Шаша, связанный, видимо, с качественными изменениями в технологии и взлетом орнаментального искусства (4, с. 44). Основные изменения произошли в технике глазурования: был осуществлен переход от непрозрачных поташных глазурей первой половины IX в. к более совершенным прозрачным свинцовым глазурям и многоцветному ангобированию, значительно обогатившему палитру фонов. Собрана обширная коллекция изящной тонкостенной посуды этого периода, представленной чашами, блюдами, тарелками, пиалами, кружками, кувшинами, горшками и чирагами (лампами). Примечательно ее дублирование в детской игрушке, в которой сохранены прекрасное качество выделки и виды орнаментации. Особо выделяются открытые формы, у которых по белому под прозрачной блестящей качественной поливой черным цветом нанесены благопожелательные арабские надписи почерком «куфи», тонко выполненные каллиграфом. Большим разнообразием отличаются растительные и геометрические мотивы и их сочетания.

Дальнейшие изменения в технологии и орнаментике отмечаются в XI в., когда к многоцветной палитре подглазурных росписей (красной, коричневой, черной, оливковой) добавилась оливковая роспись под ярко-желтым покрытием. Начала изготовляться посуда с красным и черным фонами росписей. Посуда Шаша X—XI вв. украшалась и зооморфным рисунком, иногда человеческими личинами. Бестиарий на посуде Шаша представлен обширным рядом живых существ, как реалистичных или причудливо стилизованных, так и фантастических. Здесь большое разнообразие птиц: голубь, гусь, лебедь, фазан, павлин, утка, ласточка; животных: олень, козерог; изображались также лягушки, рыбы. Естественно, подбор живых существ и фантастических чудовищ неслучаен. Все эти образы пришли из глубины веков и сохранили, видимо, в представлении народа, определенный смысл, ассоциируясь с какими-либо качествами, присущими в древности божествам языческого пантеона, чьими спутниками они считались.

К концу XII в. разнообразие цветов и рисунков сужается и наблюдается явный спад гончарного производства. Преобладающими становятся сосуды с однотонным темно-зеленым покрытием или ядовито-желтой глазурью, которая покрывала коричневый геометрический рисунок.

Развитие ремесла в IX—XI вв. представляет собой феномен, совершенство которого неоспоримо подтверждается массовым керамическим материалом. Именно с ним прежде всего имеет дело исследователь, ибо в условиях современного густозаселенного города, каким является Ташкент, находящийся постоянно в состоянии реконструкции, трудно рассчитывать на обнаружение нетронутых поздними перестройками участков культурного слоя средневекового Бинката. Еще меньше вероятности напасть на участок с нетронутыми мастерскими и печами керамиков. За двадцать

пять лет работы Ташкентского отряда только дважды выпал такой случай.

Обнаружено около 15 точек, связанных с гончарным производством, в основном остатки и признаки производства в виде отвалов печей, брака посуды, печного припаса. Сами же печи, как сказано, обнаружены только в двух пунктах.

Источники, подчеркивая хорошую водоснабженность Бинката, косвенно свидетельствуют о богатых возможностях для расположения гончарных мастерских в городе. Археологические исследования удостоверяют их расположение как в самом шахристане, так и в обоих рабадах, а также обнаруживают специализированные на этом ремесле селения, расположенные за воротами внешнего рабада на подводящих к городу путях.

На юго-западном участке шахристана, примыкавшем к южной городской стене, обнаружены остатки, видимо, квартала керамиков второй половины XI — первой половины XII в., который занял незастроенную до того времени территорию города. Возникновение здесь мастерских и жилищ керамиков свидетельствует об интенсивном развитии города, выразившемся в увеличении его производственного потенциала, когда, видимо, выросли возможности сбыта и расширилась торговля Бинката.

В пределах строительной площадки под здания Института Ташгипрогор зафиксировано скопление из семи гончарных горнов и сопутствующие им ямы с отвалами гончарного брака, кусками керамического шлака, спекшейся глазури и печным припасом в виде трехножек-сепая, крючков-коромыслиц для подвешивания сосудов в печи, штырей, использовавшихся для тех же целей, и обожженных дисков, которыми укрепляли сосуды во время обжига.

Несмотря на сильную поврежденность при строительстве, конструкция обнаруженных печей восстанавливается (рис. 1, а). Построенные здесь горны были круглыми, однокамерными, перекрытыми куполом. Топка врыта в землю ниже уровня обжига. Топочно-обжигательная камера диаметром 1,1—1,5 м выложена из сырцовых кирпичей. В камере по всему периметру над огнем

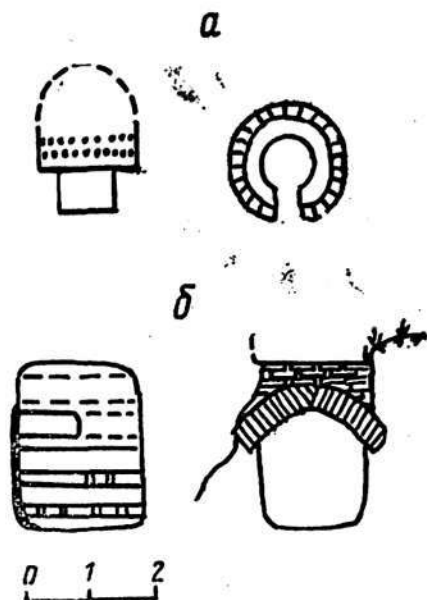

Рис. 1. Гончарные печи Бинката: а — шахристан; б — Ходжа-Фархонтепа.

устроена полка шириной 0,3 м для установки посуды, выше два ряда гнезд для штырей, на которых также устанавливались сосуды на специальных керамических листовидных прокладках. Связанный с печами культурный слой со следами сырцовых построек дал археологический материал, позволивший определить дату жизни квартала.

Несколько пунктов гончарства зафиксировано в пределах внутреннего рабада. Предметы печного припаса и посудный брак обнаружены за восточной стеной шахристана в русле крупного канала (на территории парка им. Пушкина в траншее Метрополитена).

За западной стеной шахристана также зафиксированы признаки присутствия гончарства, точки которого существовали некогда по берегам обнаруженного в квартале Калляхона русла средневекового арыка, где в окатанном виде залежали бракованная посуда и предметы печного припаса. Еще один пункт выявлен в южной части этого рабада. Здесь в районе Караташа обнаружены признаки расположения обжигательного хумдана в виде обожженных кусков стенок печи, собрана керамика с прекрасными высокохудожественными глазурованными образцами, которую можно датировать второй половиной X — началом XI в.

Наибольшее число ремесленных точек, связанных с работой гончаров, выявлено во внешнем рабаде и за его пределами. Территория внешнего рабада, обнесенная, по описанию исторических источников, отдельной стеной с семью воротами (примерное расположение которой восстанавливается по наблюдению за микрорельефом местности под застройкой, руслам сбросных арыков и результатам археологических исследований), была обжита и застроена неравномерно. По данным источника, внешний рабад был прекрасно обводнен и отличался обилием садов и виноградников, располагавшихся около отдельно стоявших домов (1, с. 23; 4, с. 37—38). Наблюдение за выходами культурного слоя на предполагаемой территории внешнего рабада, которые обнаруживаются отдельными пятнами, подтверждает сведения источника о спорадической рассеянной застройке, носившей характер отдельных усадеб. Существенным элементом этой системы расселения были небольшие хозяйства, специализировавшиеся на определенной отрасли ремесла. Кроме зафиксированных точек стеклоделия, кожевенного ремесла, производства кирпича обнаружено несколько пунктов гончарства. Один выявлен в западной части, где на древнем арыке Кукча существовало рассредоточенное поселение, несколько хозяйств которого занимались гончарством. Наряду с изготовлением разнообразно орнаментированной столовой посуды здесь в X—XI вв. производили керамические игрушки. Фигурки верблюда, лошадки, ослика вылеплены с известной долей схематизации, но с соблюдением определенной стилистики (5, табл. VII, И).

Примечательно, что ремесленные точки располагались у го-

родских ворот для удобства сбыта готовой продукции. Такой пункт X—XI вв. со специализацией на выделке сфероконусов — симбукузача выявлен в районе ворот Чигатай в городской стене XIX в., примерно совпадавших с местом ворот внешнего рабада Бинката.

Ближайшая окрѳга за воротами рабадов включала несколько селений и хуторского типа хозяйств, жители которых также специализировались на каком-нибудь виде ремесла. Обнаружен ряд таких селений, связанных с гончарством. Уровень производства, технология, мастерство каллиграфов этого сельского ремесла ни в чем не уступали городскому. Следовательно, их продукция была вполне конкурентоспособной и могла продаваться по тем же ценам, что и городская. Сложение специализированных ремесленных точек на подходах к городу, чаще всего вдоль дорог, ведущих к городским воротам, видимо, продиктовано стремлением перехватить инициативу в торговле за счет удобства расположения при таком же высоком качестве продукции.

Так, два селения располагаются на небольшом расстоянии друг от друга по дороге, ведущей к Бинкату с юго-запада. Одно селение — Учтепа (на современной площади Актепа), второе — Казах-мазартепа (среди домов квартала 13 по ул. Г. Гуляма в Чиланзарском районе). На Учтепа в котлованах под высотные здания зафиксированы культурные отложения IX—XII вв. и ряд признаков керамического производства. Высоким качеством отличается посуда середины X в. Примечательно, что среди белофонной посуды с надписями «цветущим куфи» встречены образцы неполивной продукции, в частности кувшины со штампованным геометрическим многоярусным орнаментом (3, табл. 18). Это наиболее ранние образцы, выполненные в технике штамповки в калыбах (верхней и нижней частей кувшина с последующим их соединением), освоенной мастерами Бинката уже в X в. Эти находки с территории самого города свидетельствуют о прогрессивных тенденциях, наметившихся в технологии гончарства Шаша во второй половине X в. Однако изготовление штампованной посуды, несмотря на раннее зарождение, не стало в Бинкате заметной отраслью, как, например, в соседнем Илаке (Бенакете) или средневековом Мерве (6; 7, с. 80). Расцвет этого вида производства отмечен там в XII — начале XIII в., а Бинкат к концу XII в. пришел в упадок.

Поселение Казах-мазартепа возникло в IX в. и существовало до начала XIII в. как небольшое скопление домов, расположенных вдоль одной улицы. Продукция существовавшего здесь в X—XI вв. гончарного ремесла также характеризуется высоким качеством. Наряду с бракованной керамикой в отвалах встречены предметы печного припаса и орудия гончара, в числе которых — керамический обожженный штампик, применявшийся скорее всего для украшения концентрическими элементами плоских поверхностей дастарханов (8, рис. 23).

Пункт с гончарным производством открыт в округе города к западу, на Ходжа-Фархонтепа (ул. Ниязова) (рис. 1, б). Обнаружены остатки трех компактно расположенных печей без других видимых следов построек. Печи были вознесены на бугор, служивший в VII—VIII вв. местом погребения оссуариев по зороастрийскому обряду. Зброшенный некрополь на бугре привлек внимание гончаров, видимо, тем, что на его вершине усиливалась тяга печей и можно было использовать благоприятное направление ветра. Жилище мастеров, очевидно, располагалось внизу. Лишь одна печь из трех сохранилась в такой степени, что можно восстановить конструкцию. Печь — двухкамерная, прямоугольного плана с заоваленными углами. Топочная камера (размерами 2,6×1,8 м) вырыта в материке и не обложена кирпичом. На ее лессовых стенках отмечено пять слоев шлакового напыла — свидетельство многократного использования горна. Обжигательная камера тех же размеров выложена из сырцового кирпича и имела, видимо, сводчатое перекрытие. Под обжигательной камеры выстлан двумя рядами кирпичей и покоился на четырех арках из кирпича (размерами 37×17×7 см), опиравшихся на грунт заглубленными в него пятами. Между арками оставлены щели — продухи для подачи горячего воздуха в верхнюю камеру. В отличие от круглых печей с открытым пламенем двухкамерные горны давали большую температуру в топочной камере, вот почему на стенках нашей печи в нижней камере, на арках и понизу скопилось много клинкерных натеков. Закономерность, подмеченная в печах Мерва, в полной мере подтверждается в Ташкенте (9, с. 272). Даже сама топочная камера была завалена глыбами керамического шлака. Печь Ходжа-Фархонтепа, очевидно, предназначалась для обжига горшков, крупных кувшинов и сферокопусов, о чем свидетельствует наличие их в отвале печного брака. По сопровождающей керамике функционирование ее приходится на XI—XII вв.

Итак, находки в городе и округе (рустаке) Бинката — Ташкента позволяют констатировать, что в обжиге всего разнообразия неполивной и глазурованной посуды средневековой столицы Шаша были задействованы как минимум гончарные хумданы двух типов: круглые однокамерные с открытым пламенем и прямоугольные двухкамерные. Возможны варианты конструкции, но выявленные два типа оставались основными в Шаше и Илаке в XI—начале XVIII в., о чем можно судить по крупному кварталу гончаров, обнаруженному в рабаде Бенакета — Шахрухии (10, с. 152; 11, с. 181). Там выявлен еще один — третий — основной тип: круглый горн с двухкамерной конструкцией с подом, а также большое число вариантов трех типов. Вероятно, все они были знакомы мастерам-керамикам Бинката. Считается, что каждый тип имел свою функциональную нагрузку. Так, в однокамерных круглых печах с открытым пламенем обжигалась преимущественно глазурованная керамика. Именно с ее появлением

в начале IX в. связывают широкое внедрение самого типа печи с непокрытой топкой, тогда как истоки двухкамерных горнов уходят в глубокую древность.

Эта закономерность прослежена на широком материале в средневековом Мерве. Здесь с нарастанием объема производства поливной посуды в X—XI вв. этот тип печи с выступом-полкой становится ведущим, что продолжается в XII—начале XIII в., тогда как в мастерских, специализировавшихся на выпуске безглазурной посуды со штампованным орнаментом, обжиг производился только в прямоугольных двухкамерных печах (9, с. 273). Вероятно, подобную закономерность можно будет проследить и в квартале гончаров Бенакета, где выпускалась также поливная и штампованная керамика (10, рис. 6).

Круглые и прямоугольные обжигательные горны получили широкое распространение в Средней Азии и за ее пределами; в средневековый период, как правило, сосуществовали.

Генезис круглого горна с открытым пламенем, модификация которого привела к утверждению типа с широкой полкой и рядами штырей над ней, зафиксированного в Бинкате, как и в других центрах, восходит к VII—VIII вв. Весь цикл трансформации хорошо прослеживается в Мерве (12, с. 187—189; 9, с. 265) от хумданов раннесредневековой Гяуркалы до первых печей IX в. в рабаде Султанкалы. Та же конструкция отмечается в иранском Хорасане в VII—X столетиях (13, fig. 7). В тот же период, что в Шаше (XI—начало XIII в.), горны аналогичной конструкции функционировали в средневековом Самарканде (на городище Афрасиаб) (14, с. 6; 15, с. 301—309), где они сосуществовали в центральном квартале с двухкамерными хумданами (16, с. 55 и сл.).

С внедрением круглых печей с открытым пламенем связано не только начало массового производства глазурованной посуды, но и расширение ассортимента печного припаса за счет появления штырей, крючков-кормыслиц и листовидных элементов, которые укладывались сверху на штыри и создавали полки верхних ярусов для укрепления сосудов при обжиге.

Двухкамерные круглые и прямоугольные печи получили широкое распространение с IX в. в сопредельной с Шашем и Илаком Уструшане — квартал с ними открыт за пределами шахристана Бунджиката (17, с. 317; 18, с. 405, 408).

Все три типа применялись в Старом Мерве на протяжении IX—XIV вв. Тип прямоугольной печи с арками, поддерживавшими под, был также ведущим на огромной территории — от Хорасана на юге до Бухарского Согда на западе и Казахстана на севере (19, с. 325; 20, с. 102—103; 21, с. 221).

Открытие и исследование пунктов гончарного ремесла на обширной территории Ташкента с основными типами обжигательных горнов приводят к некоторым выводам. Столица Шаша, используя технологические достижения своей эпохи, являлась од-

ним из ведущих центров ремесленного производства в масштабах всего Мавераннахра. Вопреки описанию средневековых источников, согласно которым Бинкат представляется обычным средневековым городом с обширной округой, занятой садами и огородами, принадлежавшими горожанам и частично входившими во внешний рабад, частично образующими рустак, столица отличалась мощным ремесленным потенциалом. В округе Бинката, где определенную часть занимали возделываемые горожанами земли, значительное место было отведено пунктам и целым селениям, специализировавшимся на каком-либо виде ремесла товарной направленности и занимавшимся им на самом высоком уровне профессионализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абул-Касым ибн Хаукаль. Пути и страны/Пер. Е. К. Бетгера// Труды САГУ. Археология Средней Азии. IV. Ташкент, 1957.
2. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. 1. М., 1963.
3. Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX—XII веков. Ташкент, 1936.
4. Писаревский Л. З. Извлечение из Абу-Абдаллаха Мухаммада ибн Абу-Бакра ал-Муккадаси. Рукописный фонд ООН АН Кыргызстана. Инв. № 1820.
5. Филианович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
6. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII в.// ТЮТАКЭ. Т. II. Ашхабад, 1962.
7. Пугаченкова Г. А. Мастер-керамист Мухамед Али Иноятлов из Мерва (к характеристике штампованной керамики Мерва XII—XIII вв.)// СА. М., 1958. № 2.
8. Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
9. Лунина С. Б. Эволюция техники гончарного производства Мерва// ТЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974.
10. Буряков Ю. Ф., Брыкалова В. Г. К эволюции гончарных печей средневекового Бенакета—Шахрухи//ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.
11. Буряков Ю. Ф. Рабады средневекового Бенакета//ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
12. Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва//ТЮТАКЭ. Т. II. Ашхабад, 1962.
13. Lecomte J. La ceramique musulmane des epoques Omayyade et Abbaside VIIe au Xe siecle. Cahiers de la ceramique, du verre et des arts du feu, 20, 1960.
14. Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда XI—начала XIII в.
14. Ахбаров И. А. К истории керамического производства на городище Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.
16. Шорахимов Ш. К. К стратиграфии квартала гончаров в центре Афрасиаба//ОНУ. 1973. № 10.
17. Самойлик П. Г. О работах в районе обжигательных печей Бунджиката в 1975 г.//АРТ. XV. Душанбе, 1980.
18. Самойлик П. Г. Обжигательные печи Бунджиката (IX—XI вв.)// АРТ. XIX. Душанбе, 1986.
19. Бердыев О. Археологические исследования Института истории АН ТССР//АО 1966. М., 1967.

20. Шишкин В. А. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда//ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
21. Пацевич Г. И. Гончарная печь на городище Сарайчик//Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата, 1956.

Е. А. СМАГУЛОВ

КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ ИЗ БАДРАБА ГОРОДИЩА ЭСКИ-ТУРКЕСТАН

Поливная средневековая керамика Средней Азии как археологический источник по истории культуры обладает необычайным семнотическим богатством. Подвижность, изменчивость технологических, морфологических и художественно-декоративных признаков отражают общастиадальные и локальные историко-культурные явления (1, с. 159).

Исследования ЮККАЭ на городище Отрар-тобе создают источниковедческую базу для всестороннего исследования средневековой керамики как культурно-исторического памятника. Однако неравномерность (в региональном и хронологическом плане) в изучении средневековой керамики, ограниченность публикаций сравнительного материала снижают познавательные потенции, присущие этому своеобразному источнику.

Изучение же позднесредневековой керамики находится на стадии накопления материала. Это в полной мере справедливо и по отношению к керамике так называемого тимуридского периода в истории культуры Средней Азии, начало исследованию которой было положено И. А. Сухаревым. Им было констатировано наличие двух основных колористических типов (групп керамики) орнаментации и преобладающая роль влияния китайского фарфора типа кобальт на сложение «тимуридского стиля» (2). Г. А. Пугаченковой был рассмотрен более широкий круг керамики Нисы и Самарканда (3; 4, с. 102—106). Были отмечены принципиально новые черты в керамике XV в. по сравнению с XIV в., а также такой немаловажный момент, как незначительность элементов подражания в массовой продукции (4, с. 104); дана характеристика нового стиля путем определения его основных признаков; поставлена задача выявления и изучения региональных керамических центров, выпускавших наряду с Самаркандом керамику нового «синкретического» стиля (3, с. 415).

В последующие годы появились свидетельства о существовании таких центров в других пунктах Средней Азии, однако сведения о них имели предварительный характер (5; 6; 7; 8).

В связи с этим выявление и введение в научный оборот новых материалов является весьма насущной задачей. Этому посвящена предлагаемая публикация небольшого, но интересного комплекса керамики из бадраба городища Эски-Туркестан.

Бадраб расположен в 80 м западнее западного угла мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви. Наше внимание к этому участку было привлечено тем, что здесь при нивелировочных работах бульдозером был вывернут из культурного слоя надгробный камень. При зачистке была обнаружена плохо сохранившаяся цокольная часть какой-то круглой в плане постройки (внешний диаметр 8 м). Наружный контур фундамента выложен жженым кирпичом (25—26×25—26×4—5 см). Сохранность кладки — 1—2 ряда. Внутри — плотная пахсовая заливка. Очевидно, это остатки мемориальной постройки, к которой относилось обнаруженное надгробие*.

С юга внешняя стена этой постройки прорезана дудкой бадраба, устье которого выходило на уровень пола, лежавшего на 0,85 м выше основания обнаруженной постройки. Незначительные по масштабам зачистки на различных участках этого уровня выявили следы довольно плотной жилой застройки, занимавшей, по-видимому, обширную территорию к западу от архитектурного комплекса мавзолея (остатки сырцовых стен, кирпичных выкладок, тандыров и др.).

Бадраб имел глубину 4,5 м. Прорезая толщу аллювиально-пролювиальных отложений, представленных супесями, дудка бадраба врезалась на глубине 0,4 м в галечно-песчаный водоносный слой**. Верх дудки оформлен коническим венчиком из целого и фрагментов обожженного квадратного кирпича. Высота венчика 1,0 м, диаметр устья 0,3 м, основания 0,9 м. Книзу дудка имеет расширение до 1,2—1,3 м.

Бадраб на 2/3 глубины был заполнен грунтом с большим включением органического перегноя, золы. Керамика концентрировалась в нижней части бадраба. Фрагменты одного сосуда обнаруживались на разных уровнях. Выявить стратиграфию комплекса, как того требует методика (9, с. 21), не удалось. Условия залегания и характер комплекса могут свидетельствовать о сравнительно коротком времени его отложения. В результате реставрации удалось восстановить полностью форму и декоративную структуру 18 сосудов.

Принципы классификации хронологически близкой керамики рассмотрены Булатовым Н. М., который, приняв в целом схему Вактурской, ввел как одну из ступеней классификации признак прозрачности-непрозрачности поливы (10, с. 96). Основанная на подобных принципах (11, с. 185), это есть классификация полив и прочих средств декорирования. Форма и ее элементы не служат здесь таксономическими уровнями, в то время, как ведущая роль этих признаков при типологических классификациях керамики признана многими исследователями, рассматривавшими методи-

* Надгробие имело вид призматического блока из розового гранита (1,40×0,40×0,55 м) с выделенным расширенным основанием (0,10 м). Поверхность обработана грубо, декоративные элементы отсутствуют.

** Возможно, первоначально это был колодец, утративший функциональное назначение в связи с понижением уровня подпочвенных вод.

ческие вопросы данной источниковедческой процедуры (12, р. 75; 13, с. 79; 14; 15, с. 38—40).

Нам представляется, что и при классификации поливной керамики необходимо следовать этому принципу. В связи с этим нами принята следующая схема таксономических уровней: группа, класс, тип, подтип, вариант, где на первых двух уровнях классифицирующими выступают признаки формы сосудов.

Группа «чаши» количественно преобладает над остальными формами комплекса. Только эту группу мы можем разложить по всем таксономическим уровням. Группу составляют два класса.

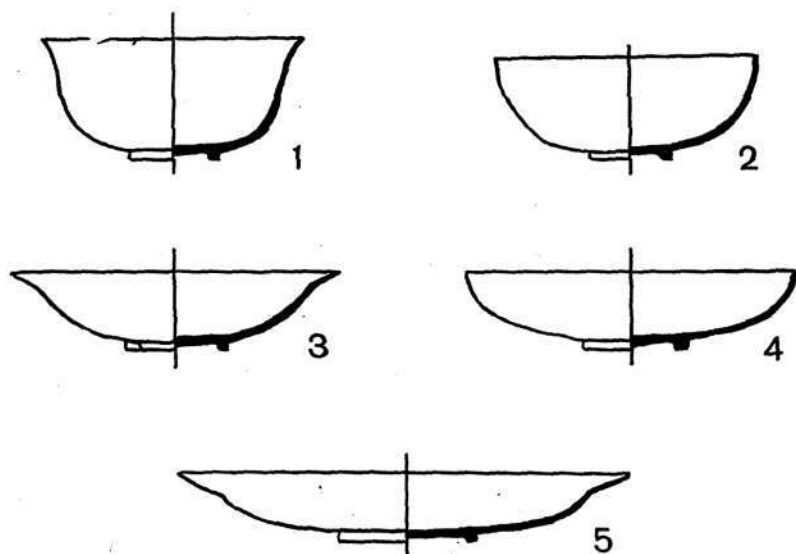

Рис. 1. Формы сосудов.

Класс I представлен единственной чашей № 1 (D — 184 мм, h — 76 мм, d — 64 мм) полусферического профиля с прямым венчиком (рис. 1,2; 3,1).

Контур орнаментального рисунка обведен тонкой черной линией. Фон — голубой, из-под него выступает белый цвет ангобного покрытия. Прозрачная бесцветная полива покрывает наружную поверхность до самого кольца поддона. Орнамент этой поверхности представлен верхним голубым пояском с белыми перлами. От основной зоны этот поясок отделен белой полоской. В основной зоне — волнистый стебель с симметрично расположенными завитками. Внутренняя поверхность лишена орнамента, лишь в центре донца тонкими черными линиями изображен ветвистый кустик (рис. 3, 1).

К классу II относятся чаши с полусферическим корпусом и слегка отогнутым наружу венчиком. Декорированы в технике «ка-лями» и поливами различных цветов (рис. 1, 1).

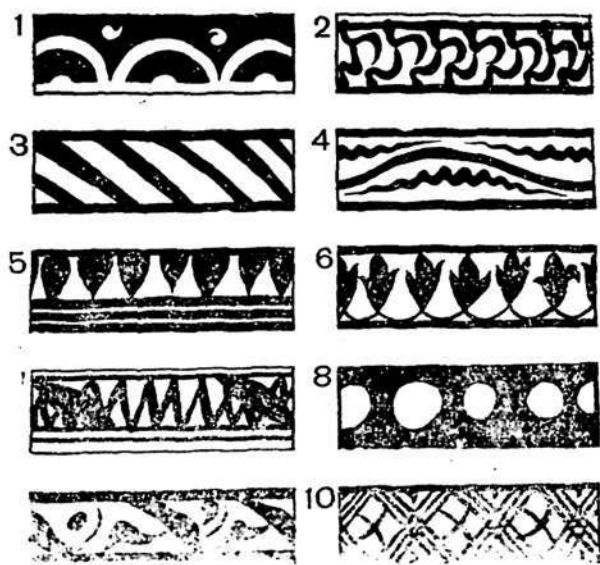

Рис. 2. Наружные декоративные пояса.

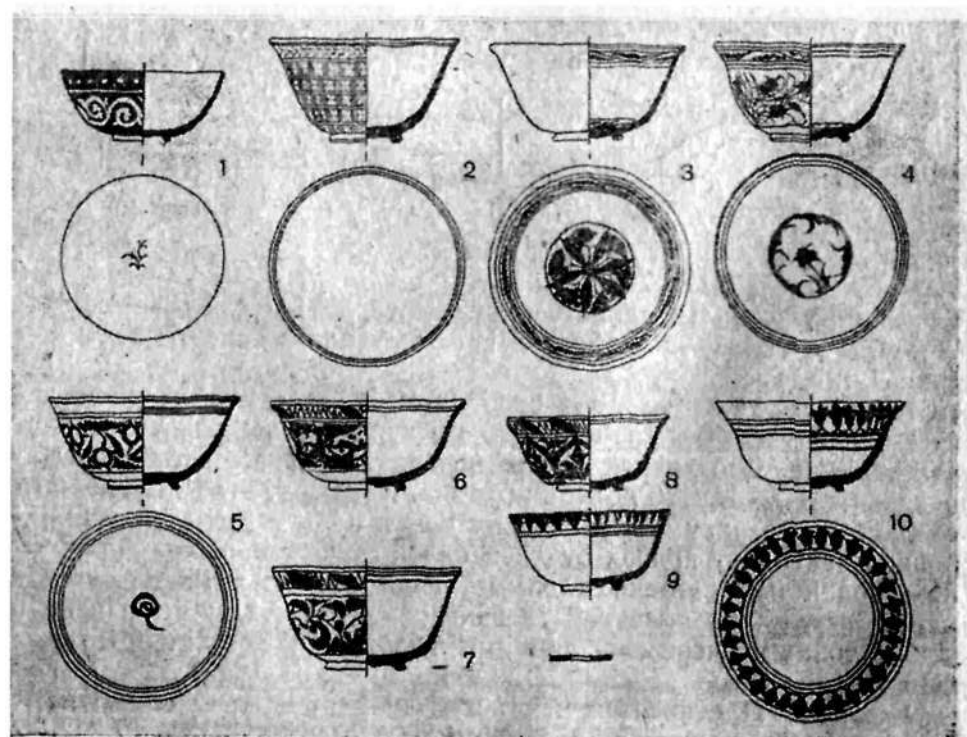

Рис. 3. Чаши.

Тип 1 — чаши с прозрачной и неокрашенной поливой по белому ангобу*. По цвету росписей и полив можно выделить ряд подтипов.

Подтип «а» (№ 2, 10, 16, 21, 11) — с растительными мотивами, нанесенными темно-синим кобальтом. Верхний пояс у четырех сосудов (№ 2, 10, 16, 21) идентичен (рис. 2, 7). В основной зоне на трех сосудах — густо переплетенные растительные мотивы. Роспись так плотно покрывает поверхность сосуда, что белый фон

Рис. 4. Миниатюрная пиа́ла № 11.

едва проглядывает. У сосудов № 2, 10 линии, отделяющие основную зону от верхнего пояса, выполнены марганцем. Внутренняя поверхность всех сосудов этого подтипа лишена орнамента. Лишь по краю венчика проходят две параллельные полосы да в центре дна трех сосудов имеется крупная синяя точка (рис. 3, 5—8).

Сюда же условно относим единственную миниатюрную пиа́лу (№ 11). По пропорциям и профилю она соответствует чашам класса II. Под прозрачной поливой, по белому фону роспись кобальтом. На верхнем пояске — рисунок. Основная зона заполнена сеткой с шестиугольными ячейками, внутри которых — по пять точек (рис. 4).

Как упрощенный вариант подтипа «а» можно рассматривать две чаши (№ 12, 15). Наружная сторона их покрыта поливой, в отличие от всех прочих чаш, лишь на 2/3. Роспись кобальтом чрезвычайно скупа. В одном случае (№ 12) это опускающиеся с двух сторон от верхнего края венчика удлинненные треугольники,

* Чаша № 2 — $D-210$, $h-95$, $d-80$; № 9 — $D-211$, $h-108$, $d-90$; № 10 — $D-200$, $h-105$, $d-82$; № 11 — $D-106$, $h-53$, $d-40$; № 12 — $D-204$, $h-94$, $d-75$; № 14 — $D-200$, $h-108$, $d-76$; № 15 — $D-214$, $h-98$, $d-75$; № 16 — $D-204$, $h-96$, $d-82$; № 18 — $D-210$, $h-100$, $d-78$; № 21 — $D-202$, $h-100$, $d-?$; № 22 — $D-205$, $h-102$, $d-?$

под которыми проведены параллельные полосы (рис. 3, 9). В другом — снаружи по верхней части проходит ряд стилизованных трилистников, под которыми имеются две параллельные полосы, а внутри — три островолнистые линии у самого края венчика (рис. 2, 6).

Подтип «б» (№ 16, 22) — с росписью марганцем под прозрачной бесцветной поливой на наружной стороне борта. На одной чаше (№ 18) орнаментирована лишь основная зона — повторяющиеся круги с четырьмя лучами, стилизованные листья заполняют пространство между ними. Центры кругов залиты голубой краской. На внутренней поверхности — лишь полоска по краю венчика. В центре крупная «запятая» (рис. 3, 5). У другой чаши — узорный верхний пояс (рис. 2, 9), а остальная зона свободна от росписи, лишь в нижней части, вокруг кольца поддона, имеется небрежно выполненная спираль.

Тип 2 представлен двумя чашами (№ 9, 14), покрытыми зеленовато-бирюзовой поливой и росписью черным. На наружной поверхности одного экземпляра (№ 9) — повторяющийся пышный куст с удлинненными листьями и остролепестковым цветком. Стебель и листья куста как бы колеблются под легким дуновением ветерка. В центре дна — тот же цветок на слегка прогнутом стебле в круге (рис. 3, 1).

На наружной поверхности чаши № 14 в основной зоне — сетка из квадратных ячеек, внутри которых по пять точек. Верхний пояс аналогичен пояску чашечки-пиалы № 11 (рис. 2, 2). В центре дна — две точки, на кольце поддона — две параллельные черты-нарезки (рис. 3, 2).

Тип 3 представлен одной чашей (№ 17). Наружная поверхность ее покрыта ярко-синей непрозрачной поливой, а внутренняя — прозрачной поливой голубоватого оттенка. В центре дна в круге кобальтом изображена шестилепестковая розетка. По краю венчика с внутренней стороны — пояс из прямых и волнистых линий (рис. 2, 4; 3, 3).

Тип 4 также представлен единственной чашей (№ 19), покрытой с обеих сторон ярко-синей прозрачной поливой. На внешней поверхности под поливой — роспись черным в виде пышной композиции растительных мотивов. Черепок в изломе светло-желтого цвета, по структуре подобен кашину. Находки фрагментов подобной керамики не единичны в Туркестане (16, с. 70).

Группа «блюдца» представлена лишь двумя однотипными экземплярами (№ 3 — $D = 227$, $h = 55$, $d = 75$; № 6 — $D = 230$, $h = 55$, $d = 82$) (рис. 1, 4). Широко отогнутые борта имеют плавный контур поднимающихся вверх стенок. На внутренней поверхности под прозрачной бесцветной поливой на белом фоне — роспись ярко-синим кобальтом. Растительные элементы плотно покрывают орнаментируемую поверхность. Орнамент организован в концентрические пояса — наружный (аналогичный верхнему поясу чаш подтипа «а» типа 1) (рис. 2, 7), средний (идентичный у

обоих сосудов) и центральное поле, заполненное в одном случае (№ 6) мотивом стилизованной ветви, а в другом (№ 3) — фрагментом орнамента среднего пояса. Снаружи полива покрывает половину борта, под ней небрежно нанесены спиралевидные линии (рис. 5, 1, 4).

Группа «тарелок» представлена четырьмя экземплярами (№ 4, $D = 230$, $h = 60$, $d = 83$; № 5 — $D = 235$, $h = 60$, $d = 75$; № 8 — $D = 235$, $h = 57$, $d = 95$; № 13 — $D = 245$, $h = 55$, $d = 85$),

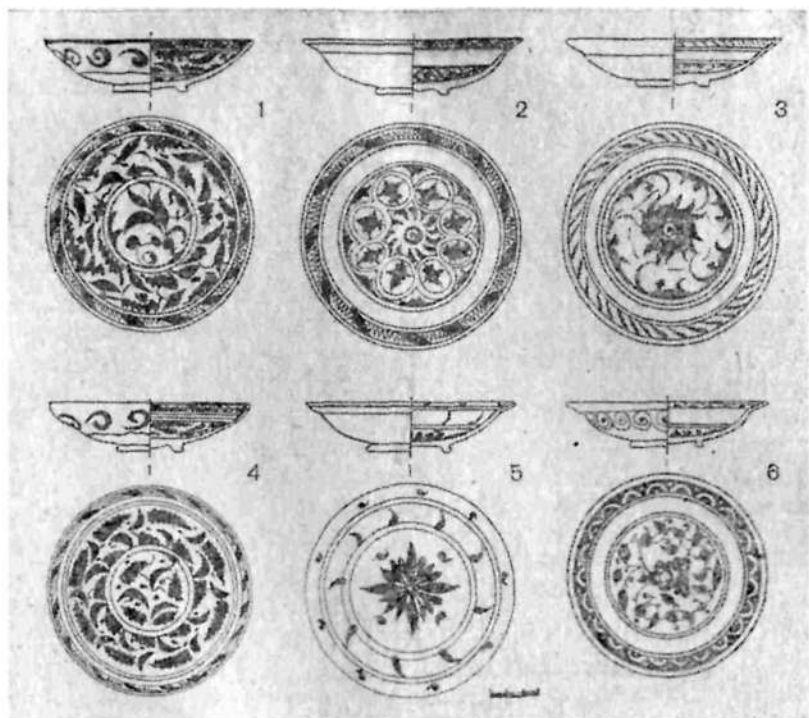

Рис. 5. Блюдца и тарелки.

относящимися к одному типу, но по цвету росписи — к двум подтипам (рис. 1, 3).

Профиль этой формы сосудов имеет четкое членение на отогнутую закраину, выпуклый борт и дно. Это членение подчеркивает и структура декора внутренней поверхности. Снаружи полива прозрачная, покрывает борт до половины, орнамента нет.

Тип 1 представлен тремя сосудами с росписью кобальтом по белому фону под прозрачной бесцветной поливой. У одного (№ 5) внешний пояс аналогичен внешним поясам «блюдец», средний свободен, а в центре — розетка из расположенных по кругу более мелких кружков, внутри которых изображен трилистник (рис. 5). Другая тарелка (№ 8) примечательна центральной четырехлуче-

вой розеткой, из центра которой между основными лучами выведены пучки листьев. Между концами лучей помещены точки (рис. 5, 5).

Тип 2 — единственный сосуд (№ 13), внутренняя поверхность которого скупо расписана марганцем, под прозрачной бесцветной поливой. На кольце поддона — две параллельные косые линии нарезки, как у чаши № 14 (рис. 5, 3).

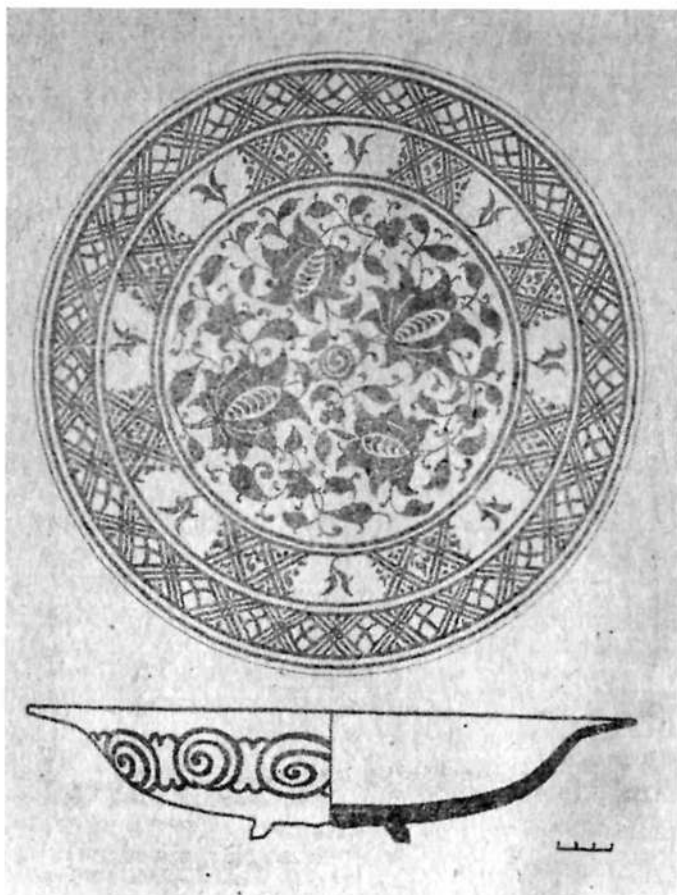

Рис. 6. Блюдо № 7.

В комплексе сосудов входит блюдо (№ 7, D — 344, h — 60—70, d — 100). Профиль его имеет четкое членение на отогнутую закраину и выпуклый борт (рис. 6).

По белому ангобу под прозрачной бесцветной поливой тонкими четкими линиями нанесена роспись ярким кобальтом. Композиция орнамента подчеркивает конструктивное членение формы. Внешний орнаментальный пояс заполнен кривой сеткой, в ячейках

которой — мелкие крестики и точки. В среднем поясе тот же мотив размещен в отдельных картушах, в зонах между которыми изображен растительный побег. В центральной зоне изображены четыре крупных цветка лотоса, свободно расположенных на фоне переплетения тонких ветвей и листьев.

Отметим продуманность композиции декора и мастерство исполнения. Крупные цветы привлекают внимание к центру композиции. Орнамент среднего и внешнего поясов придают закраине и борту легкость, а всей композиции законченность.

В результате спектрального и микроскопического анализа* образцов восьми сосудов (№ 1, 6, 7, 8, 17, 19, 21, 28) установлено, что для приготовления теста использованы легкоплавкие светложгущиеся глины, карбонатные и ожелезненные. Состав формовочных масс различный. Степень ожелезненности различных образцов неодинакова. Ниже содержание окиси железа в образцах № 8 и 19. В черепке № 19 повышенное содержание кремнезема — 70%, а глинозема — 3%. По составу черепок этой чаши близок к кашину.

На всех рассмотренных образцах глазурь глянцевая, с сильным стеклянным блеском; на части образцов имеет вид чистого стекловидного покрытия. Полива чаще легкоплавкая с различным проваром. Твердость по шкале Мооса 7 и выше. Обжиг в окисленной среде при температуре выше 1000°C. Глазурь щелочная трех вариантов: натриевая (№ 1, 7, 17, 19, 22), калиевая (№ 8) и в глазури сосудов № 6, 21 плавки Na_2O и K_2O взяты в равных количествах. Все три типа полив отличаются очень высоким содержанием фосфора и магния.

В силу ряда причин датировать рассматриваемый комплекс можно лишь в результате сравнительно-исторического анализа, на общем фоне культурной эволюции в послемонгольское время в Средней Азии. Всеми исследователями конец XIV—XV вв. характеризуются как время окончательного сложения и широкого распространения нового керамического стиля, во многом определившего облик керамики последующих веков. В крупных политических образованиях послемонгольского времени существовали условия для широчайших международных связей. Особенно показательна в этом смысле эпоха Тимура и Тимуридов, когда практиковалось переселение ремесленников различных специальностей, в том числе и гончаров (17, с. 327; 18, с. 23; 20, с. 49), что в известной мере обусловило возникновение и распространение «синкретического» тимуридского керамического стиля и широкое распространение отдельных декоративных элементов и их систем.

Изменения коснулись всей совокупности признаков: ведущей цветовой гаммы и росписей; структуры и репертуара элементов

* Анализы проведены Т. М. Тепловодской в проблемной лаборатории археологической технологии ИИАЭ АН Республики Казахстан.

орнамента; набора форм. Все эти новые признаки присутствуют на образцах данного комплекса.

Формы сосудов аналогичны типам форм самаркандской керамики XV в. (4, с. 98). Размеры блюда близки размерам блюд из Бинката (6, с. 86), Ахсикета (7, с. 81) и Самарканда (2, с. 52). Как и во всех других комплексах XV в., в данном комплексе ведущей группой является керамика с кобальтовой росписью по белому фону. Рассматривая орнаментику сосудов из Туркестана, можно отметить аналогии на уровне отдельных элементов. К примеру, сетка с шестиугольными ячейками обнаружена не только на керамике Ферганы (7, с. 60) и близлежащего Отрара (19, с. 34), но и в декоре блюд XV в. иранского происхождения (20, с. 42). Орнаментальный пояс (№ 7, рис. 2), отмеченный на целом ряде сосудов, украшает чаши Отрара (21, рис. 57, 58, 59), другой пояс (№ 2, рис. 2) обнаруживается на чаше из Ахсикета, где он, как и на нашей пиале (№ 19), дополняет сетку из шестиугольных ячеек (7, с. 60). Арочки основной орнаментальной зоны чаши № 16 находят аналогию в декоре чаш из Ташкента (6, с. 88). Заполнение внешнего пояса декора блюд косой сеткой характерно для керамики Отрара, где также встречаются картушки, образованные косыми крестообразными фигурами, которые расположены во втором поясе (21, рис. 70, 77, 69). Некоторые элементы декора оттарских блюд аналогичны элементам декора блюд XV в. Самарканда (4, с. 101) и Ирана (22, с. 65).

Как известно, сложение нового керамического стиля, получившего применительно к Мавераннахру и Хорасану наименование «тимуридский»* (23, с. 60), было результатом синтеза** художественных и технологических достижений и традиций обширного региона — от Ближнего Востока до Китая*** (24, с. 14; 25, с. 104—130). Однако сравнительный анализ рассматриваемого комплекса обнаруживает его близость прежде всего с керамикой среднесырдарьинского региона (Отрар, Бинкат, Ахсикет), совпадения с которой интенсивны не только на уровне отдельных элементов, колористического решения и художественной трактовки растительных мотивов, но и на общекомпозиционном уровне.

В восточной орнаментике именно композиция выполняла основную семантическую функцию (3, с. 52), и совпадение в этом плане наиболее значимо для нас. Только для среднесырдарьинского региона характерен акцент на росписи наружной поверхности бортов чаш, в то время как в Хорезме и Нижнем Поволжье основное внимание уделялось орнаментации внутренней поверх-

* Применимость этого термина была принята международным симпозиумом по искусству Центральной Азии эпохи Тимуридов.

** Этот синтез особенно интенсивно протекал в монгольское и послемонгольское время. Известны факты переселения китайских ремесленников в Иран в XIII в.

*** В гончарных мастерских Тегерана для нужд шаха Аббаса I (1587—1629) работали китайские мастера.

ности (38, с. 102—104; 28, рис. 104—III, 116, 119, 120; 8, с. 92), а орнаментация чаш Самарканда была двухсторонней (4, с. 101—102). При этом для чаш Туркестана, Отрара, Бинката и Ахсикета характерна трехпоясная структура декора, как и на блюдах этого времени. Но если на блюдах расписывалась одна плоскость — внутренняя, что обусловлено формой этого вида сосудов, то на чашах декор как бы разложен на две плоскости: два пояса на наружной поверхности борта, а центральная розетка — внутри, т. е. та же трехчастная структура, но на двух плоскостях. Отмеченная особенность декоративной структуры среднесырдарьинской керамики заставляет предполагать ее семантическую обусловленность и рассматривать как характерный признак системы художественного языка в данном регионе.

О стилистическом своеобразии среднесырдарьинских керамических росписей может свидетельствовать иная трактовка листы, бутонов и цветков на нашем блюде и на блюдах из Средней Азии (4, с. 101; 29, с. 57—58; 22, с. 65), Ирана и Китая (30, с. 9, рис. 1). Однако по общему характеру декора это блюдо близко группе иранской керамики с элементами подражания китайскому фарфору «типа кобальт» (31, р. 23—36). Возникновение росписей такого типа в Иране относится к концу XIV в., но точно датированные образцы указывают на вторую половину XV в. (32, с. 180).

Принципиальное единство в структуре орнаментации туркестанского блюда и иранских позволяет говорить о XV в. (вторая половина?) как о наиболее вероятной дате сложения данного комплекса керамики*.

Рассматривая эволюцию иконографии мотива цветка лотоса в торовитке и поливной керамике послемонгольского времени, мы также приходим к выводу, что изображение на блюде из Туркестана наиболее близко иконографии лотосов именно XV в. (34, с. 67; 35, рис. 123, 131, 137, 141, 142 и сл.; 36).

В целом комплекс из Туркестана обнаруживает все основные декоративно-художественные признаки, характерные для керамики Средней Азии XV в., и достаточно полно характеризует состояние керамического ремесла Туркестана этого времени.

Наиболее полное представление мы получаем о так называемом «тимуридском» керамическом стиле, который наряду с общестилевыми обнаруживает и специфически местные черты. Керамика этого стиля является продукцией высокоразвитого городского ремесла, обеспеченного наличием высокопрофессиональных

* Появление в Туркестане (Ясы) керамики, декоративная система которой имеет прототипы в Иране, объясняется, на наш взгляд, тем, что, как известно, для строительства мавзолея Х. А. Ясеви были привлечены мастера различных специальностей из Тебриза, Исфахана, Шираза. Ширазцами были оба мастера-керамика, чьи имена сохранились в надписях на изразцовом убранстве мавзолея (33, с. 5). Очевидно, их продолжительное пребывание здесь имело следствием включение Туркестана в ареал гончарных центров, производивших керамику «тимуридского стиля».

керамиков и рисовальщиков. Имеются пока еще робкие попытки внести в цветовую гамму росписей сосудов марганец, который в последующем займет в палитре росписей значительное место (37, с. 174).

Обнаружение описанного керамического комплекса позволяет дополнить имеющиеся археологические свидетельства об исторической топографии городища Эски Туркестан. Как отмечалось выше, комплекс связан с первым жилым горизонтом, перекрывающим остатки какой-то мемориальной постройки, который также может датироваться XV в. Появляются основания говорить о XV в. как о времени плотной застройки территории к западу от мавзолея Х. А. Ясеви, т. е. после того, как по высочайшему повелению Тимура на месте обветшавшего мавзолея тюркского суфия, «апостола истины» (М. Е. Массон) было начато возведение первоклассного памятника средневекового зодчества. Можно предположить, что плотная застройка этой территории началась в тот довольно краткий период времени, когда Туркестан стал очень быстро расти. Если еще у Шараф ад-дина Йезди Туркестан (Ясы) назван селением (Карийа) (38, с. 520), то уже в начале XVI в. у Рузбихана город Ясы назван столицей Областей Туркестана, «местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам» (39, с. 141).

Эти предварительные выводы, как, впрочем, и все имеющиеся археологические данные о генезисе города Туркестан (Ясы), нуждаются в подкреплении целенаправленными стратиграфическими исследованиями исторической топографии. Острая необходимость таких работ обусловлена интенсивным разрушением городища в ходе подготовки к предстоящим строительным работам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якобсон А. Л. Средневековая поливная керамика как историческое явление//Византийский временник. Т. 39. 1978.
2. Сухарев И. А. Два блюда XV в. из Самарканда//Тр. ИИА АН УзССР. Т. 1. Ташкент. 1948.
3. Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв.//Тр. ЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад.
4. Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV в.//Тр. САГУ. Нов. сер. В. XI. Ташкент, 1950.
5. Лунина С. Б. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Узбекистане//ОНУ. 1969. № 8—9.
6. Вархотова Д. Художественная керамика XV—нач. XVI вв. из Ташкента//ОНУ. 1969. № 8—9.
7. Ахраров И. Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV—XVI вв.//ОНУ. 1969. № 8—9.
8. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVIII вв.)//Тр. ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
9. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
10. Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики...
11. Ташходжаев Ш. С. Вопросы к исторической классификации поливной керамики Афрасиаба//Из истории искусства Великого города. Ташкент, 1972.

12. Garding J.—I. Methods for the diskriptive Analysis of Archaeological Material//American Antropologist. 1967. 3, 2. N1.
13. Каменецкий Н. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975.
14. Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
15. Кашина Т. И. Керамика культуры Яншао. Новосибирск, 1977.
16. Ерзакович Л. Б., Нурмуханбетов Б. Н., Ордабаев А. Подземное погребальное сооружение в Туркестане//Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.
17. Рюи де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 г. СПб., 1881.
18. Рахимов М. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961.
19. Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отчет о раскопках на городище Отрар в 1974 г.//Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
20. Асадуллаев С. Х. Произведения иранских мастеров в собрании музея искусств им. Р. Мустафаева (Баку)//Искусство и археология Ирана. Доклады. М., 1971.
21. Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981.
22. Иванов А. Фаянсовое блюдо XV в. из Машхада//СГЭВХУ. Л., 1980.
23. Веймарн Б. Искусство Тимуридов//Искусство. 1970. № 6.
24. Кречетова М. П., Вестфален Э. Х. Китайский фарфор. Л., 1974.
25. Кверфельд Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.
26. Арапова Т. Б., Рапопорт И. В. К истории культурных связей Ирана и Китая в XVI—нач. XVIII в. (по материалам керамического производства)//Искусство и археология Ирана. Доклады. М., 1971.
27. Лелеков Л. А. Семантический параллелизм в орнаментике Средней Азии, Закавказья и Древней Руси//Сообщения ГМИНВ. 1972.
28. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
29. Кондратьева Ф. Блюдо тимуридского времени с изображением пейзажа//СГЭ. В. XX. 1961.
30. Арапова Т. Б. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Л., 1977.
31. Branhammer Y. Ceramigestites te Kou Satchi Cahiers de la ceramique et des arts tutern. Sevres tilver 1956—1957.
32. Масленицына С. П. Начало нового периода средневековой керамики Ирана (XIV в.)//Искусство и археология Ирана. II всесоюзная конференция ГМИНВ. М., 1976.
33. Массон М. Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930.
34. Комаровский М. Золотой ковш монгольского времени из Предкавказья//СГЭ. М. XXXVI. 1973. —
35. Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961.
36. Нагым Бек Нурмуханбетов. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви. Алма-Ата, 1980.
37. Сенигова Т. Н. Керамика городища Туркестан из верхнего строительного горизонта (XVII—XVIII вв.)//Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
38. Бартольд В. В. Соч. Т. III. М., 1965.
39. Фазлаллах Ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йо Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ТАШКЕНТА КОНЦА XV—XVI вв.

Археологические исследования последних лет на территории позднесредневековых городов Средней Азии велись очень интенсивно. В отличие от южноказахстанских городов, в которых такие работы носят характер широких плановых исследований, на территории Узбекистана они чаще всего связаны с работами на новостройках, где не всегда удается проследить материалы планиграфического характера или даже четкую последовательность стратиграфии слоев. Большие изыскания подобного рода ведутся и на территории старгородской части Ташкента (древний Бинкет). При получении материала особое внимание уделялось закрытым комплексам, встречающимся в основном в бадрабах и мусорных ямах. В настоящей статье рассматривается один из таких комплексов, полученный из бадраба, примыкавшего к центральному зданию нового крытого рынка. По ассортименту комплекс делился на чаши (коса), чашечки (пиала), блюда (табок), блюда (ликобча), крынки (хурмача), детские горшочки (тувак) и т. д.*

Чаши (коса) составляют самую большую группу среди материалов комплекса**. Имеют кольцевой поддон, плавно переходящий в полусферические стенки со слегка отогнутой у венчика краем. По цветовой гамме комплекс делится на керамику с монохромной орнаментацией синей (кобальт), темно-коричневой красками; с полихромной орнаментацией темно-коричневой, синей и темно-голубоватой красками. Особую подгруппу при последних составляют полихромные образцы, дополнявшиеся при оформлении техникой процарапывания. Орнаментация наносилась по внутренней и, как правило, по внешней поверхности изделий. Подглазурный ангоб белый. Глазури, покрывавшие изделие вплоть до поддона внешней поверхности, обычно бесцветные, матовые или темно-бирюзовые. Размеры чаш стандартны: диаметры венчиков 19,5—21 см, донец 7,2—8,3 см, высота 9,3—10,1 см. Также стандартно и композиционное распределение орнаментации. На внутренней поверхности оно состоит из заключенных в круг растительно-цветочных мотивов по донцу и неширокого ленточного бордюра из схематических растительных и геометрических композиций по венчику. Пространство стенок между донцем и венчиком обычно не орнаментировалось. На внешней поверхности растительная и геометрическая орнаментация занимала почти всю площадь стенок, завершаясь у венчика небольшим ленточным

* Комплекс получен во время работ автора в составе Ташкентского археологического отряда.

** Формы чаш (коса) также являлись преобладающими для этого периода Ташкента и Шахрухи (1, с. 86; 2, с. 61).

—бордюром. На большинстве чаш — полива неплохого качества, реже образцы с поливой, покрытой цеком, или слабо держащейся на поверхности стенок.

К первой подгруппе мы отнесли монохромную керамику, расписанную синей растительно-цветочной орнаментацией по белому фону. На первой чаше (рис. 1, 1) орнаментация по центру состоит из заключенного в круг мотива поднимающегося от кочки побега с крупным условно-символическим плодом граната посередине. Ленточный бордюр по венчику — из повторяющихся параллельных

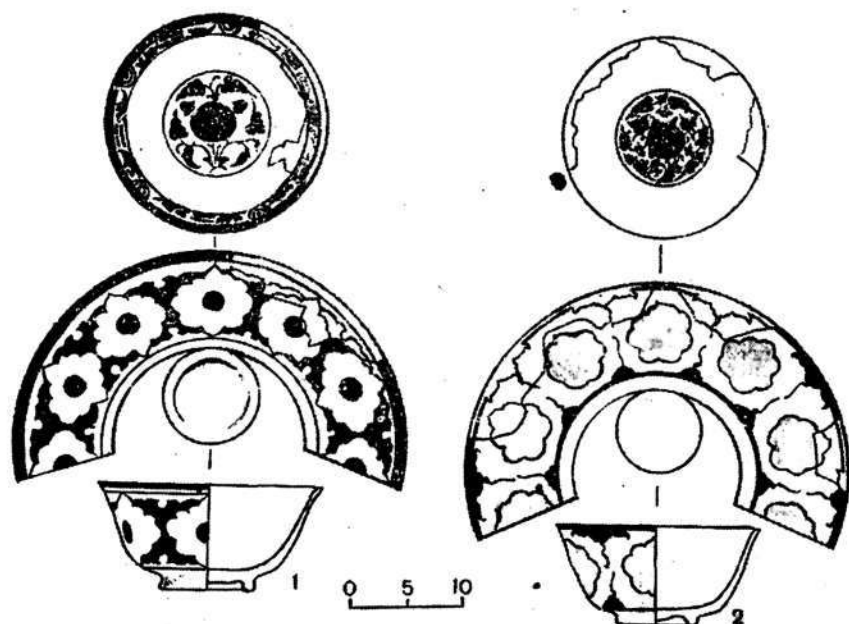

Рис. 1. Образцы парадно-обиходных чаш.

линий, заключенных одно в другое полукружий, которые чередуются со схематическими завитками и побегами, напоминающими передачу грибов «чжи». Орнаментация по венчику внешней поверхности состоит из круговой линии, а по стенкам — из повторяющихся крупных цветочных розеток. Вторая чаша (рис. 1, 2) по характеру орнамента близка первой.

Ко второй подгруппе монохромов мы относим две чаши, роспись которых выполнена преимущественно темно-коричневой краской (рис. 2, 1, 2). Орнаментация по центру состоит из вихревой и лепестковой розеток, по венчику — из чередующихся косых штриховых линий, полос, завитков и мотивов «занжир». Последние получили особенно широкое распространение на керамике Бухары XVII—XVIII вв. (3, рис. 2, 1; рис. 3, 2, 4). Не исключено, что они происходят от стилизованной передачи полета птиц, встречаю-

щейся на парадной керамике Ташкента XV в. (4, рис. 1). Орнаментация внешней поверхности состоит из простейших ленточных полос, вертикальных линий и стилизованных листовидных мотивов, очень широко встречающихся на керамике Ташкента (1, рис. 2, 2, 4) и Ахсикента (5, рис. 1) исследуемого этапа.

Монохромность первой чаши дополнилась окантовкой закраины венчика темно-бирюзовой краской. Сравнивая первую и вторую группы представленных монохромов, можно говорить о более тщательном выполнении орнаментации с прорисовкой отдельных деталей на первой и более упрощенной схематизацией на второй.

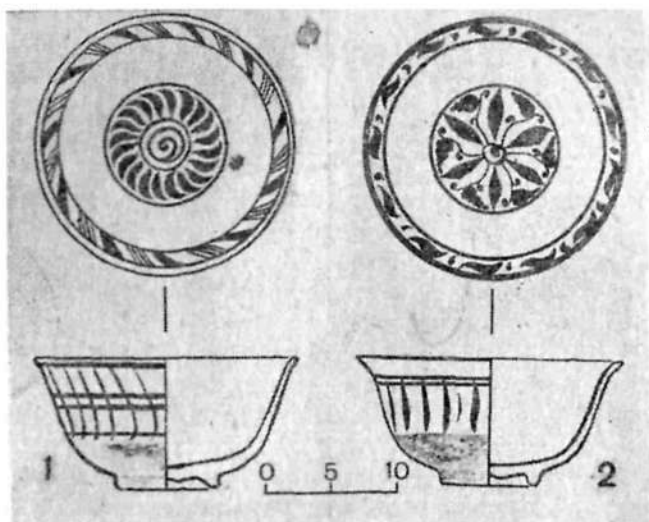

Рис. 2. Образцы обиходных чаш.

Орнаментация кобальтом на первой выделялась значительно большей яркостью, чем темно-коричневой краской на втором. Орнаментация внешней поверхности второй подгруппы в отличие от первой не доведена до поддона. Наличие отличающихся по качеству изделий в одном комплексе указывает на то, что изготовлялись и парадные, и обиходные образцы посуды.

К третьей подгруппе монохромных чаш необходимо отнести изделия, покрытые бирюзовой по белому ангобу и подглазурной росписью черной краской. В целом эта керамика в отличие от остальных белофонных групп имеет голубой цвет. По характеру орнаментации, интенсивности цветовой гаммы чаши делятся на парадные и обиходные образцы. Две чаши (рис. 3, 1—2) с орнаментацией как по внутренней, так и по внешней поверхности отличаются яркостью поливы и сочностью красок и, несомненно, носят парадный характер. Бордюр венчиков украшают композиции, очень популярные и на других группах изделий — это волнообразные мотивы со спиралевидными завитками в резервах и мо-

тивы косых штрихованных линий и полос. В целом роспись выполнена тщательно. Плотный белый ангоб, видимо, также способствовал тому, что краски не растекались. Эти изделия были имитацией распространенного в этот период дальневосточного фарфора с голубым фоном (6, табл. 1).

Три следующих образца можно отнести к обиходным изделиям. На первом (рис. 3, 3), орнаментация по центру состоит из крестообразного мотива, а по венчику — из круговых концентрических

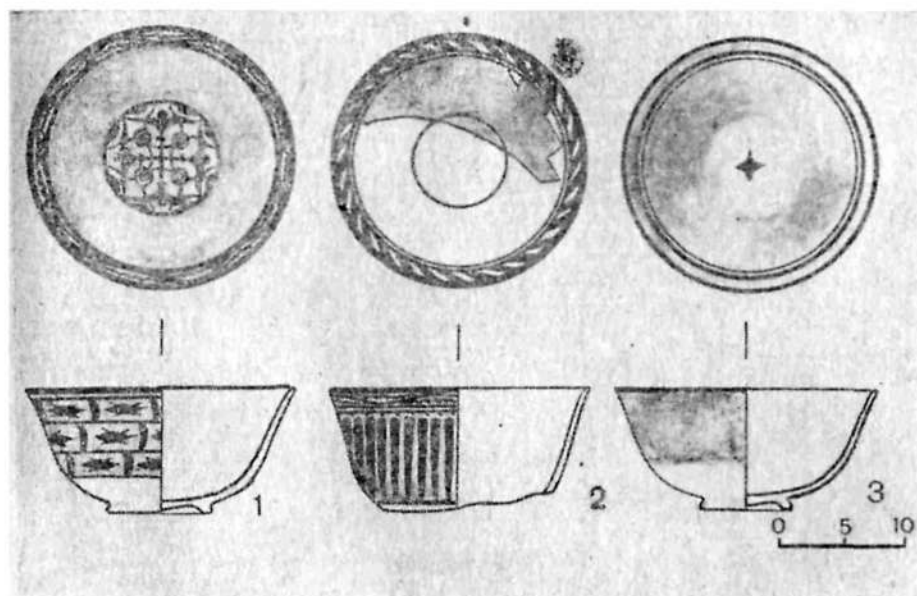

Рис. 3. Образцы парадных (1, 2) и обиходных (3) чаш.

линий. На внешней поверхности, хотя глазурь и покрывает большую часть чаши, орнаментация отсутствует. На двух следующих образцах роспись богаче, но выполнена очень упрощенно в многократно повторяющихся стандартных вариациях. Светло-голубоватая глазурь на обиходных чашах не отличается блеском и глубиной, которая, видимо, достигалась на парадных видах за счет ее интенсивности. На обиходных образцах особенно заметны процессы упрощения и схематизации, которые приобрели массовый характер на столовой посуде двух последующих столетий.

Ко второй группе относятся чаши с полихромной орнаментацией, выполненной сочетаниями двух или трех красок — темно-коричневой, голубой и синей. При этом роспись темно-коричневой краской является ведущей и используется также для окантовки расплывавшейся контрастной голубой. Ангобы белые, глазури бесцветные или матовых оттенков. Керамика группы подразделяется на три подгруппы. В первую входят изделия с росписью двумя цветами — темно-коричневым и голубым, во вторую — тремя

цветами, а в третьей — полихромная гамма дополняется процарапанной орнаментацией. Донная орнаментация двух чаш (рис. 4, 1, 2) состоит из искусно выполненного мотива побегов и вихревой лепестковой розетки. По венчику — бордюр из стилизованных растительных мотивов. На внешней поверхности одной чаши — повторяющийся мотив веточек с двумя плодами, на другой — стилизованная передача «отвесной композиции» цветочками. Цветочки и плоды в данном случае нарисованы голубой краской.

Характерными образцами чаш второй подгруппы служат два донца, у которых круговое донное обрамление выполнено синей

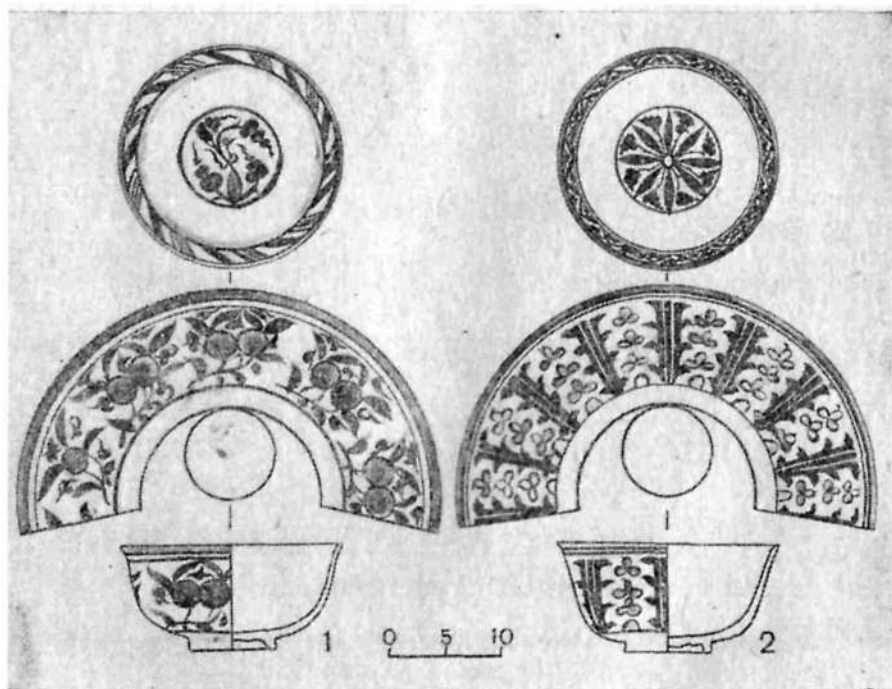

Рис. 4. Образцы парадных чаш.

краской, заключенный в него мотив растительной композиции — темно-коричневой, а располагавшийся в центре цветок — темно-голубой.

К третьей подгруппе относится одна целая и фрагменты двух чаш, при орнаментации которых, наряду с росписью темно-коричневой и голубой красками, использовалась техника процарапывания. Особенностью чаш этой подгруппы, в отличие от сосудов остальных подгрупп (рис. 5, 1), также является заполнение орнаментальной композицией свободного пространства внутренних поверхностей стенок между центральной донной композицией и ленточным бордюром по венчику.

Вместе с тем, общая схематизация, использование при оформ-

лении посуды темно-коричневой и голубой красок, процарапанной орнаментации, заполненные росписью внутренних поверхностей стенок указывают на принципы художественного декорирования, получающие широкое распространение в следующее столетие.

Нимкоса (получаши) по форме и характеру художественного оформления повторяют чаши, но имеют меньшие размеры. В ком-

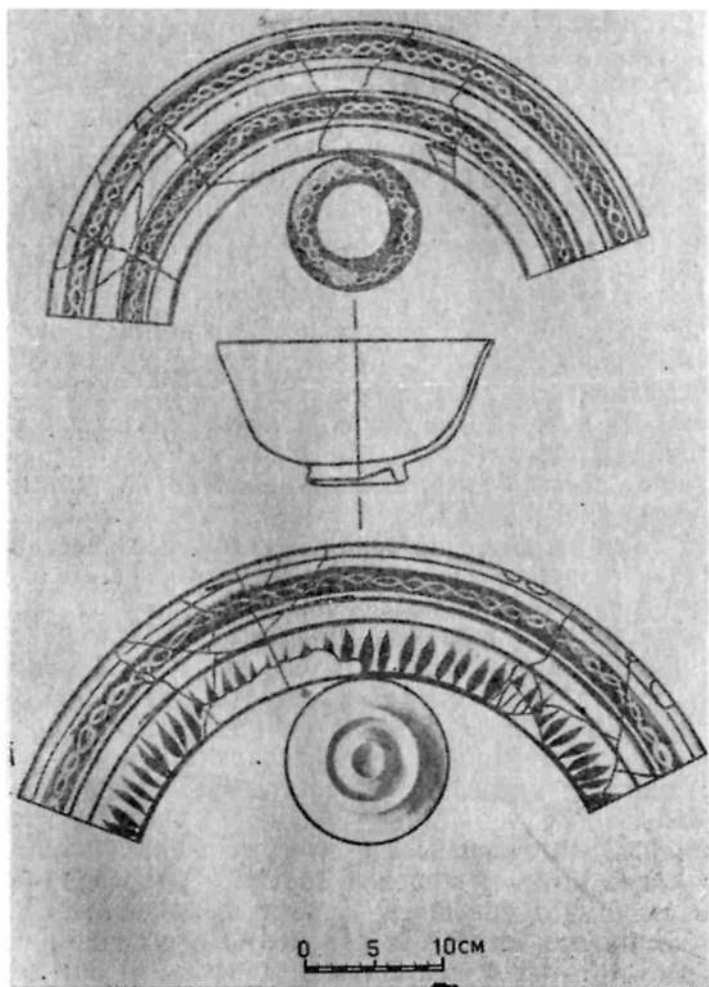

Рис. 5. Образец парадно-обиходной чаши.

плексе встречено пять археологически целых и фрагменты нимкоса. Диаметры венчиков варьируют в пределах 15—15,5 см, донец 5,9—7 см, высота 7,2—7,4 см.

На первом археологически целом образце монохромная орнаментация кобальтом по центру представляет собой заключенные в круговую концентрическую линию выющиеся, растительные по- беги. Ленточный бордюр по венчику состоит из чередующихся

горизонтальных штриховых линий и схематических волнистых и крестовидных мотивов. Внешняя поверхность орнаментирована выходящими растительными побегами.

Наряду с большинством расписных нимкоса встречен образец, несколько отличающийся от остальных по исполнению. Орнаментация отсутствует. Легко отслаивающаяся светло-голубая полива низкого качества покрывает лишь внутреннюю поверхность чаши, ангоб отсутствует. Обычный для этого периода кольцевой поддон в сравнении с поддонами других чаш более массивен. Все эти признаки, видимо, указывают на использование последней нимкоса не для столового, а хозяйственного назначения.

Пиала (чашечки) по форме и характеру оформления идентичны чашам, но имеют значительно меньшие размеры. В комплексе выявлено всего два фрагмента пиал, что указывает на невысокую степень их употребления. На фрагменте стенки (диаметр венчика 12 см) ангоб белый, подглазурная роспись кобальтом, глазурь бесцветная. Орнаментация по венчику внутренней поверхности состоит из ленточного бордюра с повторяющимися схематическими растительными мотивами. На внешней поверхности по всей ширине стенок нанесены повторяющиеся мотивы четырехлистников с поднимающимися и опускающимися сверху мотивами побегов в резервах. На другом фрагменте основание пиалы — на кольцевом поддоне, ангоб белый, глазурь бесцветная. Диаметр донца 4,9 см, высота пиалы 5,5 см.

Блюда (лаган) среди материалов комплекса составляют вторую по количеству, но все же значительно меньшую в сравнении с чашами группу столовых изделий. Они имеют приземистую стандартную форму с широким кольцевым поддоном, от которого горизонтально с небольшим уклоном вверх, затем, круто изгибаясь в вертикальные, стенки колечато переходят в широкий отогнутый наружу бортик (рис. 6, 1). Монохромная орнаментальная композиция выполнялась синей краской и имела трехчастное деление: широкая плоскость зеркала блюда заполнялась сплошной растительной орнаментацией; на круто изогнутую часть стенки наносились повторяющиеся или чередующиеся растительные и геометрические мотивы; широкий бортик обычно орнаментировался повторяющимися сплошными растительно-цветочными элементами. В комплексе встречены фрагменты в основном венчиков и стенок всего четырех блюд. Диаметры венчиков блюд различны: 35—44 см. Различно и их оформление. Наряду с крупными массивными блюдами с четким художественным оформлением (видимо, имевшими парадное назначение) встречаются образцы блюд небольших размеров с растекающейся, схематической, тусклой росписью синей краской (вероятно, предназначавшихся для обиходного пользования).

На наиболее крупном и хорошо сохранившемся образце орнаментация представляет собой ярко-синюю роспись по белому ангобу. Пышные растительные композиции имеют широкие парад-

лели в образцах китайских фарфоровых блюд XV—XVI вв. Роспись внешней поверхности — повторяющиеся в картушах кресто-
видные мотивы — также имитирует оформление китайского фар-

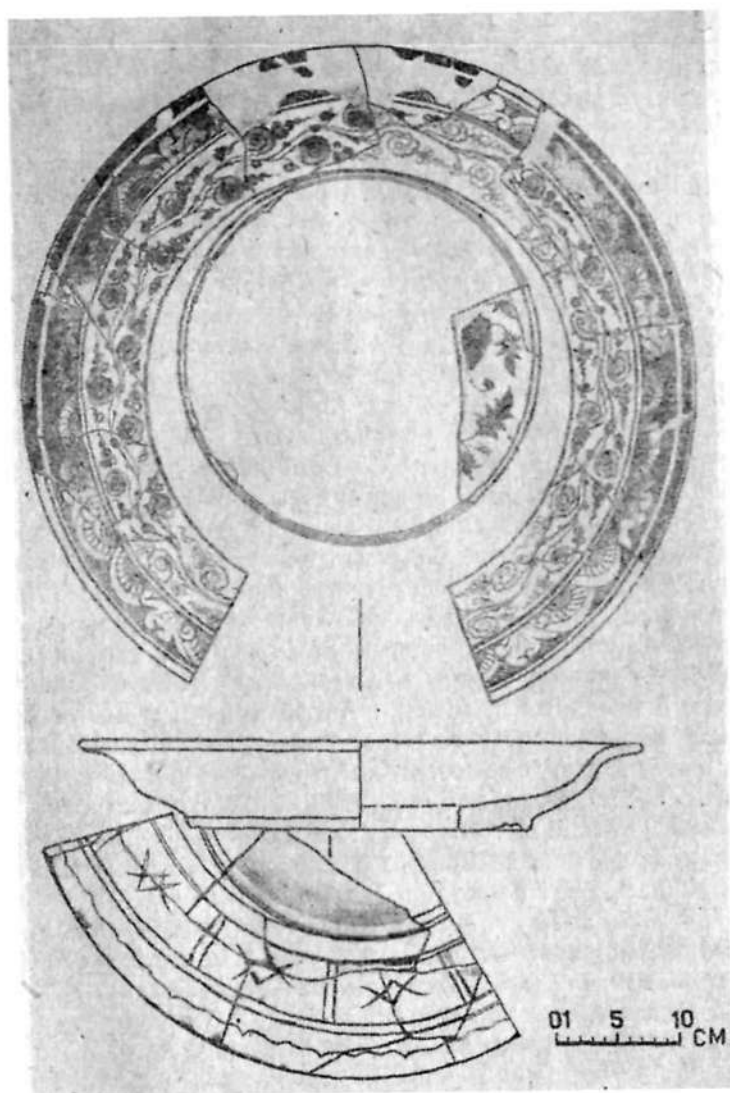

Рис. 6. Образец парадного блюда.

фора этого периода. Диаметр венчика 44 см, донца 26 см, высота 6,9 см.

Качество оформления двух следующих блюд значительно хуже. Это проявляется в нечеткости рисунка, потёках синей краски, различной по тональности — яркой или тусклой, в результате чего роспись на посуде получилась смазанной. Подобные образцы,

видимо, имели обиходное назначение. Орнаментация внешней поверхности в одном случае вообще отсутствует, а в другом состоит лишь из двух параллельных линий. Глазурь и ангоб, в отличие от таковых на первом блюде, не доведены до поддона. Диаметры венчиков достигают соответственно 35 и 39 см. В целом создается впечатление, что среди форм столовой посуды блюда в наибольшей степени имитируют образцы китайского фарфора.

Блюда (ликоча) в комплексе представлены единственным фрагментом стенки и венчика. Имеет полусферическую форму. Донце, как и на других видах столовой посуды, видимо, было с кольцевым поддоном. Ангоб белый. Бесцветная глазурь покрывает внутреннюю и частично внешнюю поверхности изделий. Роспись выполнена синей краской и, исходя из оформления сохранившегося фрагмента, композиционно имела трехчастное деление. Диаметр венчика 16 см. Наличие в комплексе всего одного фрагмента, возможно, указывает на ограниченное использование блюдец в быту.

Крынки (хурмача) — горшковидные сосуды, имевшие широкое тулово, с двумя уплощенными небольшими ручками и несколько сужающимся прямым венчиком, слегка отогнутым наружу у краины. Глазурью покрывалась как внутренняя, так и внешняя поверхности изделия. Причем на последней она не всегда доводилась до основания сосуда. Из шести фрагментов хурмача орнаментация внешней поверхности встречена на четырех. Она состоит из простейших круговых ленточных и вертикальных схематических повторяющихся листовидных мотивов, выполненных голубоватой и черной красками. Ангоб белый, глазури в основном голубая и бесцветная. Из сохранившихся фрагментов можно отметить два сосуда, диаметры которых достигают соответственно 18,5 и 19 см. В целом небрежность, простота или отсутствие орнаментации указывают, возможно, на обиходность образцов либо на ограниченное использование хурмача как столовой и хозяйственной посуды в этот период.

Наряду с посудой столового назначения в комплексе встречены в единственных экземплярах предметы хозяйственного и обиходного пользования: фрагмент чирага (светильника), фрагмент игрушки, тувак (детский горшок). Лучшая сохранность последнего позволяет характеризовать его оформление для этого периода. Он имел банкообразную форму, небольшую горловину с косым широким бортиком поверху, а ниже — расширяющиеся к основанию стенки, переходившие сначала в усеченно-конический, а затем в кольцевой поддон. Голубой глазурью покрыта внутренняя поверхность изделия. Диаметр венчика около 14 см, донца 6,2 см, высота около 15,3 см.

Кашинная посуда. Чашечки (пиала). Наряду с керамическими изделиями в комплексе встречены фрагменты двух пиал. Кашин светлый с желтоватым оттенком, легкий, мягкий. В обоих случаях сохранились лишь фрагменты венчиков, диаметры кото-

рых варьируют в пределах 12—14 см. По форме они идентичны чашам, имеют полусферические стенки со слегка отогнутой наружу закраиной венчика. Монохромная орнаментация черной краской нанесена лишь на одной чашечке. Вторая покрыта голубой глазурью, что не исключает выполнения ее в подражание тоналности поздних китайских селадонов.

Итак, характерные особенности керамических изделий комплекса заключаются в следующем:

1. Все виды столовой посуды и отдельные виды изделий специального назначения (туваки) имеют стандартную форму и размеры, характерный кольцевой поддон.

2. Ангобы белые или сероватые, наносились вплоть до поддона внешней поверхности. Глазури бесцветные, матовые, темно-бирюзовые, также наносились вплоть до поддона внешней поверхности.

3. По цветовой гамме посуда делится на монохромные и полихромы.

Монохромные: роспись синей краской по белому ангобу (кобальт); темно-коричневой краской по белому ангобу; черная роспись под голубой поливой.

Полихромы: роспись из сочетания синей (кобальт), темно-коричневой и темно-голубоватой красок; полихромы с добавлением процарапанной орнаментации.

4. Всю столовую посуду можно условно разделить на парадную, парадно-обиходную и обиходную группы.

К парадной относятся преимущественно образцы с полихромной орнаментацией, реже монохромные с синей росписью по белому фону (кобальт) или черной под голубой глазурью;

к парадно-обиходной — монохромные с довольно популярными стандартизированными орнаментальными композициями;

к обиходным — образцы с довольно ограниченной, очень упрощенной орнаментацией, а в отдельных случаях и вообще без нее.

Наибольшую группу в комплексе составляет керамика парадно-обиходного назначения.

5. Орнаментация наносилась как на внутренней, так и на внешней поверхности изделий.

Стандартно и композиционное распределение преимущественно растительной орнаментации. На внутренней поверхности чаш она состоит из заключенной в круг центральной донной композиции и ленточного бордюра по венчику, пространство между которыми обычно занимает свободная полоса. На внешней поверхности это небольшая ленточная полоса по венчику и на всю высоту стенок — условно переданные растительные композиции.

На внутренней поверхности блюд орнаментация имеет трехчастное деление. На широкой плоскости дна она представляет собой свободно располагающиеся выходящие растительные мотивы, а на круто изогнутой части стенок и бортика — повторяющиеся растительные или геометрические мотивы. Орнаментация внешней поверхности в основном состоит из схематических раститель-

ных или геометрических мотивов, а иногда отсутствует вовсе.

6. Хотя на отдельных видах изделий (чаши, блюда) наблюдается использование китаизированных мотивов, в целом преобладают местные художественные композиции.

Касаясь вопросов хронологии, необходимо отметить, что нумизматический материал в комплексе отсутствовал, а по стратиграфическим данным бадраб относится к слоям второй половины XV—XVI вв.

Тем не менее на основании материалов самого комплекса и аналогов из соседних регионов необходимо несколько сузить эту датировку в сторону омоложения. На это указывает наличие в комплексе (наряду с керамикой типа «кобальт» и полихромными изделиями) керамики с очень упрощенной темно-коричневой росписью по белому ангобу, а в отдельных случаях — вообще без орнамента. Очень немногочисленны в сравнении с группой керамики изделия из кашина. Появление на отдельных видах чаш процарапанной орнаментации и заполнение орнаментом обычно оставлявшейся свободной средней части внутренних стенок характеризуют керамику более поздних периодов. Представленный комплекс имеет широкие аналогии по Ташкенту (1, рис. 1, 2), Шахрухи (2, рис. 3), Отрару (7, с. 31—34) и может быть датирован концом XV—XVI в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вархотова Д. Художественная керамика XV — начала XVI вв. из Ташкента//ОНУ. 1969. № 8—9.
2. Буряков Ю. Ф., Тихонин М. Раскопки керамической мастерской конца XV—XVI вв. в Шахрухи//ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
3. Мирзаахмедов Д. Глазурованная керамика Бухары второй половины XVII — первой половины XVIII вв.//ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
4. Мухамеджанов А. Кадимги Тошкент. Тошкент, 1988.
5. Ахраров И. Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV—XVI веков//ОНУ. 1969. № 8—9.
6. Арапова Т. Б. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Л., 1977.
7. Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар в XIII—XV вв. Алма-Ата, 1987.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ 1989 г. ПО ПРОГРАММЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Изучение культурно-экономических и этногенетических связей народов Средней Азии и Казахстана эпохи древности и средневековья — важная проблема истории общества Центральной Азии, обусловленная динамическим развитием его оседлой и кочевой частей, в чем важную роль сыграли и внутренние механизмы, и системы внешних взаимосвязей, в частности торговых.

Исключительно важная роль торговли в развитии экономики

и культуры общества. в научной литературе поднималась неоднократно*.

Начиная с древнейших времен, обмен служил делу распространения технических и научных достижений, приобретая огромное культурное значение, сближая далекие народы. Он способствовал общественному разделению труда, формированию городов, выделение которых явилось основой развитого опосредствованного обменом труда, отделенного от труда земледельческого (2, т. 1, с. 9; т. 3, с. 175).

Однако детальная разработка этих вопросов по конкретным регионам по единой методике не проводилась. Данные же источников о различных регионах не равноценны, не однозначны. Выдвинутая в 1988 г. ЮНЕСКО и одобренная ее Генеральной конференцией программа международных научных исследований стран Востока и Запада под девизом «Великий шелковый путь — путь диалога народов» открывает возможности изучения социально-экономических, культурных и этнических контактов различных регионов на единой методической основе с использованием различных источников. Она включает научно-исследовательские, реставрационно-консервационные, музейно-экспозиционные, просветительно-популяризаторские аспекты.

Среднеазиатско-казахстанский регион представлял собой важный узел сплетения целого пучка торговых трасс. Древние народы оазисов, степей и предгорий — бактрийцы и согдийцы, чачцы и хорезмийцы среднеазиатского междуречья — активно участвовали в транзитной торговле, в производстве и продаже товаров.

Расположение главных линий трасс зависело от политических, социальных и природно-экономических условий, позволяющих включить на определенном этапе сырьевые богатства отдельных регионов, продукция которых вливалась в общую систему торговли и экономики, расширяла рынки сбыта и источники сырья. Комплексные исследования, использование археологических и нумизматических источников дают возможность рассмотреть влияние этих факторов на экономику регионов Средней Азии в динамике их исторического развития. Исследование трасс международной торговли, проходивших в древности и средневековье из Китая через Среднюю Азию в страны Переднего Востока, показывает сложную картину постепенной миграции их основных линий, подключавших новые крупные регионы и области, становившиеся затем важным компонентом товарообмена, благодаря их ресурсам либо роли крупного рынка или сырьевого источника. Эти торговые пути — и сухопутные, и водные — являются в недостаточной степени изученными ретрансляторами обмена не только товарами, но и научными и техническими идеями, способствовавшими

* Примером этому может служить специальный симпозиум, посвященный вопросам обмена и торговли, состоявшийся в 1972 г. в Ленинграде.

разделению труда, специализации производства, культурной и этнической интеграции. Исследователи на основе археологических материалов и данных письменных источников выделяют локальные линии связей, оказывавших существенную роль в этом процессе. Это так называемый лазуритовый путь (3, с. 3—9; 4, с. 23), царская дорога Ахеменидского Ирана, по которой в столицу державы доставлялись золото, самоцветы и строительные материалы (5, с. 220).

В степной зоне, для которой в середине I тыс. н. э. отмечается социально-демографический подъем, выделяется широкий скифский степной коридор, по которому активно мигрировали племена и передвигались товары.

Однако по-настоящему широкие торгово-экономические связи стран Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока через Центральную Азию, страны Средиземноморья и Европы завязались в первые века до н. э. Особенно активно они развивались в период средневековья. Караваны шли в Европу за 6 тыс. км, доставляя восточные товары, ценнейшим из которых был шелк. Поэтому путь этот получил название Великого шелкового пути.

По традиции начало функционирования Шелкового пути относится к последней четверти II в. до н. э. По сообщению китайского придворного историографа Сыма Цяня, посланный в 136 г. до н. э. ханьским императором в поисках союзников в борьбе с воинственными племенами гуннов дипломат Чжан Цянь в течение 12 лет прошел через ряд владений — хуннов, Давань, Кангюй, юечжей и привез сведения о западных странах. Эта поездка якобы открыла регулярные связи.

Однако сам Чжан Цянь сообщает, что в Бактрии он видел китайские ткани и бамбуковые посохи. Бактрийские купцы пояснили, что получают их в результате торговли с Китаем. О торговых связях свидетельствуют и находки китайских зеркал и шелковых тканей в Пазырыкских курганах. Следовательно, путь в Бактрию сложился задолго до конца II в. до н. э. Есть основание предполагать, что Бактрией он не ограничивался. Из Балха проходил древний путь через Нишапур в Мерв. В Северной Бактрии по археологическим данным выявлено не менее трех переправ через Амударью с крепостями античного времени.

По письменным источникам известен путь войск Александра Македонского через Балх, переправу на Оксе, Железные ворота к столице Согда — Самарканду (6, с. 40—47). И переправа, и Железные ворота локализованы по археологическим материалам (7; 8). Около последних открыты античная стена и укрепление. Все это позволяет проследить путь из Бактрии в Согд. Косвенно подтверждают наличие горных путей из Согда в Бактрию свидетельства Курция Руфа и Арриана о походе армии Александра Македонского из согдийской области Наутака в бактрийскую Габазу и Паретаку горными путями (9). Источники сообщают и о кратчайшем пути из бассейна Сырдарьи, по которому прошел

Александр Македонский, когда в Согде вспыхнуло восстание. Столица Согда являлась крупнейшим торгово-ремесленным центром Междуречья на Шелковом пути. Согдийцы были самыми активными проводниками торговли. Международным языком купцов основных сухопутных линий являлся согдийский, а согдийские колонии, как показывает археологический материал, распространились вплоть до Восточного Туркестана и Китая. Согдийские купцы возглавляли торгово-дипломатические посольства Тюркского каганата в сасанидский Иран и Византию. Как отмечалось выше, известны античные пути, связывающие Согд с Бактрией. Был путь и на запад через Амударью в Мерв, через Серахс и Нишапур — в другие города Хорасана. С севера проходил путь через Северный Кавказ и Волгу, затем в Приаралье и Амударью, откуда вдоль реки вел на Бухару и Самарканд.

Наиболее активно торговые связи через Самарканд формировались в период раннего и развитого средневековья, когда транзитные пути зачастую превращались в отрезки местных линий. На последних вырастали ремесленные центры, продукция которых поступала на международные рынки. Отдельные центры и их товары упоминаются китайскими источниками (10). Более подробно этот путь описан средневековыми арабо- и персоязычными географами IX—X вв., характеризующими городские пункты, расстояния и виды продукции из определенных городов или областей. К самым ранним следует отнести сообщения Кудамы и ибн Хордадбега, в которых отражены данные дорожников раннесредневековой эпохи. В X в. они дополнились подробными сведениями Истахри, Макдиси, ибн Хаукаля, использовавшими и уточнившими их на новом хронологическом этапе.

Таким образом, роль согдийцев в международной торговле на сухопутных трассах Великого шелкового пути в определенной мере, хотя и неполно, освещена письменными источниками. Менее известна роль других регионов, хотя изучение археологических материалов показывает активное участие Бактрии, Ферганы, Бухары, а на более поздних этапах — и северных районов от Чача и Отрара до южного и восточного Семиречья, в которых с поры раннего средневековья прослеживается урбанистический подъем. Не случайно В. В. Бартольд отмечает постепенное перемещение торговых путей с юга на север, не прослеживая, правда, этого процесса во времени и не объясняя причины (11, с. 184).

Поэтому работы по изучению Великого шелкового пути мы начали с проверки изученных трасс и участков, исследованных по письменным источникам.

В мае 1989 г. отрядом Института археологии АН УзССР были начаты маршрутные работы на участках Шелкового пути от Самарканда в Чач и Фергану. За основу трассы были взяты дорожники восточных авторов IX—X вв., но при работах учитывались все более ранние материалы.

Первый отрезок пути, общий для Ферганы и Чача, связывал Самарканд с Заамином и составлял 17 фарсахов.

По данным Кудамы, он проходил через Баркет в четырех фарсах от Самарканда, далее через Катванскую степь в четырех фарсах Хушуфагн, затем по горной местности в пяти фарсах Бурнамад и от него по пустыне в четырех фарсах Заамин (12, с. 203—204). Первый пункт на этом пути — Баркет — был главным городом рустака Бузмаджен, который считался самым обширным в Согде к северу от Согдийской реки, причем наиболее густо сго селения располагались на протяжении одного дня пути от Самарканда к Губару (13, с. 18).

В. В. Бартольд предполагал, что Баркет должен находиться там, где при Тимуре была построена крепость Шираз (16, с. 192).

Дорога из Самарканда через Китайские ворота вела вдоль подножия Чупанаты и пересекала Зарафшан в районе средневекового моста-вододелителя, где, вероятно, и стоял «мост Джирд». Далее древний путь шел южнее современной трассы в направлении с. Джамбай, где концентрируются средневековые замки.

Наиболее крупный из них — Каратепа, расположенный в 18 км от Самарканда, представляет собой замок высотой до 8,5 м со шлейфом с юга, комплексом керамики от лепных форм в основании до караханидских сосудов в кроющем слое. В 5 км от него к востоку находится с. Актепа. Между ними вдоль дороги встречено шесть небольших тепа типа усадеб, одно из них двойное. В самом с. Актепа поднимаются руины одноименного замка, представляющего собой холм высотой до 15 м, по основанию 60×60 м (по вершине 15×15 м), со шлейфом с ЮЮВ размерами 70×80 м. Подъемный материал невыразительный, в целом раннесредневековый. Холм зарос травой, ныне активно используется под кладбище.

По сообщениям старожилов селения, основная дорога раньше проходила южнее. При осмотре южной трассы выявлен небольшой полуразрушенный холм усадьбы Очамайлитепе, от которого дорога шла на восток. В трех км восточнее на правом берегу глубокого русла Актепа — руины крупного памятника Актепа Митан, прямоугольного в плане, площадью 10 га, с цитаделью в одном из углов. Основная магистраль — с востока на запад. Имелось трое или четверо ворот.

Памятник выявлен и впервые описан Х. Г. Ахунбабаевым. Начальный этап его с трехчастной структурой отнесен к III—II вв. до н. э., материалы прослежены до позднего средневековья. Этот пункт отождествлен им со средневековым Баркетом (15, с. 156—159). Однако более близкое в сравнении с данными источников расположение пункта к Самарканду, небольшие размеры, незначительность слоев раннесредневекового времени, когда Баркет являлся центром самого крупного рустака Согда, вызывают сомнения в правильности высказанной гипотезы. Кроме того, памятник располагается севернее старой трассы дорог.

Исследования показали, что более правильна локализация Баркета на месте городища Гиштлитепа в четырех км к востоку от данного пункта в совхозе им. Фазыла Юлдаша. Здесь выявлены руины разрушенного современным строительством городища площадью более 60 га.

Ядром его является двухчастное укрепление в форме треугольного тепа со шлейфом общей площадью 130×200 м, высотой до 10 м. Стены сложены из сырцового кирпича прямоугольного раннесредневекового стандарта. Ядро занято современным кладбищем. Вокруг него, особенно к северо-востоку и юго-востоку, на освоенной ныне обширной территории сконцентрировались остатки разрушенных средневековых строений с включением большого количества жженого кирпича саманидо-караханидского стандарта, керамикой IX—XII вв., фрагментами стеклянных изделий, остатками металлургического и керамического ремесел, железной крицей и шлаками, обломками архитектурных деталей с элементами резной неполивной терракоты, характерной для XI—XII вв., с геометрическим, растительным и эпиграфическим орнаментом*. Прослежены участки магистральной улицы, мощенной каменными плитами. В культурном слое вдоль улицы — керамика X—XI вв. н. э. В северной части — остатки кирпичеобжигательного ремесла.

Жизнь на городище продолжалась и в XIV—XVII вв., но ее расцвет относится к IX—XII вв. н. э.

Следующий пункт, по Кудаме, — Хушуфагн, путь к которому составлял четыре фарсаха. В других источниках X в. этот пункт не упоминается. После Баркета в них говорится о рабатах Абу Ахмада и Абу Са'да. Около рабата Абу Ахмада от этой дороги отделялась ветка в сторону Джизака. Здесь в одном дне пути от Баркета упоминается Катвандиза. Исходя из сведений авторов о расстояниях от Баркета, В. В. Бартольд отождествляет Катвандизу с Хушуфагном (16, с. 222).

Однако речь идет, несомненно, о разных городах, так как если к Хушуфагну путь лежал в сторону гор, то поворот к Джизаку вел на север в степь, о чем свидетельствует и само название крепости в Катванской степи. Действительно, вдоль дороги из Гиштлитепа на северо-восток в сторону Джизака располагаются комплексы замкового типа, один из которых, Кингиртепа, исследовался А. Бердимуратовым, а в районе Галлаарала находятся остатки крупной крепости-городища Кургантепа, где Э. Кадыровым проводились раскопки. Многослойный памятник, интенсивно обживавшийся в X—XII вв., может быть отождествлен с Катвандизой. Он располагается в 30 км, т. е. в одном дне пути и от Гиштлитепа, и от Джизака. Путь же из Гиштлитепа на восток ведет в долину Санзара, где в местности Джувак расположены руины крепости, которую можно связать с Хушуфагном.

* Большая коллекция материала собрана заведующим музеем совхоза им. Фазыла Юлдаша Ф. Рахимовым.

Отсюда горная дорога вела через с. Овлия, в котором, по сообщениям геологов, были найдены средневековые монеты, керамика, терракота*.

В одном дне пути через это селение из Джувакя располагается с. Рават. На его южной окраине выявлено безымянное тепа, состоящее из центрального холма высотой до 10 м и диаметром 50 м и шлейфа размерами 150×150 м. Немногочисленный подъемный материал представлен неполивной керамикой, VI—VIII вв. н. э. Поверхность памятника повреждена кладбищем.

Примерно в 0,5 км к ЗЮЗ от с. Рават на левом берегу одноименного сая на склоне невысоких гор выявлены руины средневекового городища. Городище Рават состоит из отдельно стоящей округлой цитадели, слегка вытянутой с севера на юг. Размеры по основанию 100×150 м, высота 9 м. С юго-запада отделенный рвом располагается шахристан на террасе неправильной формы размерами 210—400×600—800 м. Городище освоено под кладбище. В осыпях много кирпича размерами 30×15×4; 22×22×4; 25×25×4 см. Керамика в основном от караханидской до XVII в. По расстоянию от с. Джувак и топографии городище может быть отождествлено со средневековым Бурнамадом, располагавшимся на границе гор и степи. Путь от него в Хушуфагн шел гористой местностью, а в Заамин — степью.

В степи под Бурнамадом в 1004 г. прошла одна из наиболее крупных битв последнего саманида ал-Мунтасира с караханидами, когда он после нескольких поражений усилился вновь, и Илекхан, услышав о его успехах, выступил против него с лучшим войском. Ожесточенная битва продолжалась целый день и завершилась поражением караханидов (17, с. 225—226). Отсюда к Заамину путь вел по степной дороге вдоль предгорий, через Пшагар, где возвышается довольно мощная крепость. Наличие ряда отдельных замков и поселений позволяет наметить основное направление маршрута.

Локализация Заамина и изучение этапов его развития требуют постановки здесь специальных работ.

На территории Заамина вдоль обоих берегов сая имеется несколько разновременных городищ, динамику которых по подъемному материалу наметить сложно. Пока можно предположить, что ранним из них является городище Заамин-I в центре современного города на левом берегу сая. В X в. город переместился на правый берег, а в период позднего феодализма он развивался на обоих берегах. Наиболее ранним могло являться городище Заамин-III в низовьях сая, с высыханием которого город поднялся вверх по руслу.

От Заамина путь раздваивался. Одна ветвь вела по пустыне к Хавасту — шесть фарсахов, затем до «реки Чача» (Сырдарья ЮБ) — пять фарсахов и от стоянки на берегу после переправы

* Данные о находках геологов сообщены Л. М. Сверчковым.

в Бенакет — четыре фарсаха (12, с. 205). Из Бенакета можно было вдоль реки пройти до Чинанчикета — четыре фарсаха, где, по данным источников, находилась переправа тюрок через «реку Чача». Однако на раннем этапе основной путь из Бенакета вел через Харашкет (один фарсах) и Худайнкет (один фарсах) в Шутуркет (три фарсаха), лежавший на правом берегу р. Парака (Чирчик ЮБ).

В X в., когда упрочился путь из Самарканда через Дизак и степные районы прямо к Чинанчикету, бенакетская дорога стала вспомогательной, а основной путь проходил вдоль берега Парака из Чинанчикета в Шутуркет, Данфеганкет, Залтикет, Банункет и в столицу Чача — Бинкет.

Локализация городов и трассы пути в Чач-Илаке служили объектом исследования, и на них мы останавливаться не будем (18, с. 39—45).

Переход функций ведущей ветви Великого шелкового пути через Бинкет в степные районы Южного Казахстана и Семиречья способствовал бурному подъему урбанизации в этих регионах в VII—X вв. н. э. (19), формированию здесь пунктов с согдийским компонентом и значительной интеграции ранее замкнутых локальных культур, изучение которых — важное направление исследований историков, археологов, искусствоведов по программе «Шелковый путь — путь диалога», предложенной ЮНЕСКО.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Торговля и обмен в древности//КСИА. 138. М., 1974.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. соч. в 3 т. М., 1980.
3. Сариниди В. И. О великом лазуритовом пути на древнем Востоке// Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. 1968. № 114.
4. Гамкрелидзе Г. В., Иванов В. В. Первые индоевропейцы в истории: предки, тохар в древней Передней Азии//ВДИ. 1989. № 1.
5. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1960.
6. Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982.
7. Ртвеладзе Э. В. К локализации греческой переправы на Оксе//ВДИ. 1977.
8. Ртвеладзе Э. В. Ксениппа-Паретака//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
9. Сагдуллаев А. С. Особенности оседлого расселения в южном Согде в эпоху античности//Городская культура Бактрии—Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987.
10. Шэффер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981.
11. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. II. Ч. 1.
12. Кудама. BGA. VI.
13. Бетгер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны Абуль Касыма ибн Хаукаля»//Труды САГУ. Вып. IV. Ташкент, 1957.
14. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. 3. М., 1965.
15. Ахунбабаев Х. Г. Археологическое изучение Булунгурского района в 1979—1980 гг.//ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983.
16. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. М., 1963.

17. Извлечение из «Китаб ал-йамини» Абу Насра Ал-Утби//Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.—Л., 1939.
18. Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1974.
19. Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1985.

С. И. МУСТАФАКУЛОВ, Т. К. ХОДЖАЙОВ

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ ИЗ БАКТРИИ — ТОХАРИСТАНА

Граница расселения грацильных восточно-средиземноморских и матуризованных европеоидных форм, проходившая до середины I тыс. до н. э. по Устурту, Южному Приаралью к Зарафшанской долине, была нарушена в эпоху античности. Популяции восточно-средиземноморского антропологического типа, обитавшие главным образом на юге Средней Азии, начали двигаться в северные степные области Средней Азии, а мезобрахикранные матуризованные европеоиды, иногда с небольшой монголоидной примесью, основным ареалом которых были северные степные районы, интенсивно проникали на юг Средней Азии. Они расселялись на пограничной с местообитанием оседлого населения территории и во многих случаях смешивались с последними (1, с. 18—19; 2, с. 46).

В эпоху античности для взаимоотношений кочевого и оседлого населения была характерна закономерность, заключающаяся в том, что кочевые племена, как правило, проникали в города и крупные укрепленные поселения и существенно влияли на антропологический состав населения. При этом сельское население не подвергалось особым расовым изменениям и продолжало иметь те морфологические и расовые особенности, которые были характерны для предшествующих эпох (3, с. 95—97). В результате взаимосвязей различных оседлых и кочевых племен население Бактрии — Тохаристана, особенно городское, в эпоху античности в расовом отношении стало очень разнородным. Кроме ранее существовавших двух вариантов средиземноморской расы (4, с. 99—105) в городской среде формировался комплекс признаков расы Среднеазиатского междуречья, правда, удельный вес последней был пока не велик. Кроме того, в Бактрию — Тохаристан из северных и северо-восточных областей проникали носители монголоидной расы. Ввод в научный оборот новых краниологических данных, полученных в последние годы, имеет важное значение для установления расового и, надо полагать, этнического состава населения Бактрии — Тохаристана.

Многолетние раскопки* буддийского культового центра Каратепа в Старом Термезе дали 6 черепов (3 мужских, 2 женских и

* Руководитель Б. Я. Ставиский.

детский), датирующихся II—IV вв. Другой объект — Чингизтепа, расположенный недалеко от Каратепа и давший 8 черепов (все мужские), датируется более поздним периодом — V в.*

Череп из Каратепа (табл. 1). Преднамеренная, деформация черепной коробки, значительно влияющая на ее абсолютные размеры не зафиксирована. Поэтому разнообразие каратепинцев по черепному указателю отражает действительную ситуацию: в серии представлены долихокранные, мезокранные, умеренно брахикранные и гипербрахикранные формы. В целом по головному указателю мужская (82,0) и женская (80,5) группы умеренно брахикранные. Однако в женской группе этот указатель не выше, чем в мужской, а ниже, что указывает на разнородность популяции. Различия между мужской и женской группами не ограни-

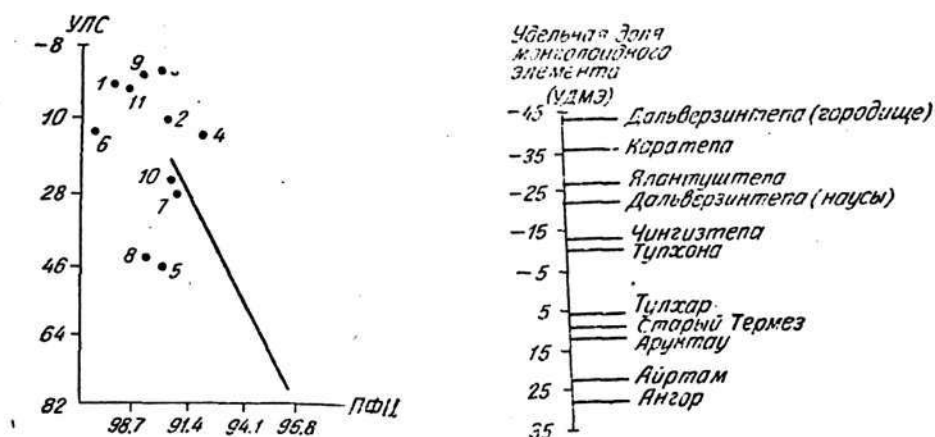

Рис. 1. Корреляция индексов уплощенности лицевого скелета (УЛС) и преаурикулярно-фациоцеребрального указателя (ПФЦ) в краниологических сериях кушанской Бактрии.

Рис. 2. Удельная доля монголоидного элемента (УДМЭ) в краниологических сериях кушанской Бактрии. Нумерация памятников: см. табл. 2.

ваются лишь черепным указателем. Мужская группа отличается ортогнатным, узким, средневысоким, значительно профилированным в горизонтальной плоскости лицом. Женская группа имеет очень высокое и широкое лицо с ослабленной горизонтальной профилировкой. Угол выступания носа в обеих группах достаточно большой. Не останавливаясь на характеристике других морфологических особенностей (табл. 1), отметим, что серия в целом европеоидная. Подсчитанные индексы для характеристики уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярно-фациоцеребрального указателя (ПФЦ) и удельной доли монголоидного элемента (УДМЭ) еще раз подтверждают европеоидный характер серии (табл. 2; рис. 1, 2).

* Руководитель Ш. Пндаев.

Череп из Чингизтепа (табл. 1). Два черепа, имеющие следы сильной лобно-затылочной деформации, отличаются от всех остальных значительно повышенным черепным указате-

Индивидуальные и средние размеры черепов из Каратепа (II—IV вв.) и

№ коллекции	Каратепа						Мужские
	44—44	44—45	44—46	44—31	44—47	44—48	
Признаки	муж	муж	муж	жен	жен	дет	$\bar{X}$ (и)
1 Продольный диаметр	167	168	178	171	163	150	171,0 (3)
8 Поперечный диаметр	150	133	132	137	135	—	140,0 (3)
8:1 Черепной указатель	89,8	82,1	74,1	78,2	82,8	—	82,0 (3)
17 Высотный диаметр	142	137	—	137	—	—	139,5 (3)
9 Наименьший лобный диаметр	98	97	97	101	97	97	97,3 (3)
10 Наибольший лобный диаметр	124	120	—	116	—	—	122,0 (3)
11 Ширина основания черепа	123	128	124	125	—	—	125,0 (3)
12 Ширина затылка	110	95	111	105	—	—	105,3 (3)
5 Длина основания черепа	97	100	—	100	—	—	98,5 (2)
40 Длина основания лица	95	94	—	89	—	40	94,5 (2)
45 Скуловой диаметр	129	131	—	31	—	—	130,0 (2)
48 Верхняя высота лица	69	71	—	67	—	61	70,0 (2)
43 Верхняя ширина лица	105	107	—	103	—	97	106,0 (2)
46 Средняя ширина лица	95	93	—	101	—	80	94,0 (2)
55 Высота носа	48	54	—	48	—	47	51,0 (2)
54 Ширина носа	25	24	—	24	—	22	24,5 (2)
51 Ширина орбиты	41	48	—	44	—	41	44,5 (2)
52 Высота орбиты	31	38	—	34	—	35	34,5 (2)
SS Симотическая высота	4	5	—	3	—	2	4,5 (2)
SC Симотическая хорда	11	10	—	10	—	8	10,5 (2)
DS Дакриальная высота	13	—	—	—	—	10	13,0 (1)
ДС Дакриальная хорда	22	—	—	—	—	18	22,0 (1)
— Глубина клыковой ямки, мм	4	4	—	8	—	—	4,0 (2)
77 Назомалярный угол	131	131	—	141	—	—	131,0 (2)
$\angle Zm'$ Зигомалярный угол	125	120	—	133	—	—	122,5 (2)
32 Угол профиля лба	90	80	—	87	—	—	85,0 (2)
72 Общий угол лица	89	86	—	89	—	—	87,5 (2)
73 Средний лицевой угол	94	85	—	95	—	—	89,5 (2)
74 Угол альвеолярной части	75	83	—	79	—	—	79,0 (2)
75 Угол носа к профилю лица	63	53	—	63	—	—	60,5 (2)
75 (1) Угол профиля носа	26	23	—	26	—	—	27,0 (2)
Деформация черепа	зат.(2)	зат.(2)	коль.()	0	0	0	—

лем. Остальные черепа в целом долихо- или мезокранные. Длина основания черепа, которая положительно коррелирует с продольным диаметром, у деформированных черепов значительно меньше, чем у недеформированных. По другим признакам, из-за плохой сохранности деформированных черепов нет возможности су-

дить о морфологических различиях между деформированными и недеформированными черепами. Дальнейшая характеристика серии будет представлена на основании недеформированных чере-

Таблица 1

Чингизтепа (V в.)

Чингизтепа										Недеформиро- ванные х (п)	Деформиро- ванные х (п)
Женские	44-94	44-95	44-97	44-99	45-01	44-96	44-98	45-00			
$\bar{X}$ (п)	Мужские										
167,0 (2)	175	177	180	—	176	174	153	159	176,4 (5)	170,5 (7)	
136,0 (2)	133	—	135	—	147	132	162	156	136,7 (4)	144,1 (6)	
80,5 (2)	76,0	—	75,0	—	83,5	75,8	105,8	98,6	77,5 (4)	85,7 (6)	
137,0 (1)	135	142	134	—	—	127	143	127	134,5 (4)	135,5 (6)	
99,0 (2)	91	—	95	111	—	—	—	—	100,0 (3)	—	
116,0 (1)	115	—	116	137	122	118	126	126	121,6 (5)	122,8 (7)	
125,0 (1)	117	—	113	—	—	118	—	—	116,0 (3)	—	
105,0 (1)	102	—	103	—	112	103	—	—	105,0 (4)	—	
100,0 (1)	104	112	100	—	—	99	95	75	103,7 (4)	97,5 (6)	
89,0 (1)	98	101	94	—	—	93	96	—	96,5 (4)	96,4 (6)	
131,0 (1)	128	—	123	—	—	—	—	—	125,5 (2)	—	
67,0 (1)	74	75	75	76	—	—	—	—	75,0 (4)	—	
108,0 (1)	102	—	102	—	—	—	—	—	102,6 (2)	—	
101,0 (1)	100	—	91	—	—	—	—	—	95,5 (2)	—	
48,0 (1)	57	59	54	60	—	52	—	—	56,4 (5)	—	
24,0 (1)	27	24	19	27	—	22	—	—	23,8 (5)	—	
44,0 (1)	40	47	43	49	—	39	—	—	43,6 (5)	—	
34,0 (1)	37	35	38	37	—	34	—	—	36,2 (5)	—	
3,0 (1)	—	—	7	5	—	—	4	—	6,0 (2)	5,3 (3)	
10,0 (1)	—	—	9	8	—	—	10	—	8,5 (2)	9,0 (3)	
—	—	—	21	24	—	—	27	—	22,5 (2)	24,0 (3)	
—	—	—	14	—	—	—	13	—	14,0 (1)	13,5 (2)	
8,0 (1)	2	7,7	7	4	—	2,3	—	—	4,6 (5)	—	
41,0 (1)	—	—	134	—	—	—	—	—	134,0 (1)	—	
138,0 (1)	132	—	—	—	—	—	—	—	132,0 (1)	—	
87,0 (1)	72	—	86	—	—	—	—	—	79,0 (2)	—	
89,0 (1)	90	—	90	—	—	—	—	—	90,0 (2)	—	
95,0 (1)	94	—	—	—	—	—	—	—	94,0 (1)	—	
79,0 (1)	73	—	—	—	—	—	—	—	73,0 (1)	—	
63,0 (1)	—	—	60	—	—	—	—	—	60,0 (1)	—	
26,0 (1)	—	—	30	—	—	—	—	—	30,0 (1)	—	
—	0	0	0	0	0	0	лоб—зат. лоб—зат.				

пов. Как уже говорилось, недеформированные черепа мезокранные. Лицевой скелет у них ортогнатный, узкий, очень высокий и значительно профилированный в горизонтальном плане. Глазницы высокие и широкие. Нос узкий и сильно выступающий. Серия характеризуется европеоидными чертами (табл. 2; рис. 1, 2).

Таким образом, обе рассмотренные серии оказались европеоидными. По показателям степени монголоидности они мало отличаются от синхронных и более ранних краниологических серий кушанской Бактрии (табл. 2; рис. 1, 2). Жители отдельных поселений, в первую очередь Айртама, Ангора и Позднего Тулхара, монголизованы в различной степени (рис. 2).

Для выявления места изучаемых нами черепов из Каратепа и Чингизтепа среди краниологических серий кушанской Бактрии проведем сравнительный анализ. С этой целью привлечены несколько серий.

Т а б л и ц а 2

Величины индексов УЛС, ПФЦ и УДМЭ для краниологических серий кушанской Бактрии

Памятники	УЛС	ПФЦ	УДМЭ
1. Каратепа	1,1	87,8	—35,8
2. Чингизтепа	10,5	90,0	—13,8
3. Дальверзинтепа (наусы)	—1,0	89,9	—27,5
4. Тупхона	14,6	91,9	—12,1
5. Ангор	47,4	89,9	27,4
6. Дальверзинтепа (городище)	15,5	83,1	—44,0
7. Старый Термез	29,0	90,5	9,7
8. Айртам	44,9	89,5	23,4
9. Ялантуштепа	—0,9	89,0	—27,3
10. Поздний Тулхар	26,1	90,9	5,9
11. Аруктау	2,6	88,8	10,4

Ангор. В 20 км от г. Термеза из науса III в. получены два черепа восточно-средиземноморского типа с кольцевой деформацией (5, с. 127, 137).

Старый Термез. При раскопках цитадели городища, под полом помещения № 1 обнаружены захоронения IV—первой половины V в. Черепа европеоидные, восточно-средиземноморского типа. Выявлены черепа и другого морфологического комплекса, характерного для кочевническо-скотоводческого населения Средней Азии (5, с. 137—149).

Айртама. Погребения датируются II—I вв. до н. э. Серия характеризуется двумя типами европеоидной расы: восточно-средиземноморским грацильным и матуризованным, характерным для скотоводческого населения Северной Бактрии (5, с. 108—109).

Тепан-Шах. Погребальное сооружение, расположенное восточнее места впадения реки Кафирниган в Пяндж. Оставлено оседлым населением I—III вв. Многие черепа деформированы. Население смешанное (6, с. 84).

Дальверзинтепа (наусы). Краниологический материал датируется I в. до н. э.—III в. н. э. Расовый тип смешанный: восточно-средиземноморский грацильный и матуризованный европеоидный (5, с. 109—125).

Дальверзинтепа (городище). Черепа, датирующиеся IV—V вв., искусственно деформированы. Расовый тип грацильный восточно-средиземноморский (5, с. 137).

Ялантуштепа. Черепа из наусов, датирующиеся I—II вв., относятся к грацильному восточно-средиземноморскому типу (5, с. 125—127).

Тупхона. Черепа I—III вв., полученные в Гиссарском рай-

оне Таджикистана, европеоидные с монголоидной примесью (7, с. 241—250).

Для выявления генетических связей населения кушанской Бактрии краниологические серии сопоставлены между собой по 10 краниологическим признакам (продольный, поперечный, височный диаметры черепа, высота лица, скуловой диаметр, назо-

Таблица 3

Расстояния по форме (внизу слева) и величине (вверху справа) между краниологическими сериями Бактрии—Тохаристана

Серии	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Каратепа	—	1,04	0,96	1,09	0,38	1,48	1,33	0,95
2. Чингизтепа	0,34	—	1,23	1,50	1,03	2,12	1,76	1,40
3. Старый Термез	0,07	0,50	—	1,30	0,33	0,80	0,40	0,76
4. Ялантуштепа	0,25	0,11	0,36	—	0,55	1,98	0,79	0,69
5. Дальверзинтепа (наусы)	0,52	0,65	0,02	0,01	—	0,89	0,81	0,36
6. Тупхона	0,01	0,00	0,02	0,25	0,02	—	0,83	1,51
7. Тулхар	0,00	0,01	0,14	0,04	0,14	0,05	—	0,63
8. Аруктау	0,00	0,03	0,00	0,05	0,01	0,15	0,02	—

малярный и зигомаксиллярный углы, дакриальная и симотическая высота, высота орбиты, ширина носа, угол выступания носа). Вычисленные суммарные расстояния (табл. 3, 4; рис. 3) позволили выявить своеобразное положение серии из Чингизтепа. Что

Таблица 4

Обобщенные расстояния между краниологическими сериями Бактрии—Тохаристана

Серии	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Каратепа	—	0,78	0,90	0,71	0,19	1,39	1,12	0,56
2. Чингизтепа		—	1,24	1,48	1,08	2,10	1,76	1,38
3. Старый Термез			—	1,11	0,31	0,80	0,39	0,65
4. Ялантуштепа				—	0,52	1,87	0,75	0,69
5. Дальверзинтепа (наусы)					—	0,87	0,81	0,32
6. Тупхона						—	0,87	1,40
7. Тулхар							—	0,66
8. Аруктау								—

касается серии из Каратепа, то она оказалась наиболее близкой к черепам из наусов Дальверзинтепа и курганных захоронений Аруктау в Таджикистане (рис. 3). Взаимное расположение на дендрограмме других серий из кушанской Бактрии менее определено, что связано с малочисленностью черепов в серии.

Как отмечено выше, городское, сельское и скотоводческое население кушанской Бактрии в пределах европеоидной расы неоднородно. Можно выделить ряд морфологических вариантов. Мужские черепа из Каратепа относятся к одному из вариантов восточно-средиземноморской расы, а именно к грацильному (вос-

точно-средиземноморский II тип), который характеризовал оседлых земледельцев сапаллинской, намазгинской и тюринго-гиссарской культур эпохи бронзы. Женский же череп характеризуется иными морфологическими особенностями. Мезокrania, широкое и высокое лицо с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой сближают его с черепами скотоводов Аруктау. Черепа из Чингизтепа, хронологически более поздние, чем каратепинские, также относятся к восточно-средиземноморской расе. Однако эти черепа отличаются от каратепинских, в первую очередь, значительно высоким лицом. По материалам западных районов Средней Азии, в эпоху античности был выделен самостоятельный ант-

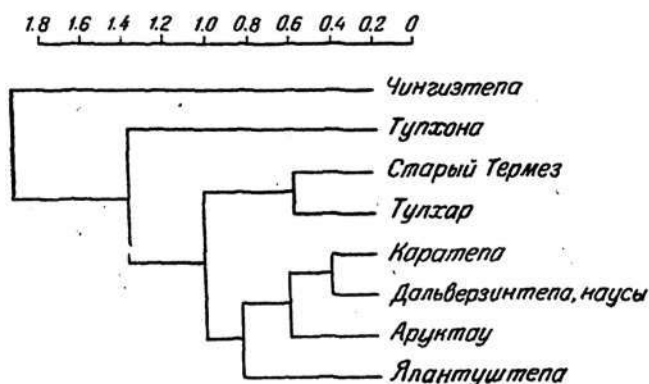

Рис. 3. Дендрограммы краниологических серий кушанской Бактрии.

ропологический вариант в составе восточно-средиземноморской расы, который известен как в более ранние периоды (эпоха поздней бронзы и раннего железа), так и поздние (особенно в эпоху раннего средневековья) (8, с. 8—10). К этому антропологическому варианту можно отнести черепа из Чингизтепа.

Таким образом, в первой половине I тыс. н. э. в кушанской Бактрии у оседло-земледельческого и городского населения по-прежнему преобладали различные варианты восточно-средиземноморской расы. Шло дальнейшее внедрение скотоводческого населения в земледельческие оазисы. Косвенно это подтверждается и тем, что обычай лобно-затылочной деформации головы, отмеченный у скотоводческого населения Средней Азии, распространился и на часть городского и сельского населения кушанской Бактрии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. дисс. ... д. ист. н. М., 1981.
2. Ходжайов Т. К., Джуракулов М. Д. Антропология Средней Азии. Самарканд, 1984.
3. Ходжайов Т. К. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии

- в связи с проблемами этногенеза узбекского народа//Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.
4. Ходжайов Т. К. Ареалы формирования антропологических типов и их динамика (неолит — начало XX в.)//Советская этнография. 1983. № 3.
 5. Ходжайов Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
 6. Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976.
 7. Гинзбург В. В. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии//МИА. 15. М.—Л., 1950.
 8. Ходжайов Т. К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования). Ташкент, 1987.

А. А. ГРИЦИНА, Е. Л. УСМАНОВА

ИЗУЧЕНИЕ МОГИЛЬНИКА XII — НАЧАЛА XIII в. НА ГОРОДИЩЕ КУЛЬТЕПА

В течение двух полевых сезонов (1988—1989 гг.) Сырдарьинским отрядом изучался могильник на городище Культепа. Городище расположено на левом берегу Ходжамушкентская (Саганак-сая), к югу от одноименного селения. Отождествляется со средневековым Сабатом (8, с. 34—35; 9). Общая площадь его составляет более 45 га. Время обживания — с IV—V до начала XIII в. Территория караханидского Сабата простиралась к северу от цитадели вдоль сая к южной окраине селения Культепа.

Могильник расположен к северу от шахристана городища. Западная его часть занимает один из бугров (цитадель?) саманидского Сабата, а восточная — валообразную территорию, вытянутую в направлении восток—запад, с общим понижением с запада на восток. Топографические особенности данной части городища дают возможность предположить, что в раскопах 4 и 6 выявлены восточная и западная окраины могильника. На раскопах 5 и 7, расположенных к северу и к югу от могильника, следов захоронений не обнаружено, поэтому мы можем предварительно ограничить его площадь 1,5 га (рис. 1).

Раскоп 4 (100 м²) прорезал упомянутый выше вал в восточной части. За дерновым слоем шел лессовый грунт средней плотности с включением небольшого количества поливной и неполивной керамики. В конце 1 яруса был расчищен очажок размерами 30×15×20 см, глубиной 8—10 см. Стенки его были обожжены, внутри находились зола и угольки. На расстоянии 50 см от очага найден почти целый кувшин ручной работы. Его круглая в сечении ручка оформлена под витую. Напротив ручки — слив, соединенный с устьем сосуда. На тулове процарапаны два знака: один в виде овала, другой в виде змеи. Ниже знаков пробито отверстие (рис. 2). Аналогичные кувшины встречались как на самом городище в слоях V—VII вв., так и на других памятниках Уструшаны (29, рис. 28, 6). Налицо вторичное использование сосуда. В связи с тем, что на раскопе не обнаружено следов обживания,

встает вопрос об атрибуции очага и кувшина. Нам кажется, что обе находки имеют отношение к погребальному ритуалу. Первая из них связана с пережитком культа огня (26, с. 269). О назначении другой скажем ниже.

Важное значение для датировки могильника имеет керамика из раскопа. Несколько поливных и неполивных черепков извлечены непосредственно из погребений. Поливная керамика представлена мелкими фрагментами с поливой зеленого, синего и салатового цветов. Последние украшались зелеными пятнами и гравированным орнаментом. Имеются донца блюдец с кольцевым вырезом.

Неполивная керамика представлена в основном фрагментами кувшинов и горшков. Отметим венчик сосуда типа небольшой та-

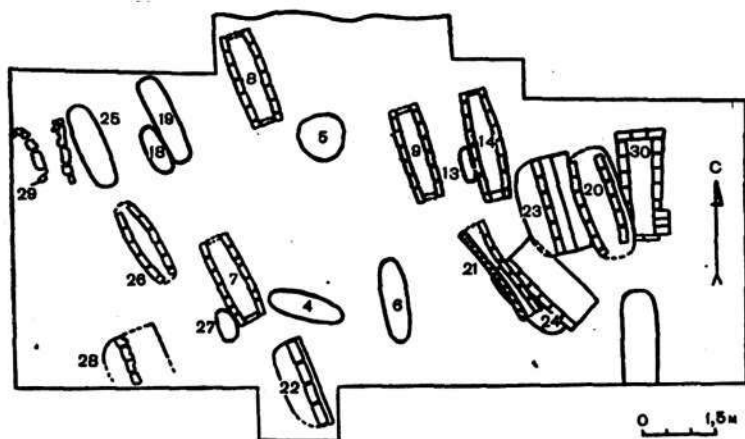

Рис. 1. План могильника (раскоп 4).

горы, верх которого через равные промежутки украшают штампованные конусовидные налепы. Ниже венчика расположены врезные фигуры в виде треугольников. Выделяется также фрагмент краслощеного сосуда высокого качества, сформованный из тонкодисперсной глины, украшенный штампованным и резным орнаментом и инкрустированный голубыми вставками из стекловидной массы.

Описанная керамика датируется XII — началом XIII в. по аналогии с позднекараханидским комплексом, полученным из раскопов на цитадели и в шахристане городища*. Датировку могильника подтверждает также фельс, найденный над погребением 6 и отнесенный Б. Д. Кочневым к XII в. Кроме керамики на раскопе найдено несколько костей животных, часть которых находилась непосредственно над погребениями. Возникает вопрос, откуда на могильнике могли взяться керамика и другие находки, если до

* Керамике XII — начала XIII в. с городища посвящена специальная статья (9а).

его возникновения территория эта не обживалась? Думается, наличие керамики — это результат обычая оставлять на могиле посуду, который сохранился и до наших дней. В ряде мест долины Зеравшана принято ставить в изголовье могильного холма различную посуду: кувшины, чайники, миски и др. (26, с. 269). Аналогичная картина наблюдается и в Хорезме (30, с. 112). На кладбище современного селения Культепа мы также видели посуду (коса или пиала). По словам местных жителей, это посуда, из которой покойные ели или пили во время длительной болезни.

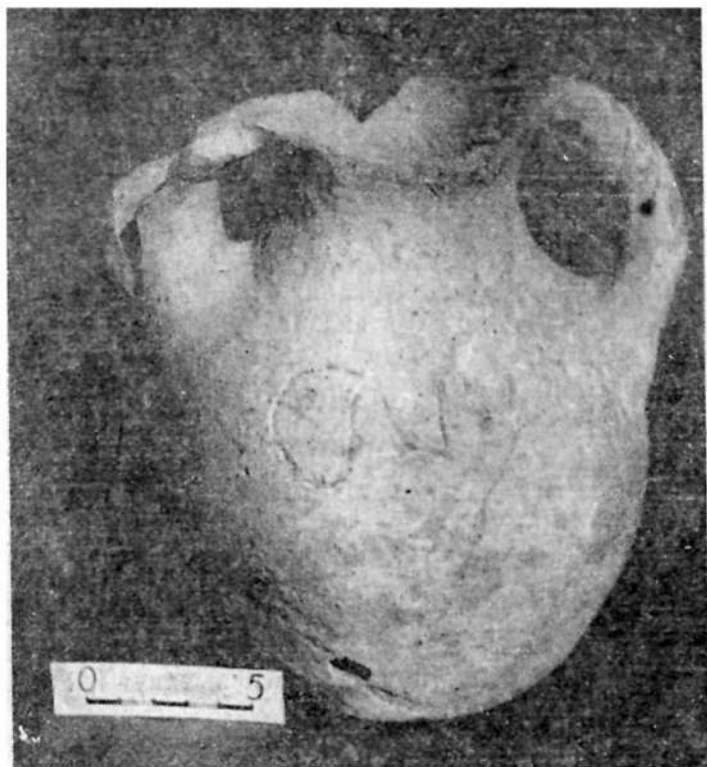

Рис. 2. Раннесредневековый сосуд.

В некоторых районах Средней Азии (например на городищах Нурата в Сейхунабадском районе Сырдарьинской области и Ханабад в Ташкенте) на могильный холм ставилась керамика, найденная в ходе рытья самой могилы.

Несколько погребений вскрыто на предполагаемой саманидской цитадели (Р-6). Среди материалов конца X — начала XI в. попадались черепки позднекараханидской посуды, связанные с погребениями. На этом раскопе тоже был расчищен небольшой очажок в одной из стен заброшенного помещения. Размеры очажка 20×20 см, глубина 7—8 см. Внутренняя часть его сильно про-

калена. Внутри крест-накрест были положены две кости животного. Возможно, что этот очаг, как и на Р-4, являлся ритуальным.

Захоронения на Р-6 представляют собой погребальные камеры, выдолбленные в стенах здания конца X — начала XI в. К началу сложения здесь кладбища здание было заброшено.

На площади 54 м² вскрыто четыре погребения взрослых и два — детских. Камеры в плане имели форму полуваля размерами 180×70×40 (№ 10), 170×65×50 (№ 11), 160×70×? (№ 12), 200×85×? см (№ 15)*. Все они были заложены тремя, пятью или шестью рядами сырцовых кирпичей (28×13,5×4; 30×15×5 см). Вход в погребальные камеры располагался с западной стороны.

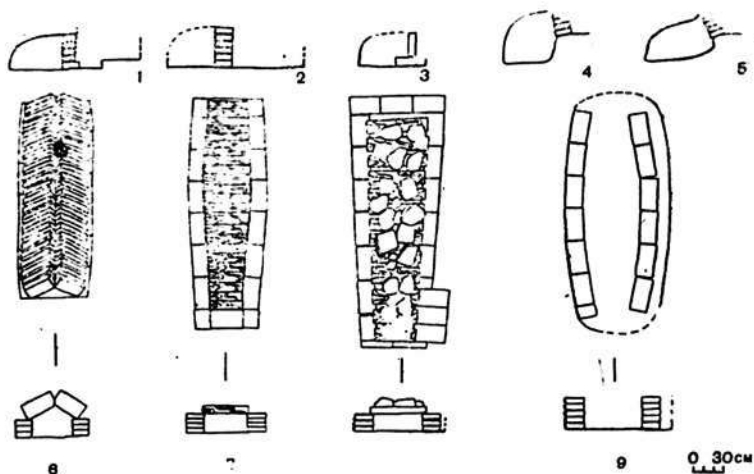

Рис. 3. Типы погребений: 1—5 — подбойные; 6—9 — цистные.

Ориентация погребенных СЗ—ЮВ, лицом на ЮЗЗ. Руки согнуты в локтях, кисти — в области таза. Ноги вытянуты, стопы развернуты вправо (рис. 3, 4—5).

Погребения № 10, 11, 15 принадлежали мужчинам зрелого возраста. Пол погребенного в могиле № 12 установить не удалось, возраст старческий. Сохранность костных останков крайне плохая.

Северо-восточная часть караханидского кладбища (Р-4) представляет собой ямные, подбойные и склепные захоронения, иногда перекрывающие друг друга. Подбойные камеры аналогичны вышеописанным камерам на Р-6 (рис. 3, 1—3). Наибольшая высота и ширина приходятся на середину камеры и ее головную часть. Размеры камер, см: 110×40×24 (№ 28), 180×65×40 (№ 24), 204×50×35 (№ 23), 175×67?×33? см (№ 22). В ряде случаев удалось зафиксировать размеры входных ям: 204×65? (№ 23), 195×70 см (№ 24). Причем в двух случаях на дне входной ямы имелась ступенька, поэтому дно подбойной камеры было на 10—15 см ниже, чем дно входной ямы. Вход в камеры закрывался

5—6 рядами кирпичей размерами $31 \times 13 \times 5$, $31 \times 17 \times 6$, $35 \times 18 \times 6$ см. Лишь в одном случае (№ 22) вход закрывался двумя рядами кирпичей. В одном ряду кирпичи лежали плашмя, в другом были поставлены на длинное ребро. Размеры кирпичей $41 \times 20 \times 8,5$; $43 \times 22 \times 7$ см.

Ориентация подбойных захоронений на ССЗ, лицом на ЮЮЗ. Руки во всех случаях имеют различное положение: кисти под тазом (№ 22), правая кисть под тазом, левая в области таза (№ 23), левая рука направлена перпендикулярно вверх, правая согнута в локте и пересекает пояс (№ 24), левая пересекает пояс (№ 28). Стопы ног развернуты вправо, правая нога слегка согнута в колене (№ 23, 24).

В погребениях № 22 и 28 похоронены дети 7—8 лет, в № 23 — мужчина 60—70-летнего возраста, в № 24 — женщина 40—50 лет.

Кроме подбойных могил на Р-4 вскрыто девять погребений в склепах из сырцовых кирпичей. Ряд исследователей называют аналогичные склепы «цистами». Этот термин довольно удачно отражает суть захоронений такого рода. Действительно, конструкция таких склепов создает впечатление заключения тела в некую оболочку — «цисту» (от греч. *kystis* — пузырь, оболочка).

Практически все стенки цист, встреченных в могильнике, имеют по шесть с половиной кирпичей в каждом ряду размерами $30 \times 14 \times 5$, $30 \times 16 \times 6$, $35 \times 18 \times 6$ см, зауживаются к ногам и голове. Число рядов кирпичей — 3—5, преобладает трехрядная стенка (шесть из восьми погребений). Отмечено четыре типа перекрытий: ребристые, двускатные кирпичные (рис. 3, 6); арчовыми балками (рис. 3, 7); арчовыми плахами с наброской (гуваляк, обломки кирпичей) (рис. 3, 8); не фиксируемые перекрытия (рис. 3, 9).

Вскрыто две цисты с перекрытием первого типа. Размеры одной $205 \times 70 \times 40$ (№ 7), другой — $200 \times 70 \times 40$ см (№ 8). Кирпичи каждого из двух рядов ставились на узкую грань, прижимались «плашмя» друг к другу и опирались на такой же противоположный ряд кирпичей, образуя ребристую двускатную крышу. При этом посередине крыши образовывался желобок. Места соприкосновения кирпичей обоих рядов отбивались: это делало конструкцию устойчивой. Наблюдался наклон перекрытий в северную сторону примерно под углом 45° . Торцовые отверстия закладывались кирпичами, поставленными на землю большим ребром.

Ориентация погребенных ССЗ, лицом на ЮЗ (№ 8) и вверх с легким поворотом на ЮЗ (№ 7). Погребенные покоились на спине, правая рука согнута в локте, кисть лежит в области таза; левая рука вытянута, кисть лежит под тазом. Ноги вытянуты, ступни сведены вместе, прямо. Погребения принадлежат женщинам молодого (№ 7) и среднего (№ 8) возрастов.

Кроме того, к первому типу мы довольно условно относим погребение близнецов (№ 21), где перекрытие также оформлено в виде двускатной крыши, но не из кирпичей, а из гувальяка. Конструкция камеры своеобразна. Восточная стена ее выложена из

трех рядов кирпичей, а западная — из пахсы. Примерно посередине камера сужается до минимального размера, а к концам расширяется до 55 и 60 см.

Ко второму типу относятся два погребения. Размеры цист: $200 \times 70 \times 28-33$ (№ 9) и $233 \times 78 \times 24$ см (№ 14). Стенки цисты № 14 сложены из четырех рядов кирпичей, а циста № 9 — из трех. Торцы цисты № 14 были перекрыты кирпичами. Камеры перекрывались арчовыми балками в количестве 11 штук диаметром 11—16 см (№ 9) и диаметром 5—7 см (№ 14). Длина балок составляла 30—50 см. Балки плотно пригонялись друг к другу.

Ориентация погребенных ССЗ, лицом на ЮЗ. Костяки лежали на спине, правая рука вытянута, левая согнута в локте, кисть лежит в области таза (№ 9).

К третьему типу погребений можно отнести два погребения, объединение которых по виду перекрытия условно, так как форма цисты № 25 — овальная, цисты № 30 — трапецевидная и стенки выложены по-разному. Западная стенка цисты № 25 выложена из трех рядов кирпичей, а восточная — в виде земляного выступа внутри могильной ямы, т. е. это, по сути дела, щелевидная яма. Размеры цисты № 25 — $145? \times 80? \times 70$ см; № 30 — $225 \times 93 \times 30$ см. Плахи имеют размеры: длина 40—75 см, ширина 6—16 см, толщина 2—4 см и отстоят друг от друга на 2,5—3 см (№ 30) и 7—13 см (№ 25). Сверху зазоры закрывались обломками кирпичей и гувалюком. Торцовые стороны цисты № 25 были заложены гувалюком, а цисты № 30 — кирпичами.

Ориентация погребений ССЗ, лицом на ЮЗ. Костяки лежали в вытянутом положении, правая кисть под тазом, левая в области паха, ноги вытянуты, стопы повернуты влево (№ 25), прямо (№ 30). В погребении № 30 похоронен мужчина зрелого возраста, в погребении № 25 — молодая женщина.

К четвертому типу цисты — без фиксируемого перекрытия — относятся два погребения. Размеры их следующие: $220 \times 90 \times 30$ (№ 20); $165 \times 60 \times 55$ см (№ 26). Обе камеры — овальной формы, стенки сложены из пяти рядов кирпичей (№ 20) и из двух (№ 26).

Ориентация — ССЗ, лицом на ЮЗ. Труположение вытянутое, кисти рук под тазом (№ 20), правая кисть на поясе, левая в области груди (№ 26), стопы развернуты прямо. Оба костяка принадлежали индивидам зрелого возраста.

Все ямные погребения на городище Культепа имеют особенности. Погребения № 4 и 5 характеризуются нестандартной ориентацией и труположением (рис. 4). В погребении № 4 — ориентация ЗЗС, лицом на СЗ, голова сильно отогнута назад, плечевая кость поднята вверх, рука вытянута вдоль туловища, ноги согнуты в коленях.

Погребение № 5. Ориентация — ЮЗ, лицом на С. Костяк лежал спиной вверх с сильно согнутыми ногами. Правая стопа находилась в области живота, а левая — в области груди. Кости

правой руки пересекали под углом кости правой ноги. Кости левой руки лежали под туловищем, кисть — под челюстью.

В погребениях № 6 и 13 черепные коробки неестественно сдвинуты к затылку. Захоронения № 18 и 19 — юноши и ребенка — совершены рядом, одновременно.

Скорее всего, ямные захоронения не являются продолжением традиционной погребальной практики: каждое из них отличается какой-то особенностью, и все они сильно разнятся между собой.

Кроме ямных захоронений были погребения с неясной конст-

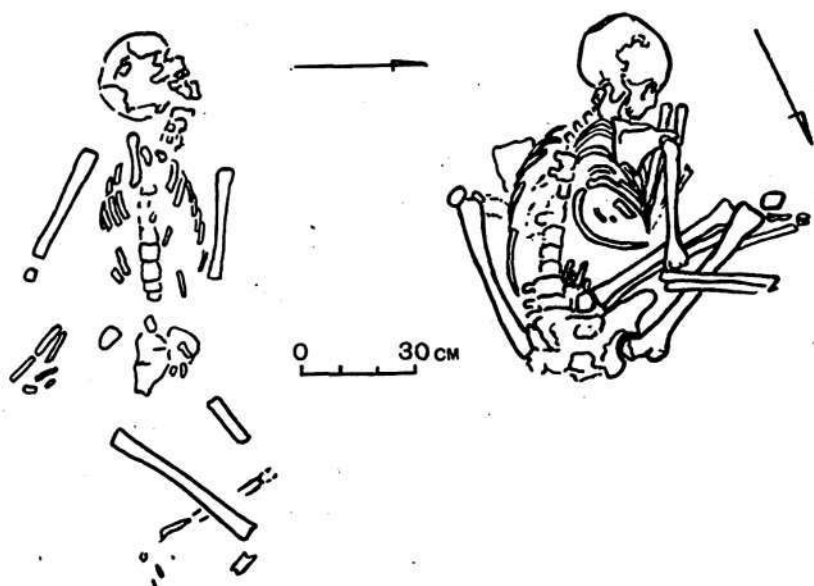

Рис. 4. «Нестандартные» погребения.

рукцией. В погребении № 29 обнаружены череп удовлетворительной сохранности, лицом вниз, и небольшой фрагмент длинной кости. Причем несколько кирпичей, положенных в один ряд, как бы окаймляли череп. Других костей или костного тлена зафиксировано не было.

Данные о ямных погребениях и захоронениях отдельных частей тела наталкивают на мысль о насильственном умерщвлении людей, погребенных в них. Хотя не исключается другая, неизвестная причина, результатом которой явилось перезахоронение останков в погребении № 29.

На могильнике Культепа в 27 погребениях было захоронено семь мужчин, девять женщин, девять детей, из которых двое — близнецы, трое не определены.

Сохранность краниологического материала крайне плохая. Некоторые измерения можно было произвести лишь на четырех черепах, визуальные признаки определить — на десяти. Удовлетворительную сохранность имели только три черепа, но и на них не-

возможно было сделать некоторые измерения из-за посмертной деформации. Тем не менее, частично визуально, частично на основе измерений можно констатировать наличие пяти мезокраних черепов (трех взрослых, двух детских). Три из них имели узкие лица, один — высокое, два черепа — ортогнатные с тенденцией к мезогнатности, в одном случае кости носа значительно выступают, в другом — незначительно. В целом основной комплекс вышеперечисленных признаков позволяет наметить тенденцию к выделению восточно-средиземноморского компонента в населении Культепа.

Встречено два брахикраних черепа. Один из них, видимо, имеет затылочно-теменную деформацию. По всем параметрам это типичные представители расы Среднеазиатского междуречья.

Краниологические измерения черепа из погребения № 5 позволяют говорить о некоторой монголоидной примеси. К сожалению, материал слишком малочисленный для того, чтобы более определенно судить о степени монголизации населения Культепа. Сельское же население Уструшаны этого времени характеризуется значительной монголизацией (32, с. 23; 15, с. 260).

Таким образом, население Сабата являлось европеоидным, включающим восточно-средиземноморский тип с монголоидной примесью и расу Среднеазиатского междуречья.

Соотнесение выделенных типов захоронений с полом и возрастом погребенных никакой закономерности не обнаруживает. Провести расовую соотносимость с определенным типом захоронений не представилось возможным из-за плохой сохранности краниологического материала.

На могильнике Культепа сосуществовали три типа погребений: ямы, цисты и подбои. Ямные погребения на мусульманских могильниках чаще всего традиционного характера: соблюдаются определенная ориентация и трупоположение (1, с. 34; 21, с. 86—87), ямы имеют определенные конструкции и перекрытие. На ряде кладбищ возводились надземные сооружения (6, с. 48—51, рис. 4, 5; 10, с. 236—237; 11, с. 135; 12, с. 35; 15, с. 251—258; 25, с. 249; 27, с. 301—305; 28, с. 200—206). Некоторые исследователи как по археологическим, так и по антропологическим характеристикам связывают такие ямные погребения с захоронениями кочевнических групп (5, с. 266; 10, с. 240, 317—318; 25, с. 254).

На могильнике Культепа, напротив, мы можем констатировать отсутствие какой-либо традиционности: простые ямы без дополнительной конструкции, ориентация и позы погребенных различные. В свою очередь неестественность ряда трупоположений дает возможность предположить насильственную гибель людей, захороненных в ямах. В этом случае становятся объяснимыми простая погребальная конструкция — яма, невыдержанность ориентации и небрежность трупоположения как следствие необходимости просто и быстро похоронить погибших.

На многих городских некрополях обнаружены ямные погребения.

ния, над которыми возведены перекрытия из сырцового и жженого кирпичей (2, с. 104, 110; 3, с. 143; 14, с. 133—134; 34, с. 32—33). Часто такие захоронения сосуществуют с цистными и воспринимаются как один из вариантов цист; ямно-цистный тип погребений является пограничным. На могильнике Культепа тоже есть такое погребение: яма с щелевидной камерой и стенкой из сырцового кирпича, перекрытая плахами (№ 25). Эта конструкция напоминает ямные погребения с перекрытием из дерева, покоящимся на заплечиках. В Уструшане такие ямные погребения встречаются в могильниках Мачитли (15, с. 251—258), Пушкинг (28, с. 201—206), Калаи Сар (27, с. 302). Причем группа населения из Мачитли, погребенная в ямах (в отличие от другой части, погребенной в подбоях), имеет центральноазиатский расовый тип (15, с. 279), группа из Калаи Сара несет много черт южно-сибирского типа (32, с. 23), а из Пушкинга имеет монголоидную примесь (32, с. 20).

Т. К. Ходжайов, анализируя антропологический материал, полученный в Средней Азии для эпохи развитого средневековья, говорит о монголизированном населении Уструшаны как о пришлом и, «вероятно, первоначально обитавшем на Алтае, в Казахстане или в Южной Сибири» (32, с. 23). Данные Т. П. Кияткиной еще более отдаляют первоначальные места обитания этой монголоидной волны на северо-восток, в ареал центральноазиатского типа. Совмещая данные антропологии и археологии, можно говорить о соотносимости кочевых, весьма монголизированных групп с ямными погребениями с заплечиками и деревянным перекрытием. Кстати, в Восточной Европе в это же время была распространена такая же погребальная конструкция. Л. Т. Яблонский отмечает, что «деревянное перекрытие является неотъемлемой частью погребального обряда кочевников-половцев» (7, с. 148).

При смешении пришлого населения с местным взаимодействовали и погребальные традиции. В ряде случаев они совмещались. Материально это фиксируется в изменении конструкций погребений. Совмещение двух традиций погребения: в ямах с заплечиками и деревянным перекрытием (одна конструкция такого типа выявлена и на Культепа) и цистах из кирпичей могло дать своеобразную гибридную конструкцию: кирпичную цисту с деревянным перекрытием. Не исключено, что по этой причине появились цисты с деревянным перекрытием в Хон Яйлов (20, с. 154) и Зосуне (17, с. 30—35). Данный процесс мог протекать в этих поселениях конвергентно в связи с приходом на данную территорию в XI—XII вв. родственных кочевых групп, но мог быть и гораздо более сложным и включать множество промежуточных этапов. Рассмотрим лишь частный факт. На Культепа отмечено четыре погребения с деревянным перекрытием. Два из них сильно отличаются от погребений Зосуна. В двух других случаях на Культепа были наброски из кирпича и глины, в могильнике Зосун такое перекрытие является преобладающим. Причем, одна из

цист (№ 30 на Культепе) по остальным характеристикам больше напоминает конструкцию могил в Зосуне — подпрямоугольная яма, трапециевидная в плане внутренняя камера, в боковых стенках использован поставленный на большой торец кирпич. Позже, в монгольское время, перекрытие из балочек и кирпичей встречено в Согде на городище Афрасиаб (14, с. 133—134, рис. 52). Отметим дальнейшую трансформацию комбинированного перекрытия: поверх балочек клали не просто обломки кирпичей, камни, плитняк, как это было в предыдущих случаях, а укладывали целые кирпичи по определенной системе. В предшествующее время такого рода перекрытий на Афрасиабском некрополе не зафиксировано.

Захоронения в цистах, сложенных и перекрытых жжеными и сырцовыми кирпичами, являются одним из основных типов погребения в городских могильниках. Как правило, погребения состоят из двух стенок, сложенных в несколько рядов кирпичей, перекрытых разным способом. Это сооружение может быть как помещенным в яму на довольно большую глубину, так и надземным или полуподземным. Сверху место захоронения могло отмечаться каким-либо образом. Из-за отсутствия следов надземных отметин эти весьма существенные элементы погребального комплекса в данной статье не принимаются во внимание. Ниже, исходя из усложнения перекрытий, перечисляются находки цистных захоронений развитого средневековья.

Плоскоперекрытые цисты и щелевидные ямы обнаружены археологами на городищах Афрасиаб (XI—XII вв.) (2, с. 106—107), Шуллертепа (VIII?—XII вв.) (33, с. 184—185; 24), Старый Термез (XII—XIV вв.) (23), Токкале (VIII—X вв.) (6, с. 54), Калмыккырган (XI—XIV вв.) (19, с. 87—91), Миздахкан (VIII—XIV вв.) (34, с. 30, 127), Куйрыктобе (XI—XII вв.) (21, с. 87).

Цисты с перекрытием в виде одного ряда кирпичей, поставленных на узкое ребро, встречены на Афрасиабе (X—XII вв.) (2, с. 104; 14, с. 133, рис. 52), Утурликтепа (6, с. 91), в Куве (X—XI вв.) (3, с. 140), Куйрыктобе (XI—XII вв.) (21, с. 87), в Чуйской долине (XII—начало XIII в.) (1, с. 56). Перекрытые аналогичным образом щелевидные ямы обнаружены на Афрасиабе (X—XII вв.) (2, с. 104, рис. 1, 14, с. 133, рис. 52, с. 134) и на Токкале (XIII—XIV вв.) (6, с. 49, рис. 5, с. 58).

Перекрытия в виде двускатной крыши выявлены на Афрасиабе (X—XI вв.) (2, с. 106), Миздахкане (XIII—XIV вв.) (34, с. 35, рис. 18), в Таласской (4, с. 50—52, рис. 1) и Чуйской (XII—начало XIII в.) (1, с. 35) долинах; в виде двух рядов кирпичей на ребре — на Краснореченском городище (XII—XIII вв.) (13, с. 82—83, рис. 15) и на Культепа (XII—начало XIII в.).

Согласно этим данным, наиболее ранними являются цисты с плоским перекрытием (VIII в.). Перекрытия в виде ряда кирпичей, поставленных на ребро, и двускатные датируются не ранее X в. Сходные перекрытия цист на Краснореченском городище и

Культепа датируются не ранее XII в. В них как бы совмещаются два предыдущих вида перекрытий: два ряда кирпичей, поставленных на ребро, образуют ребристую двускатную крышу. В некоторых могильниках перекрытия из кирпичей, поставленных на ребро, были наклонены в сторону головной части погребений. Такая деталь характерна для перекрытий цист на могильниках Культепа и Красная речка. Возможно, это одна из форм достижения устойчивости перекрытий. Вместе с тем в средневековой архитектуре широко использовался прием, при котором кирпич ставился на ребро под углом. Такая кладка, ставшая в караханидское время традиционной, применялась и в малых архитектурных формах.

Цисты, встречающиеся вне пределов Средней Азии (Казахстан, Поволжье), как правило, связаны с мусульманизацией населения. По времени они являются более поздними, чем среднеазиатские. Антропологический (23, с. 24) и археологический материалы (13, с. 83—90) Красной речки (Семиречье) показывают, что это городище было одной из согдийских торговых факторий за пределами Средней Азии. Это еще один из путей распространения определенных типов погребений, в данном случае цист.

Идентичность конструкций цист, отмеченная в двух отдаленных пунктах — на Красной речке и Культепа, датируемых одним и тем же временем, указывает на прямые связи, которые существовали в позднекараханидское время между этими пунктами.

Очевидно, что истоки цист, появившихся на сопредельных со Средней Азией территориях — Казахстан, Поволжье — в период их мусульманизации, находятся в Средней Азии. Но и в последней цистные захоронения появились только с распространением ислама. Наиболее ранние цисты — плоскоперекрытые, в которых погребение совершено по мусульманскому обряду, зафиксированы в Хорезме и датируются первой половиной VIII в. (Миздахкан, Токкала).

На домусульманском могильнике в Мерве (Южная Туркмения) уже существовали плоскоперекрытые цисты из жженого кирпича с применением алебастровой обмазки, датируемые IV (31, с. 105—106) и VI вв. н. э. (22, с. 94—95). По утверждениям авторов, погребения христианские. На юго-западе от Средней Азии в античное время бытовали погребения, очень похожие на средневековые среднеазиатские цисты, но имеющие гораздо большее разнообразие форм (17, с. 169—171, 175—176, 179, табл.) Являются ли идея и форма цист заимствованием из погребального обряда Ближнего Востока? Форма некоторых цистных захоронений (24, рис. 3) наводит на мысль, что их прообразом могла быть и местная монументальная погребальная архитектура. Детальные исследования и новые данные помогут решить этот вопрос.

Третий тип погребений, встреченный на городище Культепа, — подбой. Вопрос о его появлении на городских мусульманских

некрополях, в частности на Культепа, очень интересен. Мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые считают, что подбой отличается по конструктивным особенностям, и происхождение их неоднозначно в различных пунктах. Так, В. Н. Пилипко говорит о сходстве на территории Средней Азии, начиная со времени арабского завоевания, двух способов погребения в подбоях — арабов и представителей местного населения (25, с. 254). Во время, предшествующее арабскому завоеванию, такой способ захоронения был более характерен для кочевнических групп. Большинство авторов считают его местным по генезису. Появление подбойных типов захоронений на городских некрополях, в отличие от цистных погребений, является продолжением местных традиций, хотя и присущих в большей степени кочевому населению. В каждом городском средневековом могильнике при смене обрядности и переходе от зороастрийских традиций к мусульманским преобладает определенный тип погребений. Например, на Афрасиабе это исключительно подбой, на Миздахкане — циста. Сосуществование подбойных и цистных погребений одновременно является более редким явлением, чем только цистных. На Афрасиабе подбой и цисты сосуществовали с саманидского времени. Судя по фотографиям, рисункам и описаниям (13, с. 82, рис. 15; 24), на некрополях Шуллюк и Красная речка в XII—начале XIII в. появились наряду с захоронениями в цистах и подбойные погребения. Причем вход в подбой так же, как на Культепа, сделан с западной стороны и заложен несколькими рядами кирпичей, положенных плашмя, т. е. принцип устройства весьма сходен. Конструкция подбоев на Афрасиабе отличается от таковой на Культепа: входная яма на Афрасиабе много выше погребальной камеры, в отличие от конструкции подбоев на Культепа, где различия в уровнях входной и погребальной камер почти сглажены (Р-4); по-разному осуществлялась закладка входа кирпичами; на Афрасиабе встречаются подбой, где с восточной стороны входной ямы сделана погребальная камера.

Итак, ряд погребений могильника Культепа по типу и конструкции сходен прежде всего с цистами и, возможно, подбоями Краснореченского городища. Провести сравнительный антропологический анализ мы, к сожалению, не можем. Имеем лишь возможность констатировать преобладание на Краснореченском городище населения расы Среднеазиатского междуречья и большее тяготение европеоидного компонента населения Культепа к средиземноморской ветви при наличии и расы Среднеазиатского междуречья. Монголоидная примесь в караханидское время отмечена на обоих городищах. В антропологическом аспекте население Культепа, по крайней мере в своей европеоидной составляющей, скорее можно связать с территориально и исторически более близкими поселениями, как например Хон-Яйлов, в котором в караханидское время жило европеоидное население, тяготеющее к средиземноморской ветви с монголоидной примесью. В свете вы-

шесказанного, касающегося появления цист с деревянным перекрытием на обих памятниках, возможно, и монголоидная составляющая имеет общие корни. Европеоидное население Мачитли представлено расой среднеазиатского междуречья (15, с. 266). Отметим сходство подбойных конструкций на Мачитли и Культепа с поправкой на различие материалов закладки подбойной камеры, а также погребения № 30 на Культепа с зосунскими. Таким образом, несхожие между собой горные сельские погребения находят аналогии на городском некрополе Сабата.

На вскрытом участке кладбища Р-4 концентрируются различные по конструктивным особенностям погребения. Причем трупоположения отличаются еще большим разнообразием. Не является ли эта часть кладбища средоточием захоронений выходцев из различных близлежащих (Уструшана, Согд), а также из более отдаленных областей (Чуйская долина)? Трудно сказать, какие же погребения являлись традиционными для караханидского Сабата.

Изменения в конструкциях погребений в этот период скорее всего надо связывать с этническими подвижками (миграции, смешение и т. д.). Поэтому было бы интересно соотнести антропологические данные с погребальными особенностями средневековых могильников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштам А. Н. Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции//МИА. Вып. 14. М.—Л., 1950.
2. Брусенко Л. Г., Бурякова Э. Ю., Филанович М. И. К истории слоения мусульманского кладбища в северной части Афрасиаба//Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент, 1975.
3. Булатова В. А. Некрополь X—XI вв. в Куве//ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965.
4. Бубнова М. А. Средневековые мастерские рабада//Изв. АН КиргССР. Серия обществ. наук. Т. 1. Вып. 1. Фрунзе, 1959.
5. Буряков Ю. Ф., Ростовцев О. М. и др.//УСА. Вып. 4. Л., 1979.
6. Бижанов Е. и Мамбетуллаев М. Раскопки некрополя Ток-калы в 1968 г.//Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1973.
7. Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
8. Грицина А. А. Археологические исследования в Северной Уструшане//Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию академика АН УзССР Я. Г. Гулямова. Ташкент, 1988.
9. Грицина А. А., Сверчков Л. М. Археологические исследования в Сырдарьинской области//ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990.
- 9а. Грицина А. А. Материалы XII—начала XIII в. с городища Культепа (Северная Уструшана)//ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
10. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
11. Залкинд Н. П., Поляков С. П. Краниологические материалы из средневековых погребений Южной и Северо-Западной Туркмении.//ВА. Вып. II. М., 1962.
12. Залкинд Н. П., Поляков С. П. Материалы к характеристике средневековых кладбищ Западной Туркмении//Труды ТашГУ. Вып. 235. Ташкент, 1964.

13. Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище//Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
14. Крашенинникова Н. И., Пидаев Ш. Р. Северные пределы Шахзиндинского кладбища//К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
15. Кияткина Т. П. Могильник Мачитли//МКТ. Вып. 4. Душанбе, 1987.
16. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
17. Литвинский Б. А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях)//Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.
18. Мандельштам А. М. Могильник в селении Зосун//Известия АН ТаджССР. Отд. обществ. наук. Душанбе, 1965.
19. Мамбетуллаев М. Средневековый могильник Қалмыккырылган//Археология Приаралья. Вып. 11. Ташкент, 1984.
20. Негматов Н. Н. К проблеме компактных селений Уструшаны и Ходжентской области в средние века//МКТ. Вып. 3. Душанбе, 1978.
21. Нурмуханбетов Б. Н. Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрыктобе//В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
22. Обельченко О. В. Некрополь древнего Мерва//ТЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад, 1969.
23. Отчет С. Мустафакулова за 1988 г. Научный архив Ин-та арх. РУз. 1988.
24. Отчеты Т. Р. Мухамеджанова за 1986—1987 гг. Научный архив Ин-та арх. РУз.
25. Пилипко В. Н. Средневековое кладбище городища Хурмузфарра в Мервском оазисе//ТЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад, 1969.
26. Поляков С. П., Черемных А. И. Погребальные сооружения населения долины Зеравшана//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
27. Поляков С. П. Могильник Калаи Сар//АРТ. Вып. XVII. Душанбе, 1977.
28. Поляков С. П. Отчет о раскопах средневековых погребений у кишлака Пушинг//АРТ. Вып. XII. 1972.
29. Пулатов У. П. Чильхуджра//Материальная культура Уструшаны. Вып. 3. Душанбе, 1975.
30. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма: М., 1969.
31. Сусенкова Р. С. Домусульманский некрополь старого Мерва//ТЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад, 1969.
32. Ходжайов Т. К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. Ташкент, 1987.
33. Ходжайов Т. К., Мухамеджанов Т. Р. и др. Предварительные результаты археолого-антропологических исследований некрополя средневекового Несефа//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
34. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

М. А. РЕУТОВА, Г. АХАДОВА

ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СКУЛЬПТУРЫ КУЕВКУРГАНА

Остатки монументальной глиняной скульптуры нередко встречаются при археологических раскопках, проводимых на памятниках Средней Азии. Скульптурными произведениями издревле украшались помещения дворцов и храмов. Их подробное описание имеется в многочисленных публикациях (1—4). Однако крайне

редко встречаются данные по изучению состава и свойств материалов, используемых древними мастерами для создания скульптуры (5).

В данной работе представлены результаты химико-технологического изучения скульптуры из замка Кувекургана, расположенного в Ангорском районе Сурхандарьинской области и датированного V в. н. э. При раскопках помещения № 1 здесь обнаружены обломки скульптуры с полихромной росписью. Скульптура была

Таблица 1

Результаты химического анализа древних скульптур*

п/п	Наименование	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O
	Скульптура Кувекургана						
№74	Фрагмент головы	54,56	12,51	2,17	12,75	2,37	2,80
№76	Фрагмент головы	53,36	10,02	3,14	11,53	2,30	2,81
№21	Фрагмент одежды	55,04	12,72	2,63	11,60	1,98	2,72
№5	Фрагмент бюста	54,76	12,46	3,10	12,10	2,22	2,17
№137	Фрагмент одежды	55,00	12,73	2,85	11,64	2,42	2,66
№145	Фрагмент ладони	52,76	13,46	2,42	11,86	2,18	2,18
№73	Фрагмент бюста	53,76	13,05	2,87	11,92	2,16	2,16
№128	Фрагмент головы	54,32	12,90	3,13	12,38	2,25	2,33
	Скульптура из Джаркутана	49,75	5,04	1,97	6,09	2,60	2,77
	Скульптуры из Кувы	48,00	10,12	6,78	9,63	6,27	2,66

п/п	Наименование	K ₂ O	п.п.п.	MnO	TiO ₂	SO ₃	Σ
	Скульптура Кувекургана						
№74	Фрагмент головы	1,19	10,46	0,11	0,13	0,70	99,75
№76	Фрагмент головы	2,54	12,18	0,11	0,07	0,92	99,03
№21	Фрагмент одежды	2,04	10,33	0,10	0,07	0,37	99,60
№5	Фрагмент бюста	1,83	10,28	0,06	0,07	1,06	100,11
№137	Фрагмент одежды	1,98	9,77	0,07	0,01	1,27	100,40
№145	Фрагмент ладони	1,93	12,44	0,07	0,08	1,19	100,27
№73	Фрагмент бюста	1,85	11,12	0,07	0,08	1,70	99,74
№128	Фрагмент головы	2,10	10,17	0,05	0,14	1,70	100,47
	Скульптура из Джаркутана	1,63	18,17	0,07	0,09	следы	100,10
	Скульптуры из Кувы	2,21	12,34	0,04	0,03	следы	100,17

*Анализы выполнены аналитиком С. Джалоловой.

сильно разбита, поскольку, по мнению автора раскопа Т. Д. Аннаева, она упала на первый этаж со второго при его разрушении. Предполагается, что в помещении находилось 10—12 пристенных скульптур (6).

Для изготовления скульптур использовалась местная глина серовато-желтого цвета. Результаты химического и спектрального анализов глины (табл. 1, 2) различных скульптур и их отдельных

частей показали, что материал для приготовления массы брался из одного карьера. Это подтверждается количественным содержанием основных компонентов химического состава в лессовых породах, значения которых колеблются в очень ограниченных пределах. В то же время химический состав глины из Куевкурмана отличается от состава глиняной массы скульптур, обнаруженных на других памятниках республики. В частности, были проведены химический и спектральный анализы материала скульптур из

Результаты спектрального анализа глиняной массы из древних

п/п	Название объекта	Si	Al	Mg	Ca	Fe	Mn	Ni	Co	Ti	V
№21	Глиняная скульптура Куевкурмана										
№21	Фрагмент одежды	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,07	0,003	0,0015	0,1	0,005
№145	Фрагмент ладони	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,03	0,003	0,001	0,3	0,006
№74	Фрагмент головы	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,06	0,003	0,001	0,3	0,005
№137	Фрагмент одежды	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,08	0,005	0,0015	0,2	0,006
№5	Фрагмент бюста	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,06	0,004	0,001	0,3	0,005
№144	Фрагмент руки	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,06	0,004	0,001	0,3	0,005
	Глиняная скульптура из Джаркутана IX в. н. э.	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,05	0,007	0,003	0,1	0,005
	Глиняная скульптура из Кувы VII в. н. э.	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,06	0,007	0,003	0,1	0,01

Za, Sc, W, Hf, Nb, Ta, Sb, Cd, Sn, Ge, In, Au, Te, Hg, В — отсутствуют

Джаркутана и Кувы (табл. 1, 2). При сравнении полученных результатов заметны значительные колебания в процентных соотношениях таких основных химических компонентов лесса, как SiO_2 , Al_2O_3 , Fe_2O_3 , CaO и т. д., что определяется различиями в их гранулометрическом и химико-минералогическом составе пород той или иной биогеохимической провинции.

Состав лесса влияет на его свойства (пластичность, усадку, гигроскопичность, механические свойства и т. д.) и соответственно на технологию изготовления скульптурной массы.

В глину для армирования добавлялся органический компонент: саман, конский волос, шерсть, камышовый пух. Количество этой добавки в древней глине определяется посредством изучения такого параметра, как потеря при прокаливании (п.п.п.).

Как следует из данных табл. 1, различия в количественных значениях этой величины для скульптур из Куевкургана и Кувы незначительны. Она колеблется в небольшом пределе — 10,17—12,44%. Для скульптуры из Джаркутана п.п.п. составляет 18,71%, что почти в полтора раза превышает данную величину для глиняных масс из Куевкургана и Кувы. Можно предположить, что глины, использовавшиеся древними мастерами Джаркутана, отличаются повышенной карбонатностью, и при прокаливании извест-

Таблица 2

скульптур

Cr	Mo	Zr	Cu	Pb	Zn	Ga	Be	Na	K	Sr	Ba	Jt*
0,007	0,0005	0,003	0,004	0,01	—	0,001	0,003	1,0	1,0	0,015	0,04	0,001
0,008	0,0005	0,008	0,005	0,007	0,005	0,001	0,0003	1,0	1,0	0,015	0,04	0,001
0,008	0,0005	0,01	0,004	0,002	0,005	0,001	0,0002	1,0	1,0	0,01	0,04	0,001
0,008	0,0006	0,003	0,006	0,004	0,006	0,001	0,0003	1,0	1,0	0,01	0,06	0,001
0,007	0,0006	0,008	0,004	0,002	0,005	0,001	0,0003	1,0	1,0	0,01	0,03	0,001
0,007	0,0006	0,008	0,004	0,002	0,005	0,001	0,0003	1,0	1,0	0,01	0,03	0,001
0,005	—	0,02	0,001	0,001	0,003	0,002	0,0003	1,0	1,0	0,003	0,003	0,001
0,01	—	0,02	0,002	0,002	0,001	0,003	0,0003	1,0	1,0	0,05	0,3	0,001

няк разлагается с выделением CO_2 , увеличивая тем самым значение п.п.п. Однако, если сравнить процентное содержание окиси кальция, второго составляющего известняка, то для куевкурганской глины оно почти в два раза выше, чем в глине Джаркутана. Очевидно, отличие в составе, а соответственно и в свойствах леса, повлияло на то, что количество органической добавки в скульптурных массах было различным.

Хотя скульптура была сильно разбита при падении стен и перекрытий второго этажа замка, по сохранившимся фрагментам можно проследить технологию ее изготовления. Основой для скульптуры Куевкургана служили деревянные бруски толщиной 1,5—2,0 см, пустоты от которых имеются в отдельных фрагментах рук, туловища и головы. На них слой за слоем накладывалась глина с большой примесью самана, частицы которого сохранились во внутренних слоях скульптуры. Несмотря на то, что скульп-

турная масса рыхлая, время размокания ее в воде достигает 2—3 часов. Возможно, что при ее изготовлении добавлялись связывающие вещества, определить которые методом химического анализа не удалось. Но этот факт можно объяснить иначе. Во время нахождения скульптуры в почве по макропорам, образующимся после разложения крупнодисперсной добавки — самана, постоянно циркулировала почвенная влага, которая несла в себе водорастворимые соли — сульфаты, хлориды натрия, кальция, магния. Они постепенно откладывались на стенках макропор, как бы инкрустируя их. По литературным данным известно, что при насыщении обменного комплекса грунта ионами натрия водопроницаемость его резко уменьшается (7). Анализ пробы рыхлой скульптурной массы Куевкурмана на засоленность хлоридами (проба азотнокислым серебром) показал, что они присутствуют в ней в значительном количестве. Возможно, повышенной засоленностью скульптуры можно объяснить длительную размокаемость ее фрагментов в воде.

Скульптурной массой с саманом создавалась основная форма скульптуры. Затем «заготовка» покрывалась моделирующим слоем, для приготовления которого использовалась хорошо отмученная глина, в которую для армирования добавлялся тонкодисперсный органический компонент — конский волос или овечья шерсть. Для того, чтобы избежать усадки и растрескивания моделирующего слоя, в глину подмешивался мелкий речной песок. Его содержание составляет около 38% массы. Несмотря на то, что глиняная масса очень плотная и твердая, время размокания ее мало — 3—5 минут. Образцы обмазки, погруженные в воду, не распадаются по частям, а разрушаются целиком. Вода быстро проникает внутрь образца, и гидротация частиц происходит практически одновременно во всем ее объеме. Отсутствие крупных пор сказалось и на степени засоленности этого слоя скульптуры. Анализ проб на хлориды показал, что их здесь почти в два раза меньше, чем в основной скульптурной массе. При осмотре обломков скульптуры выяснилось, что обмазка глиной такого состава производилась не по всей поверхности скульптуры, а в ее округлых и выступающих частях. Из этой глины моделировались складки одежды, покрывавшей скульптуру, пальцы рук, элементы украшений — диадемы, гривны, ожерелья, розетки из цветов, перлы и т. д.

Поверхность запесоченной глины покрывалась тончайшим слоем глины из мелкоотмученного лесса без грубых примесей. Эта обмазка настолько тонка, что сквозь нее просвечивают частицы песка из предыдущего слоя. Перед раскраской высушенная скульптура грунтовалась ганчем, на который затем наносились цветные пигменты преимущественно минерального происхождения.

Несомненно интересным было бы исследование таких характеристик лессовых масс, как пористость, усадка, пластичность, набухание, липкость, что дало бы нам более глубокие знания по

технологии лепки древних скульптур, выделению отдельных школ, отличающихся не только стилистическими особенностями, но и технологическими приемами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
2. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепе. М., 1971.
3. Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
4. Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973.
5. Новикова Л., Марков А. Методы изучения состава и свойств древней глиняной скульптуры//Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1987.
6. Аннаев Т. Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.
7. Лысенко М. П. Состав и физико-механические свойства грунтов. М., 1971.

А. А. АСКАРОВ, В. Д. РУЗАНОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕТАЛЛА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ КУЧУКТЕПА

В истории металлургического и металлообрабатывающего производства Средней Азии древнего периода слабо изучена металлообработка южных племен с крашеной керамикой начала I тыс. до н. э. И хотя исследования в этом направлении проводятся (1, 2), многие вопросы остаются нерешенными.

В данной статье описывается химико-металлургическая характеристика меди и бронз кучуктепинской культуры*. В ней на основе данных спектрального анализа сделана попытка определить происхождение металла этой культуры, выявить его связи с металлом памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа.

При раскопках на поселении Кучуктепа обнаружено 92 находки, среди которых 80 представляют предметы и их обломки, 2 — полуфабрикаты, а остальные являются слиточками металла. Исследованная в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР коллекция включает 73 находки: 61 изделие, 2 полуфабриката и 10 слиточков металла (табл. 1).

Металлические вещи с поселения Кучуктепа относятся к X—V вв. до н. э. (6). Согласно стратиграфическим данным, материалы подразделяются на несколько хронологически различных комплексов. К раннему комплексу (Кучук I), который датируется X — первой половиной VIII в. до н. э., относятся предметы, обнаруженные в 1—3 строительных горизонтах. Второй комплекс (Кучук II) составляют материалы из 4 строительного горизонта, датируемые второй половиной VIII—VII вв. до н. э. Третий комп-

* По результатам анализов 24 предметов из поселения Кучуктепа одним из авторов настоящей статьи опубликованы предварительные данные о сплавах, бытовавших в эпоху поздней бронзы и раннего железа на юге Узбекистана (3; 4; 5).

Таблица 1

Результаты спектрального анализа металлических предметов из поселения Кучуктепа

Лаб. №	Рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Pt	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
23730	2,8	осн.*	10,0	0,1	0,03	0,005	0,1	0,01	0,08	0,001	0,2	0,05	<0,001
23631	1,17	.	10,0	0,05	0,03	0,001	0,001	0,05	0,08	>1,0	0,15	0,02	—
23732	1,14	.	3,0	0,25	0,5	0,002	0,005	0,03	0,45	0,75	0,05	0,005	<0,001
30907	2,10	.	3,0	0,05	—	0,03	0,009	0,15	0,3	0,03	0,015	0,001	<0,001
30908	2,15	.	7,0	0,2	—	0,1	0,025	0,15	0,4	0,18	0,05	0,002	<0,001
30909	2,16	.	3,0	3,5	—	0,04	0,03	0,3	0,45	2,0	0,025	0,001	0,001
30910	2,19	.	15,0	0,1	0,009	0,005	0,003	0,005	0,06	0,1	0,006	0,011	<0,001
30911	—	.	3,5	1,5	0,01	0,05	0,05	0,9	1,2	0,4	0,015	0,003	<0,001
30912	2,12	.	5,0	0,9	0,07	0,013	0,015	0,07	0,25	0,4	0,03	0,007	0,001
30913	2,11	.	2,5	2,0	0,003	0,02	0,015	0,03	0,085	0,6	0,007	0,001	<0,001
30914	—	.	3,2	0,5	0,004	0,02	0,003	0,06	0,25	0,4	0,02	0,002	<0,001
30915	—	.	9,0	0,5	?	0,02	0,02	0,12	0,4	0,5	0,02	0,003	<0,001
30916	—	.	7,0	2,5	?	0,018	0,006	0,18	0,4	0,7	0,007	0,001	<0,001
30917	—	.	3,0	0,04	?	0,025	0,025	0,12	0,1	0,3	0,043	0,005	<0,001
30918	—	.	4,0	2,5	0,004	0,001	0,001	0,12	0,3	0,45	0,006	0,001	<0,001
30919	—	.	4,0	0,5	?	0,015	0,012	0,06	0,15	0,8	0,015	0,007	<0,001
30920	—	.	6,0	1,6	—	0,025	0,02	0,145	0,15	0,4	0,02	0,001	<0,001
30921	—	осн.	6,0	1,2	—	0,11	0,04	0,15	0,3	0,35	0,008	?	0,001
30922	1,15	.	9,0	0,03	0,005	0,045	0,05	0,045	0,2	1,8	0,07	0,02	0,001
30923	1,24	.	0,3	0,03	?	0,03	0,0001	0,06	0,02	0,4	0,003	?	0,002
30924	1,21	.	5,0	0,35	0,03	0,06	0,004	0,03	0,25	0,03	0,02	0,002	0,002
30925	1,22	.	0,3	1,6	0,018	0,025	0,02	0,4	0,2	0,3	0,007	0,002	0,001
30926	1,23	.	0,25	0,2	0,02	0,05	0,015	0,15	0,5	0,45	0,015	0,003	—
30927	1,16	.	0,005	0,01	0,025	—	0,025	0,001	—	0,3	0,02	0,002	—
30928	1,19	.	5,0	0,02	0,02	0,0008	0,03	—	—	1,8	0,015	0,006	0,002
30929	1,20	.	1,25	5,0	0,02	0,18	0,01	0,2	1,2	2,0	0,009	0,001	0,002
30930	1,2	.	9,0	2,0	0,012	0,009	0,015	0,18	0,15	0,35	0,015	0,002	0,002
30931	1,3	.	0,7	0,2	0,004	0,0003	0,001	?	?	0,35	0,0003	?	—
30932	1,28	.	4,5	0,2	0,005	0,017	0,001	?	0,5	1,0	0,015	0,025	—
30933	1,26	.	0,9	0,03	?	0,12	0,0008	0,009	2,0	0,7	0,01	0,007	0,001
30934	1,25	.	2,5	0,03	—	0,018	0,009	0,06	0,075	0,3	0,003	0,004	0,001

Лабор. №	Рнс.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
30935	1,30	.	5,0	0,04	0,015	0,004	0,0008	0,009	0,2	0,4	0,008	0,009	0,001
30936	1,31	.	10,0	0,07	0,03	0,035	0,001	0,003	0,5	1,0	0,025	0,03	<0,001
30937	1,32	.	1,6	0,3	0,009	0,012	0,001	0,04	0,03	<0,3	0,008	0,003	0,001
30938	1,29	.	5,0	0,2	0,02	0,035	0,003	0,013	0,25	0,01	0,01	0,001	0,001
30939	1,27	осн.	5,5	1,2	0,08	0,007	0,001	0,01	0,15	0,03	0,007	0,001	<0,001
30941	1,8	.	0,02	0,2	0,02	0,12	0,05	3,0	0,4	0,03	0,001	?	0,002
30942	1,9	.	0,6	3,0	0,1	0,008	0,03	0,015	0,2	<0,001	0,008	0,001	—
30943	1,10	.	7,0	0,4	0,1	0,025	0,015	0,15	0,5	<0,001	0,009	0,05	<0,001
30944	1,5	.	1,0	0,015	0,01	0,19	0,003	0,012	1,5	3,5	0,015	0,015	0,002
30945	1,11	.	4,5	0,5	0,07	0,012	0,05	0,012	0,2	0,02	0,015	0,003	<0,001
30946	1,6	.	0,6	0,06	0,004	0,0006	0,025	0,024	0,025	0,06	0,004	?	—
30947	1,12	.	3,2	0,2	0,035	0,02	0,009	0,06	0,15	0,01	0,008	0,001	<0,001
30948	1,4	.	2,0	0,03	0,035	0,018	0,006	0,2	0,2	0,06	0,09	0,001	0,002
30949	1,7	.	0,7	0,2	0,002	0,001	0,0004	0,009	0,025	0,09	0,002	?	—
30950	1,13	.	3,5	0,5	0,035	0,12	0,02	0,02	0,3	0,3	0,007	0,002	<0,001
35853	2,7	.	6,2	0,2	0,01	0,025	0,2	0,035	0,1	<0,02	0,09	0,008	0,002
35854	2,6	.	3,0	0,04	0,08	0,02	0,2	0,004	0,03	<0,02	0,005	0,045	0,002
35855	2,3	.	30,0	0,002	0,01	—	0,2	0,002	—	0,025	0,08	0,002	—
35856	2,2	.	30,0	0,7	0,055	0,06	0,3	0,025	0,09	0,035	0,15	0,01	0,002
35857	2,1	.	4,5	5,0	0,04	0,04	0,35	0,075	0,08	0,025	0,015	0,2	>0,1
35858	2,4	.	25,0	0,2	0,08	0,1	0,2	0,06	0,35	0,025	0,04	0,002	<0,001
35859	2,5	.	19,0	0,45	0,55	0,04	0,03	0,02	0,35	1,0	0,06	0,01	0,001
35860	1,1	осн.	0,1	1,5	0,06	0,01	0,0004	0,01	0,35	0,3	0,015	0,003	—
35861	2,9	.	12,0	0,2	0,07	0,01	0,2	0,025	0,05	0,025	0,007	0,02	0,007
35862	—	.	0,08	5,0	0,5	0,25	0,2	2,5	0,45	0,15	0,002	?	<0,001
35863	—	.	0,1	0,02	?	0,001	0,007	0,007	—	<0,02	0,007	0,001	0,002
35864	—	.	0,04	0,01	—	0,02	0,007	0,008	0,05	0,2	0,002	0,0008	0,02
35865	2,17	.	0,035	0,1	0,15	0,001	>50,0	?	—	<0,02	0,005	0,002	0,002
35866	2,18	<50,0	0,2	0,06	—	0,2	0,2	—	—	<0,02	0,005	—	0,007
35867	2,13	осн.	19,0	0,06	1,0	0,07	0,2	0,06	0,1	0,2	0,2	?	<0,001
35868	—	.	13,0	10,0	15,0	0,009	0,2	0,025	0,1	0,45	0,02	0,006	0,002
35869	2,14	.	19,0	10,0	—	0,1	0,2	0,25	0,2	0,8	0,35	0,04	0,07
30954	—	.	2,0	1,0	1,5	0,05	0,0003	0,15	0,25	0,4	0,008	0,001	<0,001

Продолжение табл. 1

Лаб. №	Рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
30955	—	.	0,3	2,0	0,006	0,03	0,006	0,18	0,6	0,06	0,025	0,001	0,001
30956	—	.	0,001	0,05	—	—	0,001	?	0,009	0,35	0,015	0,01	?
30957	—	.	3,0	0,4	—	0,045	0,0009	0,35	0,5	0,03	0,006	0,005	<0,001
30958	—	.	1,9	0,4	—	0,009	0,025	0,14	0,1	0,3	0,004	0,001	0,001
30959	—	.	2,0	1,0	?	0,035	0,05	0,7	0,1	0,04	0,02	0,005	<0,002
30960	—	.	0,45	0,25	—	0,02	0,025	0,09	0,4	0,4	0,025	0,001	0,001
30961	—	.	15,0	0,08	—	0,003	0,003	0,07	0,07	8,0	0,005	0,025	?
30962	—	ссл.	1,9	0,2	—	0,003	0,006	0,12	0,1	0,3	0,007	?	—
30963	—	.	1,0	0,5	?	0,015	0,015	0,08	0,75	0,05	0,015	0,002	0,001

*Обозначения: осн.—основа сплава, ?—присутствие элемента возможно, —(тиге) —методом спектрального анализа элемент не обнаружен, < —меньше.

Примечания: 30954—30963—слиточки металла; 30911, 30914—30921, 35864, 35868—сломки предметов (браслеты, серьги и шилья); 35862—35863—полуфабрикаты.

Эпоха поздней бронзы (Кучук I)—ан. 35860.

Ранний железный век: ранний этап древнебактрийского периода (Кучук II)—ан. 23630—23632, 30928, 30930, 35853—35859, 35861—35869; развитый и поздний этап древнебактрийского периода (Кучук III и IV)—ан. 30907—30921, 30924—30927, 30931—30936, 30938—30939, 30941—30944, 30946—30948, 30950, 30954—30963.

Случайные находки—ан. 30922, 30923, 30929, 30937, 30945, 30949.

лекс (Кучук III) включает находки из 5 строительного горизонта, датируемого концом VII—VI вв. до н. э. К позднему комплексу относятся (Кучук IV) материалы 6 строительного горизонта, датируемого концом VI—V вв. до н. э.

Количественно вышеотмеченные комплексы представлены неодинаково.

Комплекс периода Кучук I включает всего один предмет — черешковый двухлопастный наконечник стрелы с листовидным пером и круглым в сечении ребром, найденный в слое 3 строительного горизонта (рис. 1, 1). Коллекция периода Кучук II представлена 28 находками, из них спектрально изучен 21 предмет. Комплексы периодов Кучук III и IV объединяют 63 находки, из числа которых удалось проанализировать 41 изделие и 10 слиточков металла.

Анализ археологического материала позволил выделить два периода обживания поселения Кучуктепа — эпохи поздней бронзы и раннего железа (6, с. 84). К сожалению, металлический материал эпохи поздней бронзы (Кучук I) немногочислен. Практически все предметы обнаружены в слоях второго периода. Данный период, названный древнебактрийским, подразделяется на три этапа: ранний (Кучук II), развитой (Кучук III) и поздний (Кучук IV). Среди них ранний этап является переходным от эпохи поздней бронзы к раннему железу. По типологическому составу металлический комплекс данного этапа своеобразен и отличается от металла позднего времени. В связи с этим проанализированный материал раннего этапа был рассмотрен нами не вкуче с поздним металлом, а отдельно. Такой подход в изучении металла дал возможность определить химико-металлургические особенности бронз, бытовавших на том или ином этапе, выявить динамику использования сплавов и источников сырья.

Металл раннего этапа древнебактрийского периода (Кучук II). Коллекция предметов этого времени включает оружие, орудия труда и украшения. Оружие представлено черешковыми и втульчатыми наконечниками стрел (рис. 1, 2, 14, 17, 19). Из орудий труда были исследованы однолезвийные ножи, серпы и шилья (рис. 2, 1—9). Украшения представлены браслетами и подвесками (рис. 2, 13, 14, 17, 18). Кроме того, изучен химический состав двух полуфабрикатов. Практически все вещи изготовлены из меди и ее сплавов. В одном случае зафиксирован сплав на серебряной основе.

Как показывают частотные гистограммы распределения концентраций примесей (рис. 3, б), металл этого времени неоднороден как в металлургическом, так и в химическом отношении*. Гистограмма олова и корреляционный график олово—свинец

* При статистической обработке материала раннего этапа древнебактрийского периода в коллекцию был также включен черешковый наконечник стрелы эпохи поздней бронзы.

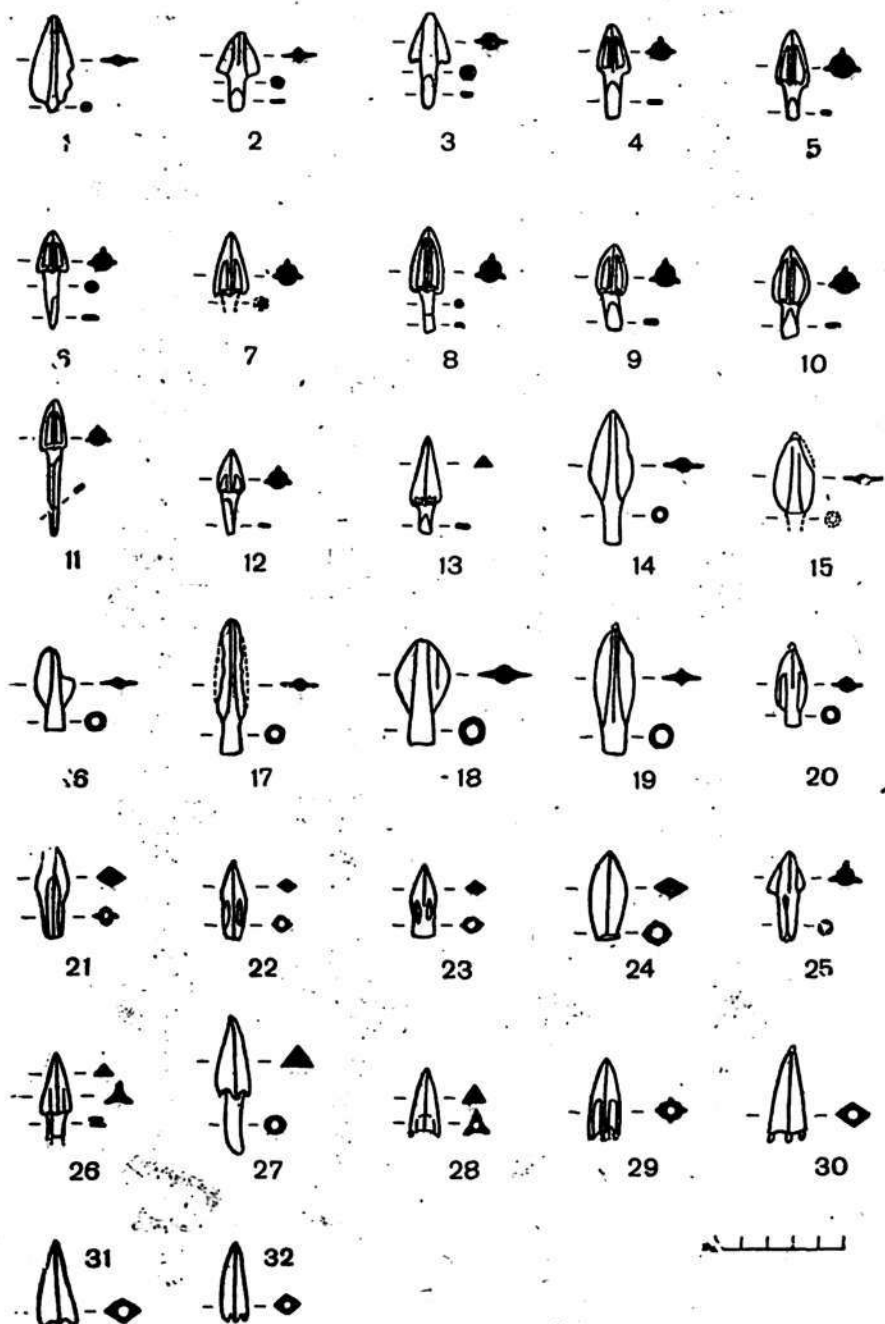

Рис. 1. Наконечники стрел из поселения Кучуктепа. 18 — металл находки спектрально не исследован.

(рис. 4) указывают на наличие в коллекции четырех металлургических групп: оловянистых, оловянно-свинцовистых и свинцовистых бронз, а также металлургически «чистой» меди. Границы искусственного введения олова и свинца различны. Для олова

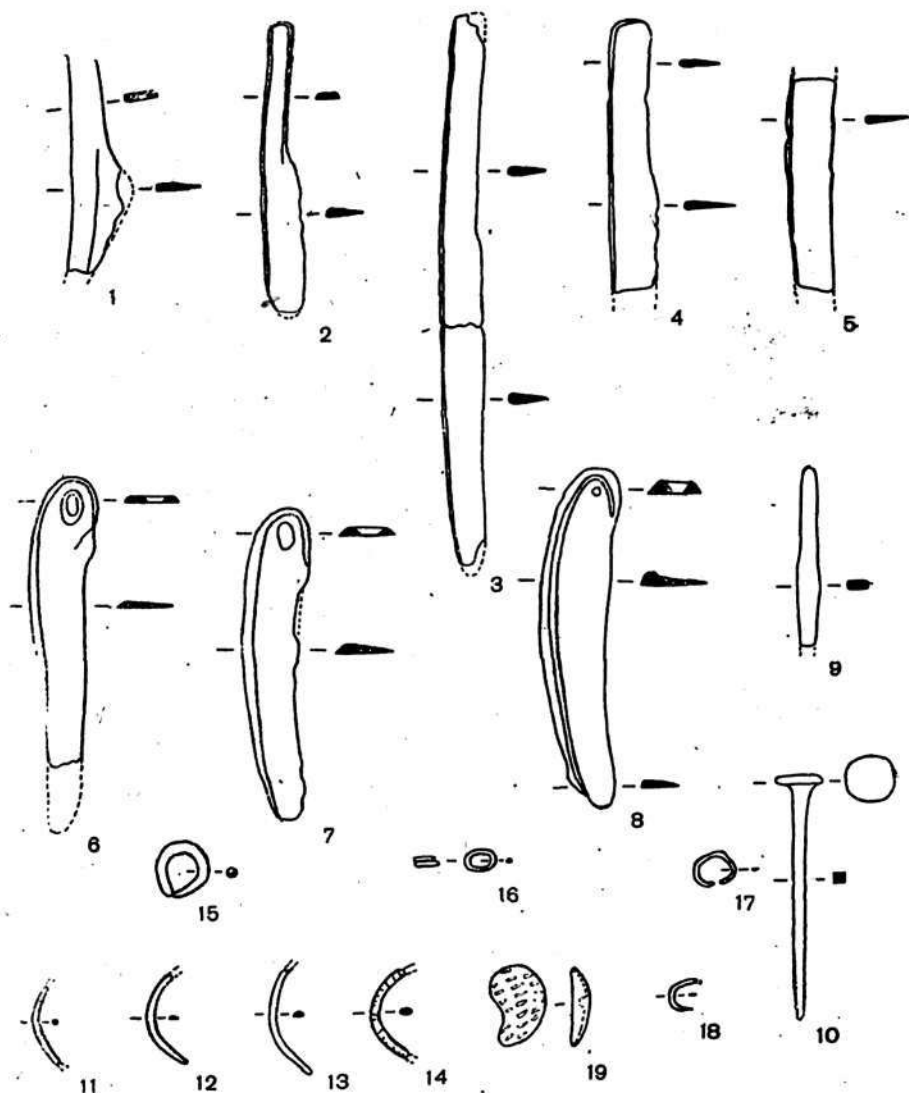

Рис. 2. Металлические изделия из поселения Кучуктепа.

они устанавливаются с 3,0%, для свинца — с 1,0%. Основной группой являются оловянистые бронзы: из них изготовлено 17 предметов, что составляет 80% изделий этого времени. Среди них в четырех случаях зафиксированы оловянно-свинцовистые бронзы.

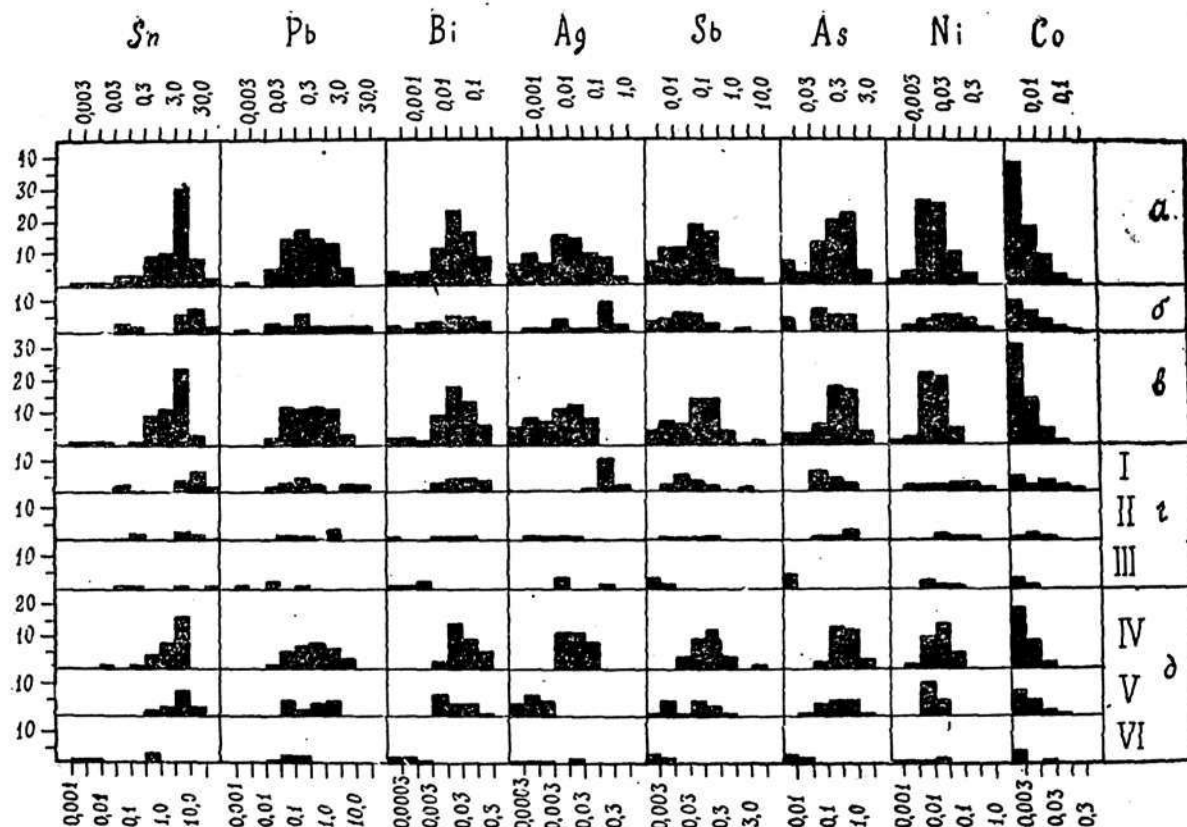

Рис. 3. Частотные гистограммы концентраций примесей к меди:

а — коллекции Кучуктепа; б — комплекса раннего этапа древнебактрийского периода (Кучук II); в — комплекса развитого и позднего этапов древнебактрийского периода (Кучук III и VI); г — химических групп раннего этапа (Кучук II); д — химических групп развитого и позднего этапов (Кучук III и IV).

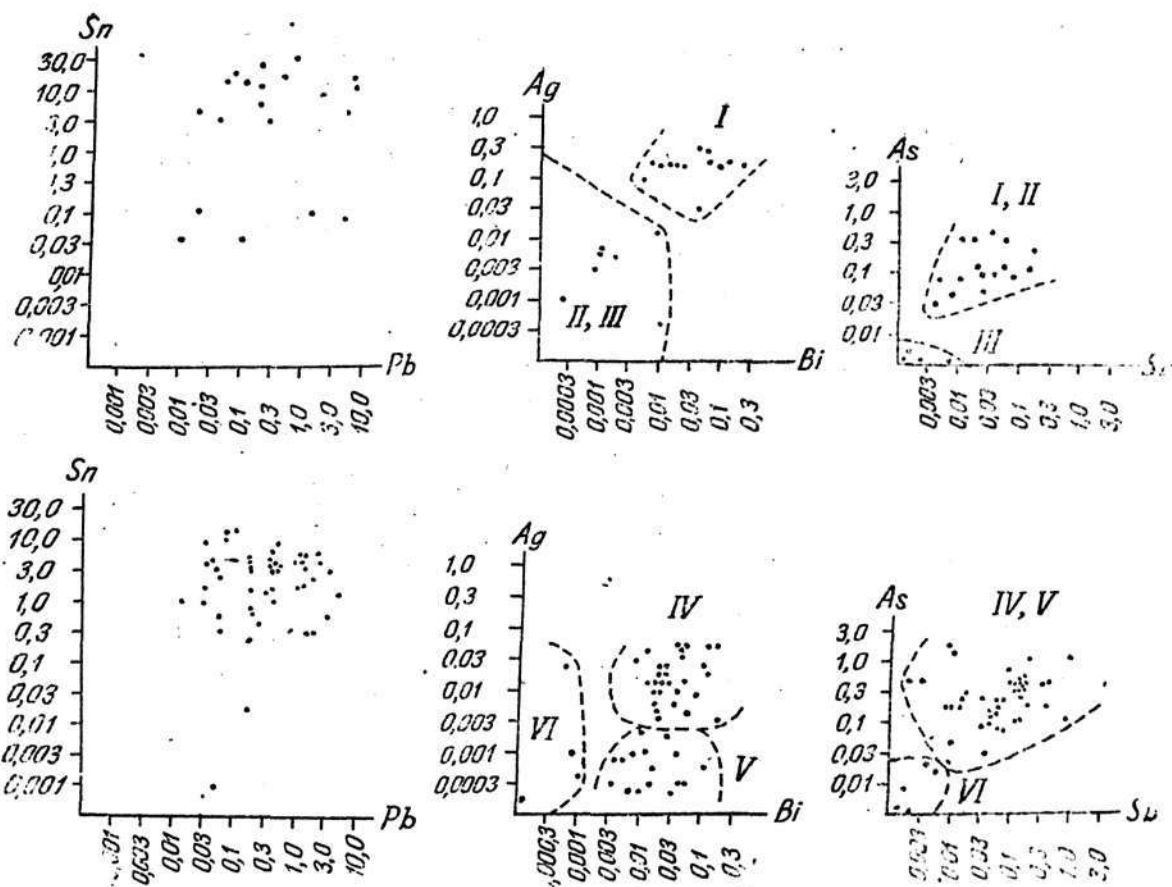

Рис. 4. Графики корреляционной зависимости между концентрациями олова и свинца, серебра и висмута, мышьяка и сурьмы в меди Кучуктепа: сверху — металл раннего этапа древнебактрийского периода (Кучук II), снизу — металл развитого и позднего этапов древнебактрийского периода (Кучук III и IV).

Из «чистой» меди сделано три изделия. На долю свинцовистых бронз приходится всего два предмета, причем один из них — это черешковый наконечник стрелы эпохи поздней бронзы. В другой находке — в полуфабрикате — кроме высокого содержания свинца установлено повышенное содержание сурьмы (2,5%), что предполагает использование комплексных свинцово-сурьмянистых сплавов. Однако вопрос о том, являлись ли сурьмянистые сплавы искусственными или они были получены при использовании руд, обогащенных сурьмой, остается открытым*. В коллекции привлекают внимание шесть предметов в связи с повышенным содержанием цинка (от 0,5 до 15,0%). Скорее всего, это связано с тем, что данные находки были очищены от патины с помощью цинка. Это привело к увеличению содержания данной примеси в отобранных пробах металла и, в конечном счете, к искажению первоначальной картины присутствия цинка в металле находок.

Гистограммы серебра и мышьяка, корреляционные графики пар сербро—висмут и мышьяк—сурьма позволяют выделить в металлическом комплексе раннего этапа древнебактрийского периода три химические группы (рис. 3, г; рис. 4). Первая группа характеризуется повышенными концентрациями серебра, висмута, сурьмы и мышьяка. Она включает 13 предметов, сделанных из оловянистых (7 экз.), оловянно-свинцовистых (3 экз.), свинцово-сурьмянистых(?) (1 экз.) сплавов и металлургически «чистой» меди (2 экз.). В данной группе граница ввода свинца как легирующей примеси такая же, как у олова, и равна 3,0% (рис. 3, г). К третьей группе, которая отличается от первой низким содержанием висмута, сурьмы и мышьяка, относятся четыре находки. Две из них сделаны из оловянистых бронз, остальные — из «чистой» меди. Оставшаяся часть коллекции условно объединена во вторую химическую группу. Она не является единой и по содержанию висмута расчленяется на две подгруппы. В нее входят четыре находки, отлитые из оловянистых (2 экз.), оловянно-свинцовой и свинцовой бронз. Некоторые из них, как выяснилось, находят соответствия в химических группах, выделенных в коллекции второго и третьего этапов древнебактрийского периода.

Металл развитого и позднего этапов древнебактрийского периода (Кучук III и IV). Металлическая коллекция конца VII—V вв. до н. э. представлена в основном оружием и украшениями. Из оружия нами проанализирован металл 26 наконечников стрел (рис. 1, 3—13, 15, 16, 20—32)**. Из украшений исследованы обломки браслетов (рис. 2, 11, 12), подвески (рис. 2, 15—16) и бля-

* Имеются сведения о наличии в северо-восточных областях Узбекистана полиметаллических месторождений с повышенным содержанием сурьмы. Некоторые из них могли использоваться в эпоху поздней бронзы (7, с. 62—63).

** В эту группу также включены наконечники стрел (рис. 1, 7, 11, 15, 20, 24, 32), обнаруженные вне культурного слоя. Хронологическая принадлежность некоторых из них устанавливается наличием типологических аналогий в стратифицированных комплексах времени Кучук III и IV.

ха (рис. 2, 19). Изучен также состав меди одного предмета (рис. 2, 10) с неопределенным функциональным назначением (булавка или шило) и 10 слиточков металла.

Статистическая обработка результатов анализов металла этой коллекции (рис. 3, в; рис. 4) позволила выделить три металлургические группы: оловянистые, оловянно-свинцовистые бронзы и металлургически «чистую» медь. В одном из трех образцов из «чистой» меди зафиксирована высокая примесь сурьмы (3,0%), что предполагает использование сурьмянистых сплавов. В отличие от металла раннего этапа граница оловянистых бронз устанавливается с 0,3%, о чем свидетельствует график корреляционной зависимости олово—свинец (рис. 4). На этом же графике видно, что к группе оловянистых бронз примыкает еще одна находка, хотя в ее меди содержится только 0,25% олова. Граница искусственного введения свинца проявляется не столь отчетливо и фиксируется в интервале концентраций от 0,3 до 1,0% (рис. 4). Поэтому принятая нами граница в 1,0% легирования меди свинцом носит условный характер. В этом случае к оловянно-свинцовистым бронзам относятся 15 образцов. Из оловянистых сплавов изготовлено 33 находки. Всего же в данной коллекции насчитывается 48 образцов (94%) с повышенным содержанием олова.

Находки этого времени распределяются по трем химическим группам, которые условно обозначены нами номерами IV, V и VI (рис. 3, б; рис. 4). Металл группы IV характеризуется повышенным содержанием висмута, серебра и сурьмы. Эта группа — самая многочисленная: включает 30 образцов. Все они, за исключением одного, легированы оловом. Среди них в девяти случаях зафиксированы оловянно-свинцовистые бронзы. Один образец представляет собой «чистую» медь. Для группы V характерны пониженные концентрации вышеуказанных микропримесей. Она представлена 16 образцами, часть которых относится к оловянистым бронзам (11 экз.), другая — к комплексным оловянно-свинцовистым сплавам (5 экз.). В группу VI входят пять находок, в меди которых висмут, серебро, сурьма и мышьяк либо отсутствуют, либо их содержание незначительно. В металлургическом отношении она подразделяется на оловянистые бронзы (3 экз.) и «чистую» медь (2 экз.).

При сопоставлении химических групп, с одной стороны, выделенных в раннем металле, с другой, — в коллекции развитого и позднего этапов, выяснилось, что большая часть образцов группы III сходна по своему химическому составу с металлом группы VI (рис. 3, г, д). Находки, входящие в состав условно выделенной группы II, имеют химические соответствия в группах V и VI. Установленная связь указывает на наличие преемственности в использовании источников сырья на среднем и позднем этапах развития металлообработки на поселении Кучуктепа. Сходные черты проявляются также при сравнении металлургических показателей. Так, на всем протяжении развития металлообработки

древнебактрийского периода использовались одни и те же типы сплавов. Причем их количественное соотношение на различных этапах было примерно одинаковым: в середине VIII—VII вв. до н. э. доля оловянистых бронз составила 60%, оловянно-свинцовистых — 20%, «чистой» меди — 15%; в конце VII—V вв. до н. э. — соответственно 64,7%, 29,3% и 4%.

Вместе с тем нельзя не отметить различий. Во-первых, для среднего и позднего этапов фиксируются иные навыки приготовления оловянистых сплавов, и именно для этого времени рубеж искусственного ввода олова в медь характеризуется более низким значением, равным 0,3% (вместо 3,0% для раннего этапа). Во-вторых, в данном периоде практически не использовались высокооловянистые бронзы, содержащие 10% и более олова. Таких находок зафиксировано всего три, что составляет лишь 6,2% количества предметов из оловянистых бронз, в то время как на раннем этапе из высокооловянистых сплавов изготовлено более 50% изделий. В-третьих, в коллекции раннего этапа сравнительно большая группа вещей сделана из металла (химическая группа 1), который отсутствует в материале конца VII—V вв. до н. э.

Отметив характерные черты металла кучуктепинской культуры, проведем теперь сравнительный анализ его химико-металлургических показателей с данными о составе металлических изделий памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Средней Азии. В первую очередь это касается материала культурно-родственных Кучуктепа памятников, в которых представлены комплексы с крашеной керамикой (Яздепе, Чуст, Дальверзин, Бургулюк и др.).

К сожалению, серия анализов металла Яздепе, опубликованная Е. Е. Кузьминой (1, с. 104), дает лишь приблизительную химическую характеристику инвентаря. Эти результаты, полученные путем качественного спектрального анализа, малоэффективны в расшифровке вопросов происхождения металла, путей его проникновения и связей и могут служить только для определения металлургических групп. Судя по количественному соотношению последних, в первой трети I тыс. до н. э. в Мургабском оазисе оловянистые сплавы использовались так же широко, как на юге Узбекистана.

По химическому составу многие изделия из поселения Кучуктепа находят соответствия в металле чустской культуры. Так, металл химической группы I близок предметам второй чаткалокураминской группы (ЧК), выделенной в коллекции поселения Чуст (7). Подобный металл был также известен племенам кайраккумской культуры и населению Ташкентского оазиса, оставившего погребения у селения Искандер. С группой IV сходна третья чаткало-кураминская группа, объединившая большую часть металлического инвентаря из поселения Дальверзин (7). Аналогичный металл выделен в материале бургулюкской культуры Ташкентской области. В круг памятников, несущих металл груп-

пы ЧК II, следует также включить некрополь Тандырйул и поселение Кангурттут Южного Таджикистана и могильники Бустан 4, 5 Южного Узбекистана, датированные временем позднего Намазга VI (8). Определенное сходство обнаруживает металл III, VI и V химических групп Кучуктепа со второй и четвертой кугитанг-копетдагскими группами (КД IIб и КД IVб), распространенными во второй половине II тыс. до н. э. на юге Средней Азии, в том числе в памятниках сапаллинской культуры. Медь одной из этих групп (КД IVб) встречается также в материале тазабагъябской культуры в Южном Приаралье (9, с. 9). Сходство вышеуказанных химических групп демонстрируют сводные частотные гистограммы (рис. 5).

О распределении образцов химических групп по периодам поселения Кучуктепа свидетельствуют следующие данные:

Период	Химическая группа				
	IIб	КД	IVб	ЧК II	III
Ранний железный век. Конец VII—V вв. до н.э. (Кучук III и IV).	5		16	—	30
Вторая половина VIII—VII вв. до н.э. (Кучук II)	4		3	13	—
Эпоха поздней бронзы X—первая половина VIII в. до н.э. (Кучук I)	?		1	?	?
					1

Из-за недостаточности аналитических данных характер соотношения химических групп в материале периода эпохи поздней бронзы остается неясным. Можно только отметить, что в это время литейщики Кучуктепа применяли медь группы КД IVб, которая была известна предшественникам — мастерам сапаллинской культуры.

На раннем этапе древнебактрийского периода кучуктепинцы пользовались металлом, доставленным, видимо, из трех источников сырья. Ведущей являлась медь группы ЧК II (65%). Рудный источник этого металла остается неопределенным. Согласно имеющимся данным о распространении металла с таким составом, районом его происхождения могла являться Ферганская долина. Здесь сосредоточена почти половина коллекции металла типа ЧК II. Меньшее значение имела медь группы КД IIб (20%). Вопрос о ее рудном источнике остается открытым, не определен и центр производства этого металла. Доля металла группы КД IVб еще ниже (15%). Судя по результатам анализа изделий культур типа Намазга VI—Сапалли, во второй половине II тыс. до н. э. такая медь доставлялась южным литейщикам с северо-запада — из кызылкумского горнорудного района. Металлургические связи в этом направлении сохранялись, очевидно, и в первой половине I тыс. до н. э.

На среднем и позднем этапах древнебактрийского периода произошли изменения в металлообработке кучуктепинской куль-

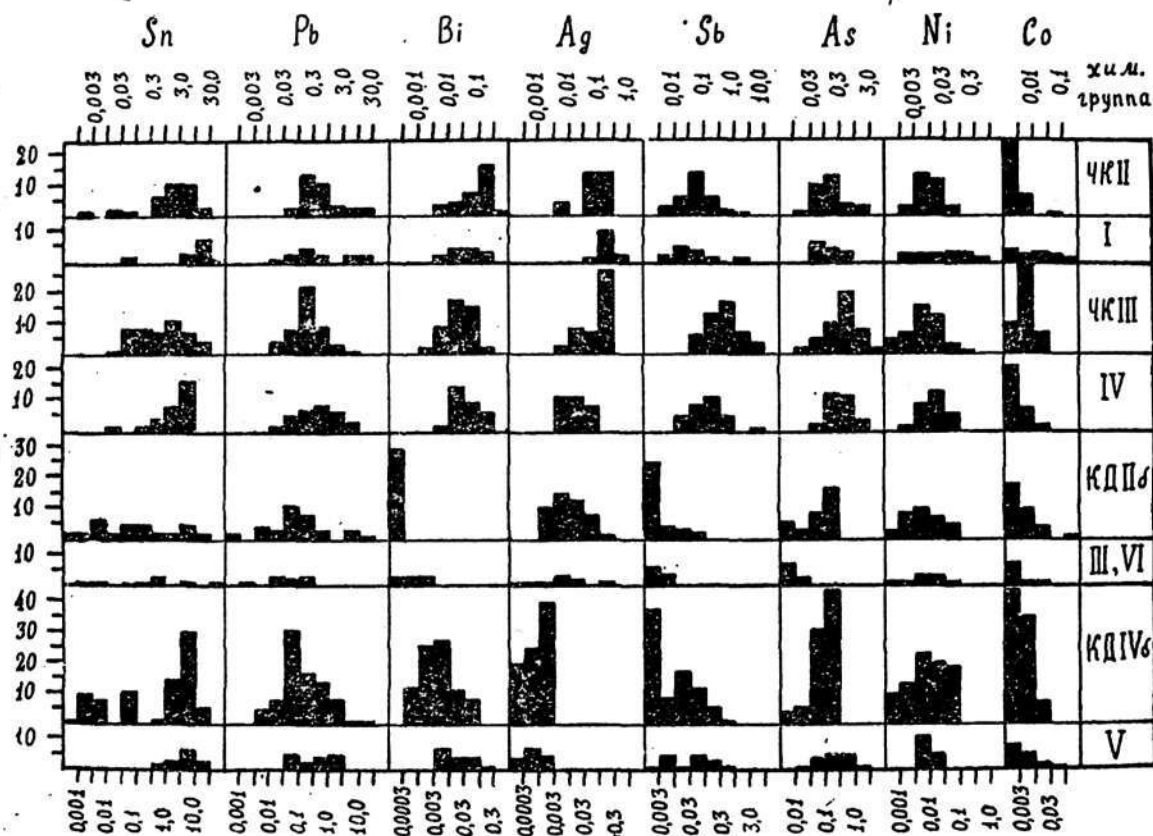

Рис. 5. Сопоставление частотных гистограмм химических групп меди Кучуктепа и металла некоторых памятников Средней Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа ЧК II — Чуст; ЧК III — Дальверзин, КД IIб и КД IVб — сводные частотные гистограммы химических групп юга Средней Азии.

туры. Вышел из употребления металл типа ЧК II. Появилась медь группы ЧК III. Значение этого металла в производстве было велико (60,9%). Его химические аналогии указывают на северо-восточную ориентацию связей с чустско-бургулюкским металлургическим очагом. Кучуктепинские мастера, вероятно, также имели контакты с населением Гиссарской и Вахшской долин Южного Таджикистана. В пользу этого предположения свидетельствуют существовавшие в конце II тыс. до н. э. тесные металлургические связи между этими районами, в результате которых на данной территории распространился химически и металлургически сходный металл (типа ЧК III с высокой долей оловянистых бронз) (8).

По сравнению с предшествующим временем, в конце VII—V вв. до н. э. увеличилась доля металла группы КД IVб (29,3%), что, вероятно, связано с активизацией контактов с кызылкумским металлургическим центром. В то же время металл группы КД IIб использовался в небольшом количестве (9,7%).

Итак, в результате проведенного анализа установлены характерные особенности металла древнебактрийского периода кучуктепинской культуры. На металлообработку этого времени большое влияние оказывал чустско-бургулюкский очаг металлургии. Определенные воздействия она испытывала также со стороны кызылкумского горно-металлургического центра. К сожалению, остается неизученным металл эпохи финальной бронзы этой культуры. По результатам анализа единственной ранней находки (черешковий двухлопастный наконечник стрелы) вряд ли имеет смысл делать выводы по металлообработке данного периода. Это станет возможным лишь с накоплением нового аналитически исследованного материала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии//САИ. Вып. 4—9. М., 1966.
2. Левушкина С. М., Рузанов В. Д. О металле древнебактрийской усадьбы Кызылча 6//Сагдуллаев А. С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.
3. Рузанов В. Д. О химическом составе металла Северной Бактрии//Тезисы докладов советско-французского colloquium «Городская среда и культура Бактрии—Тохаристана и Согда». Ташкент, 1986.
4. Рузанов В. Д. Технический прогресс в металлообработке у древнеземледельческих племен эпохи бронзы юга Средней Азии//Тезисы докладов республиканского совещания «Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху». Ашхабад, 1987.
5. Рузанов В. Д. Древние сплавы Средней Азии//ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987.
6. Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
7. Рузанов В. Д. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры//СА. 1980. № 4.
8. Аскарлов А. А., Рузанов В. Д. Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3, 4 и 5//ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1989.
9. Рузанов В. Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

Исламов У. И., Крахмаль К. К. Изучению эпохи палеолита на северо-востоке Узбекистана	3
Матбабаев Б. Х., Батиров А. Р. Костяные изделия Чустского поселения	16
Иваницкий И. Д. Саратепа-2 — поселение керамиков середины I тысячелетия до н. э. под Самаркандом	22
Хасанов М. Х. Об одном раннеантичном сосуде из поселения Курганча	41
Пидаев Ш. Р. К вопросу о локализации Александрии на Оксе	46
Манылов Ю. П. Курганы Кокпатаса	59
Кабанов С. К. Раскопки лессовой стены на городище Афрасиаб	66
Бердимуратов А. Э., Самибаев М. К. Результаты раскопок храма на Джартепа II	77
Лебедева Т. И. Раннесредневековый замок Саратепа на юго-западной окраине г. Самарканда	93
Алимов К., Дуке Х. Каварданский наус	105
Пардаев М. Археологические работы на Расулбайкултепа	108
Богомолов Г. И. К вопросу об одежде населения раннесредневекового Чача	113
Абдулгазиева Б. Археологические памятники Мархаматского района Андижанской области	122
Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть II (Караханиды, Великие Сельджуки)	134
Филанович М. И. О гончарном ремесле средневековой столицы Шаша	147
Смагулов Е. А. Комплекс керамики из бадраба городища Эски-Туркестан	155
Мирзаахмедов Д. К. Глазурованная керамика Ташкента конца XV—XVI вв.	168
Буряков Ю. Ф. Исследования 1989 г. по программе Великого шелкового пути	178
Мустафакулов С. И., Ходжайов Т. К. Краниологические материалы эпохи античности из Бактрии—Тохаристана	186
Грицина А. А., Усманова Е. Л. Изучение могильника XII — начала XIII в. на городище Культепа	193
Реутова М. А., Ахадова Г. Химико-технологическое изучение скульптуры Куевкургана	206
Аскарров А. А., Рузанов В. Д. Результаты спектральных исследований металла из поселения Кучуктепа	211

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 26

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии, Бюро отделения истории, языкознания и литературоведения АН РУз

Редактор *И. Я. Ильясова*
Художник *А. И. Бахрамов*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*
Корректор *А. А. Ковалева*

ИБ № 6032

Сдано в набор 11.09.92. Подписано к печати 13.11.92. Формат 60×90^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,25. Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 300. Заказ 182. Цена 16 р.

Издательство «Фан» АН РУз: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» АН РУз, Ташкент, 700170, проспект акад. Х. Абдуллаева, 79.

**Издательство „Фан“ Академии наук
Республики Узбекистан
выпустит в свет в 1992 г.**

А. А. Грицина. Археологические памятники Сырдарьинской области. На русском языке. 4 изд. л. Цена договорная.

В работе впервые прослеживается динамика развития истории культуры древних поселений Сырдарьинской области, рассказывается об античных и средневековых источниках и преданиях, о древних и средневековых городах Северной Уструшаны, о нелегком труде археологов, добывающих сведения о жизни и культуре предков народов Узбекистана.

Для широкого круга читателей.

160.